



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЛЕСОТЕХНИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
1803 - 2003

— К 200-ЛЕТИЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЛЕСОТЕХНИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ



**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЛЕСОТЕХНИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ**



Кн. 1428462

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ



1803



2003

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

— 2003 —

Редакционная коллегия

Г.М. АНИСИМОВ, В.А. ИЛЬИН, А.И. КИПРИАНОВ,
В.И. ОНЕГИН (ответственный редактор), В.И. ПАТЯКИН,
Г.И. РЕДЬКО, В.И. САНЕВ

Авторский коллектив

Г. И. Редько (гл.1-11, 13, 14.1-14.8.4, 15.1.1);
М. И. Фролов (гл.12);
А. С. Алексеев, Б. В. Бабилов, И. О. Боговая,
Н. Е. Булыгин, О. А. Катаев, Г. М. Кукуричкин,
А. Н. Мартынов, И. И. Минкевич, О. И. Полубояринов,
Г.И. Редько, Н.Г. Редько, В.Т. Ярмишко (гл. 14.8.5);
В.А. Ильин (гл.14.9);
В.И. Санев (гл.14.10);
В.И. Патякин (гл.14.11);
А.И. Киприанов (гл.14.12);
Г.М. Анисимов (гл.14.13);
В.А. Петрицкий, В.Г. Лебедева (гл.14.14.1);
И.И. Александров, Э.Г. Сингуринди (гл.14.14.2);
Э.О. Салминен (гл.14.15);
В.В. Бондаренко (гл.14.16);
Л.В. Цыбина (гл.14.17);
В.Е. Романов (гл.15.1.2);
Н.П. Адонина (гл. 15.2.);
Т.А. Зуева, К.Д. Козьмина (гл.15.3);
В.И. Онегин (Предисловие, гл.16).

ISBN 5-9239-0037-8

ISBN 5-98049-001-9

© Санкт-Петербургская государственная
лесотехническая академия (СПбГЛТА), 2003

© Санкт-Петербург, ЗАО "Хромис", 2003





Нагрудный академический знак,
учрежден решением Геральдического совета при Президенте
РФ от 25 января 2002 года
в связи с 200-летием Санкт-Петербургской лесотехнической
академии.

Предназначен для награждения
выпускников академии
за особые заслуги

Предисловие



Человечество вступило в XXI век. Ушедший XX век ещё дышит нам в затылок, а новое столетие уже заявляет о себе активизацией политической и экономической жизни, обострением мировых проблем, научными открытиями и прорывными технологиями. Уже ясно, что XXI век станет временем не только новых возможностей, но и новых вызовов и требований.

Атмосфера рубежа столетий, обостряя понимание нашей эпохи, обязывает нас, деятелей высшего образования, проявлять максимум заботы о достойном будущем России, об увеличении вклада высшей школы в государственно-политическое строительство и социально-экономическое развитие страны.

Российская высшая школа выросла на фундаменте западноевропейского высшего образования, в основном немецкого, и за 200 с небольшим лет, продолжая традиции мировых университетов, превратилась в одну из ведущих школ в мире.

Уместно вспомнить слова академика Д.С.Лихачева: «Университеты Европы - это, прежде всего, огромнейшие хранители и "усвоители" других культур, где эти культуры переосмысливались как "свои", нужные, целебные и питающие».

Российская высшая школа пошла тем же путем и способствовала тому, что Россия - уникальное, единственное в мире евразийское государство, где проживает более 150 народностей, обладающих огромным культурным, творческим и научным потенциалом, - стала неотъемлемой частью мировой культуры. Российской высшей школе ещё предстоит внести весомую долю своего потенциала в формирование цивилизации XXI века.

Сегодня российская лесная высшая школа вызывает всё больший интерес к себе, и предлагаемый читателю энциклопедический труд послужит укреплению её международного авторитета, продолжению сотрудничества мировых образовательных систем.

Замысел этого издания состоит в том, чтобы в исторической ретроспективе воссоздать всестороннюю деятельность самого крупного в мире лесного высшего учебного заведения, заложившего основы лесной науки и образования в России и давшего жизнь целой серии высших учебных заведений нашей страны.

Авторский коллектив предпринял попытку пройти мысленным взором интересный, противоречивый, но в целом плодотворный 200-летний путь вуза от его рождения до почетной зрелости.

Приоритет в книге отдан авторами рассказу о людях: о видных преподавателях, ученых и рядовых сотрудниках, о тех, кто являлся творцом вузовской истории, о студентах, которые, окончив вуз, стали выдающимися специалистами и руководителями, о тех, кто ныне обучается или трудится в академии, продолжая традиции предшествующих поколений.



Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия широко известна даже в самых медвежьих углах России вышедшими из её стен специалистами, легендарными преподавателями, наукой и 200-летним опытом обучения премудростям лесного дела. Она обаятельна и мудра. Она широкодушна и сурова. Она щедра и настойчива. Как повидавшее бури дерево, познавшее ласку солнца и злую каленую стужу, она - это прекрасное, древнее, ветвистое дерево, возросшее на невской скудной почве, стоит гордо и неколебимо. Но каждый год долгожданный ветер срывает с его ветвей спелые семена. И, разлетаясь по всей России, несут они «разумное, доброе, вечное», врастают в родную землю, матеря стволем судьбы, принося людям и лесу пользу, а alma mater - славу. Светло и прочно устроен русский лес, ученое же сообщество, жизнь ему посвятившее, - отражение его невозмутимого спокойствия и неизъяснимой умудренности.

Что бы ни произошло с судьбами высшей школы России, вечно юным останется наше студенчество. Жаждающие знаний абитуриенты всех губерний российских приезжают к нам сюда... нет, не грызть гранит науки, а упорно и вдумчиво постигать философию русского леса, его непростой характер, учиться жить его мерками, врастать в его умение заботиться о будущих поколениях, понимать палитру его многообразных форм жизни - от звериной нелюдимости глухомани до изысканной паркетности лесопарковой зоны. Каждый из желающих стать своим под лесным пологом ищет в академии свою стезю. Выбор велик - выбирай по силам, уму и, конечно, по душе, по сердцу.


Книга насыщена иллюстративным материалом, преимущественно портретами лиц, которые создавали и продолжают создавать вузовскую историю. Возможно, многие имена, достойные быть отмеченными, остались за пределами этого труда. И все же мы на-

деемся, что он станет еще одним нерукотворным памятником тем, кто заложил и создал основу современного высшего лесного образования и науки в России, кто и ныне, в наше непростое время, аккумулирует все ценное, что способствует совершенствованию учебного процесса и развитию научно-исследовательской деятельности в стенах Санкт-Петербургской государственной лесотехнической академии.

Мы можем и должны сделать максимум возможного, чтобы развитие отечественной системы образования шло не по линии надуманных нововведений и организационных ломок, а направлялось на удовлетворение духовных потребностей личности и общества, которых ждет от нас XXI век.

Мы можем и должны, несмотря на сложные объективные условия, добиться повышения уровня учебно-воспитательного процесса, улучшения качества профессиональной подготовки и гражданского воспитания будущих специалистов в духе тех задач, которые выдвигает наступившее столетие.

Мы можем и должны поднять научный авторитет Лесотехнической академии как центра лесной науки и образования, всесторонне и достойно оценить её вклад в научно-технический прогресс, способствующий развитию производительных сил России.



Ректор Санкт-Петербургской
лесотехнической академии,
академик РАН,
профессор В. И. ОНЕГИН

- 1 -

Знания о лесе, лесное хозяйство и подготовка лесных кадров в России XVIII в.

1. 1. Управление лесами

Вплоть до начала XVIII столетия лесного хозяйства как системы мероприятий, регламентирующих пользование лесами, их охрану, возобновление и т.п., в России не было. Лесоводство - дитя нужды в лесе, а подготовка лесных специалистов - дитя нужды в лесоводстве, лесном хозяйстве. Такой нужды в России длительное время не возникало. С утверждением частной собственности на леса и повышением их общественной или государственной значимости нужны были служилые люди - лесные стражники, егеря, лесники, засечные сторожа.

Необходимость в приведении лесов Российского государства в известность, в регламентировании пользования доступным лесом и рациональном его употреблении, в лесном законодательстве, в организации государственного управления лесами, в подготовке лесных кадров возникла в конце XVII - начале XVIII столетия в связи с развертыванием Петром I государственного военного кораблестроения.

Учрежденный в 1696 г. первый в России орган морского управления - Корабельный приказ уже в 1703 г. был реорганизован в Адмиралтей-



Лес - основное богатство России

ский, а при нем была создана Лесная контора с комиссарами для описей и составления ландкарт лесов вдоль рек для нужд кораблестроения. В том же году из Германии были приглашены два форстмейстера в качестве советников царя. Охрана лесов Ингерманландии впервые была поручена в 1705 г. полковнику Феофилачеву с подчинением непосредственно Адмиралтейскому приказу (с 1709 г. - коллегии). В 1718 г. вместо одной Лесной конторы при Адмиралтейской коллегии учреждаются Вальдмейстерская и Обер-сарваерская конторы. Первая ведала заповедными корабельными лесами, составлением ландкарт, описями лесов и охраной их, а вторая - доставкой материалов и всего того, что относилось к кораблестроению. Параллельно указом Коммерц-коллегии от 14 декабря 1714 г. среди прочего предписано было также "заботиться о сохранении и разведении лесов".

Указом от 31 января 1716 г. были введены выборные должности лесных надзирателей в Казанской губернии, а указом от 17 июня 1719 г. - во всех прочих губерниях. В 1722 г. Вальдмейстерская контора была преобразована в Вальдмейстерскую канцелярию с местонахождением в Москве. Первым ее начальником - обер-вальдмейстером, т.е. главным лесничим России, был назначен Панкратий Глебовский. В помощь ему по главным, "знатным", рекам были определены 7 вальдмейстеров, а по малым рекам, пригодным для сплава леса и впадающим в "знатные" реки, - 21 унтер-вальдмейстер. Уже в 1725 г. в России было 20 вальдмейстеров и 64 унтер-вальдмейстера. Это были помещики, дворяне, вообще грамотные люди на государственной лесной службе, имевшие пропитание от доходов со своих имений. А жалованье за службу они получали лишь за счет штрафных денег.

В 1726 г. вальдмейстеры и их канцелярия были упразднены. За заповедными лесами было по-

ручено смотреть помещикам, старостам и приказчикам, каждому в своих дачах. Общий же надзор за лесами был возложен на воевод и губернаторов. Но уже в августе 1730 г. восстанавливается учрежденное Петром I управление лесами. В 1762 г. при Адмиралтейской коллегии вместо Вальдмейстерской канцелярии учреждается Экспедиция генерал-интенданта, которой и поручен контроль за корабельными лесами. Ближайший надзор за лесами на местах поручен директорам домоводства губернских казенных палат. Вместо вальдмейстеров по рекам постепенно вводились аналогичные должности по губерниям.

В 1767 г. последовало разделение лесной части: в подчинении Адмиралтейской коллегии оставлены были только корабельные леса, а все прочие казенные переданы в ведение директоров государственного домоводства. С 1782 г. Адмиралтейская коллегия вовсе лишается влияния на леса. Однако уже в 1796 г. главное заведование корабельными лесами вновь возлагается на Адмиралтейскую коллегия с подчинением ей по этой части губернских казенных палат и директоров домоводства. Заведование прочими казенными лесами было возложено на Экспедицию государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства при Сенате. Наконец, по реформе 1798 г. (указ 26 мая) все леса, кроме помещичьих, были подчинены учреждаемому Лесному департаменту при интендантской комиссии Адмиралтейской коллегии.

При этом на протяжении всего XVIII в. в различных инструкциях и правилах предписывалось привлекать для описей лесов, составления ландкарт и управления лесами необходимое число флотских офицеров и "лесной науки знающих людей" - приглашенных из Германии форстмейстеров.

Таким было управление лесами в России до начала XVIII в.

1. 2. Лесное законодательство Петра I

Первая четверть XVIII в. - знаменательный этап в истории лесного хозяйства и природопользования в России. Это время зарождения и становления государственного лесного хозяйства, обязанное выдающейся реформаторской деятельностью Петра Великого. Возросшие объемы

лесоиспользования на государственное военное кораблестроение, на производство древесного угля, поташа, смолы, дегтя, на строительство, на топливо для жжения извести, выварки соли, обжига кирпича и т.п., а также острый недостаток крупномерного леса породили потребность в

приведении в известность доступных для эксплуатации лесов (вдоль рек), в их описях и составлении ландкарт, в упорядочении рубок леса для государственных нужд, в рациональном использовании лесов. А для этого необходимы были, прежде всего, лесная администрация и специалисты, правила и инструкции. Все это было предусмотрено лесным законодательством Петра I - его указами и распоряжениями по лесу.

ру, Большесурскую рощу в Симбирской и Леонтьев буерак в Харьковской губерниях, а также провозглашал за самовольную порубку заповедных лесов смертную казнь.

Все последующие указы упорядочивали рубки леса, составление описных книг и ландкарт, устанавливали требования к корабельным лесам, правила и время их рубки, доставки, приемки и хранения, предусматривали рациональное использование крупномерной древесины - пилку вместо тески досок, запрещение на изготовление долбленных гробов, использование крупномерных деревьев в качестве бортовых. Ограничивались объемы производства поташа, смолы, дегтя, вводилась государственная монополия на торговлю ими, на отпуск мачтовых деревьев за границу. Законы предусматривали также постепенную замену рубки леса на дрова пилением его, а также ограничения на строительство церквей и монастырей. Возобновлялись старые и устраивались новые засечные леса, упорядочивались охрана и поддержание их как оборонительных сооружений.

При Петре I трижды были описаны леса Ингерманландии - в 1705, в 1715 и в 1720 гг. При последнем описании было осуществлено и административно-территориальное обустройство этих лесов. Они были разделены на пять долей. В первую вошли дачи по Выборгской стороне от Петербурга до Лахты и Шлиссельбурга, во вторую - Копорский берег от Петербурга до Шлиссельбурга, в третью - от Петербурга до Круглой горки и Каравалдая, в четвертую - острова в Петербурге и в пятую - Ямбургский уезд.

Охрана лесов была поручена 10 дворянам во главе с комиссаром Кафтыревым, а в помощь им выделены солдаты или драгуны. Найденные для кораблестроения леса отмежевывались просеками с постановкой через каждые пять верст, в качестве признаков, виселиц. Ряд указов Петра I предусматривал лесовосстановление и лесоразведение корабельных лесов. Известны удачные примеры создания корабельных дубовых лесов с личным участием Петра I: дубовая роща в урочище "Черепаша" близ Таганрога (посев 1698 г.), Ближние, Средние и Дальние (Сестрорецкие) дубки на северном побережье Финского залива, отдельные посадки дуба и других пород в различных местах. Наконец, венцом лесного законодательства Петра I было учреждение в России лесной администрации - лесных надзирателей и



Петр Великий,
император Российский, 1-й лесовод России

Самым первым лесным указом общегосударственного значения от 1 февраля 1703 г. был положен предел свободной рубке лесов в России. Он предписывал "осмотреть и описать леса заповедных пород во всех городах и уездах, в дворцовых и патриарших и в монастырских, и всяких чинов помещичьих и вотчинниковых землях ...". Заповедными породами объявлялись дуб, клен, сосна в отрубе толще 12 вершков, вяз, карагач и лиственница, "пригодные на корабельное и иных морских судов строение". Заповедными объявлялись и леса этих пород, произрастающих от рек больших - на 50, а от малых, пригодных для сплава леса, - на 20 и 30 верст.

Указ от 19 ноября 1703 г. добавлял к заповедным породам ильм и ясень, впервые устанавливал заповедными дубовые массивы: Ильину го-

вальдмейстеров по рекам во главе с обер-вальдмейстером П. Глебовским и административных органов управления лесами - Лесной конторы, а затем Вальдмейстерской канцелярии при Адмиралтейской коллегии и написание первой в России обер-вальдмейстерской инструкции.

Кроме того, со всей России и из стран Западной Европы для создания дворцовых и садово-парковых ансамблей вблизи Санкт-Петербурга доставлялись саженцы различных древесных по-

род и семена. В 1717 г. были учреждены два государственных лесных питомника. Приглашенные из-за границы мастера готовили специалистов по садово-парковому искусству. При Петре I было основано много аптекарских огородов - предшественников современных ботанических садов. Все это дало основание работникам леса уже в XIX в. считать Петра Великого первым лесоводом России, оказавшим большое влияние на последующее развитие лесного хозяйства.

1.3. Лесные знатели в России. Ф.Г. Фокель и его книга

Уже при жизни Петра I пришли к выводу, что для описей корабельных лесов необходимы специалисты - люди, владеющие лесным искусством. Адмиралтейская коллегия, обсуждая в 1726 г. вопрос, "почему корабли Ея императорского величества жестоко гниют и в худое качество приходят", причину этого видела в негодной практике рубок престарелого леса без выбора, в летний период и без определения, из-за незнания, по внешним признакам внутреннего здоровья деревьев.

На основании сенатского указа 1726 г. при посредничестве гамбургского купца Говерса в 1727 г. в Россию были приглашены по контракту три лесных знателя: Мелхиер Зелгер, Яган Фалентин Мерцгунмер и Фердинанд Габриель Фокель, которые до приезда в Россию работали в лесах по р. Эльбе. По условиям контракта они обязывались проработать в России 4 года и еще 2 года "по произволу Ея Императорского Величества". В качестве форстмейстеров они обязывались "по обыкновению российскому":

- обследовать и описать леса, пригодные на кораблестроение;

- содержать и охранять их не только так, как в Германии, но и "буде можно, лучше";

- подчищать от сучьев корабельные деревья, определять время их заготовки, пути доставки и пр.;

- "для лучшего содержания и присмотру в сохранении тех лесов по искусству иметь при себе учеников по 6 человек у каждого";

- находить пригодные для корабельных роц свободные места, создавать и выращивать их по правилам "лесного искусства";

- осмотреть и описать помещичьи земли, пригодные для развода вновь дубовых лесов.

Лесным знателям была дана инструкция, чтобы описывали леса от рек в гору верст на 30 и 50, пока будут находиться годные и здоровые к корабельным и прочим строениям деревья, клеймить их, а также описывать условия местопроизрастания корабельных лесов: "на каких землях оные леса отыщутся, на каменистых или глинистых, или при болотах, и мокрые и сырые и песчаные места, и тот дубовый лес растет между дубрав или едино". М. Зелгер и Я. Фалентин были отправлены в Казанское адмиралтейство, а Ф. Г. Фокель, как наиболее опытный, был оставлен при столичном Санкт-Петербургском адмиралтействе в качестве форстмейстера его императорского величества.

За время работы Я. Фалентин (уехал в Германию в 1734 г.) и М. Зелгер (умер в Казани в 1742 г.) по рекам Волге, Суре, Свияге, Тоте и др. подчистили около 2 млн. дубков от 6,4 до 10,2 см "по округлости, отыскивали впредь к подчистке и для разводу лесов годного молодого дуба от Камского устья по нагорной стороне вверх по Волге до Суры расстоянием 300 верст на многие годы", вычистили на значительной площади дубовые леса от кустарников и второстепенных древесных пород, а также развели посевом желудей и посадкой молодых дубков-дичков новые роци общей площадью около 10 га.

Ф. Г. Фокель проработал в России 25 лет. С 1727 по 1753 г. он ежегодно находился со своими учениками и работными людьми в посылках-командировках или экспедициях Санкт-Петербургского адмиралтейства по изысканию, обмеру и описанию корабельных и мачтовых лесов в Санкт-Петербургской, Олонецкой, Архангельской, Новгородской и других губерниях и про-

винциях северо-запада России. Только в течение 1729-1735 гг. Фокель в лесах Сестрорецкого завода - вдоль Черной речки и вокруг ближайших к ней озер, а также в других местах Выборгской губернии вместе с комиссаром Беером и учениками нашел и освидетельствовал, заклеил и сдал под охрану ни много ни мало около 3000 мачтовых сосен. Он занимался посевами, поправками и пересадками лиственничных и других годных лесов, а также выполнял много других специальных поручений, т. е. то, что ему повелевали. За 25 лет службы в России Фокель разводил и описал с представлением описных книг и ландкарт многие леса северо-запада России для нужд государственного кораблестроения. Кроме того, он нашел многие места, пригодные для выращивания корабельных лесов, и занимался постоянно этим, включая также заготовку семян, посева, посадки и ухода за молодняками. Фокель составил целый ряд правил и инструкций: "Каким образом надлежит поступать в разводе и бережении дубовых роц", "Особый регламент, который принадлежит к должности форштмейстера с его потребными служителями", "Мнение о лучшем заготовлении корабельных лесов и содержании кораблей в затопленном состоянии" (1748), "Инструкция о том, как ухаживать и расширять лиственничную плантацию" (1750) и др. Он разработал положение, которое специальным указом превращено было в "Устав о севе и заводе для удовольствия Ея Императорского Величества флота вновь лесов" (1732).

В 1738 и 1743-1750 гг. Фокель вместе со своими учениками посевом и посадкой создал первые участки сохранившейся до наших дней Линдуловской лиственничной корабельной роци.

Еще одним, может быть, самым главным итогом многолетней работы Фокеля в России, итогом его наблюдений, исследований и экспериментов является самая первая в России книга о лесах, написанная им в 1752 г.: "Собрание лесной науки", ч. I, и изданная в 1766 г. под названием: "Описание естественного состояния растущих в северных российских странах лесов с различными примечаниями и наставлениями, как оные разводить". Рукопись книги получила благожелательные отзывы академиков М. В. Ломоносова и С. П. Крашенинникова. Книга уникальна не только как первый учебник, монография и справочник по лесоводству одновременно, но и как литературный памятник.

В авторском предисловии содержится мысль о том, что люди обычно разбазаривают и недооценивают то, что имеют много, и лес, в частности, а начинают ценить лишь тогда, когда его уже нехватает, и поправить дело можно лишь большими затратами на его выращивание. Отмечено, что уже на то время в России "весьма великие пустоши и степи находятся", причиной чего Фокель считал незнание того, как "в приумножении деревьев и лесов... поступить доподлинно, что к тому же надлежит полное знание и искусство".

Уместно привести еще одно высказывание Фокеля о цели написания книги:

"Беспристрастному свету не противно будет, егда я, яко старый форштмейстер и правильной форштмейстерской и лесной науки охотник, дерзаю мое мнение не в указу, не в намерении тщеславия себе искать письменно выдать, наипаче чтоб тем не противно Российскому государству служить. А особливо нынешнему свету и бывшим при мне моим ученикам в правило дабы придать им охоту вдаль о том помышлять с прилежною наукою о древах и о состоянии оных по здешней природе ... не боле к своей достойной славе оставляю, но мое намерение к тому только клонится, чтобы экспериментальным образом о свойстве здешнего роду деревьев по экономии писать, а особливо же какие деревья в здешнем государстве, коль далече во исправление Ея Императорского Величества службы здесь, в северной стороне, быть допустило... именно в Выборгской, Санкт-Петербургской, Новгородской и, отчасти, в Архангельской губерниях..." (Фокель, 1766).

В книге приведены характеристики 15 древесных и 11 кустарниковых пород. Кроме общебиологических и лесоводственных свойств, морфологии вегетативных органов, приведена и фенология этих пород в условиях северо-запада России, результаты многочисленных исследований по плодоношению, сбору, переработке и хранению семян, срокам посева, выращиванию посадочного материала, агротехнике создания и выращивания лесных насаждений. Упомянуты пороки, вредители и болезни, рассказано и о применении древесины. Автор книги был хорошо знаком с лесными законами европейских стран и зарубежной литературой по лесоводству, о чем свидетельствуют неоднократные его ссылки на немецкие, шведские и другие лесные уста-

вы и регламенты. Впрочем, он знал не только литературу по лесоводству. Цитирование церковных книг, произведений древних и средневековых историков и писателей выдает в нем весьма образованного для своего времени человека.

Хорошо знал Фокель и основы корабельного дела. Поэтому особенно большое внимание уделяет он древесным породам, используемым в кораблестроении; оно и понятно - это же был его хлеб. Из 529 параграфов, на которые очень удачно поделен весь текст книги, дубу посвящено 123, лиственнице - 47, сосне - 48. При этом о каждой породе он пишет обстоятельно, детально, со знанием дела. Скажем, в главе о лиственнице он подробно описывает особенности роста дерева, в деталях рассказывает о коре, опадении хвои, фенологии, сроках созревания, сборе и способах переработки шишек, обескрыливания семян. Здесь же дает советы по агротехнике возделывания, учитывая опыт таких работ при создании корабельной лиственничной рощи на берегах р. Линдуловой. Его наблюдения всегда точны, а советы и рекомендации предметны: "Искусство научает, что все деревья, которые на солнце и свободном воздухе просторно и умеренно растут, завсегда крепче, вязче, тонкослоистее и тверже бывают, нежели такие, кои в темноватых местах и не на свободном воздухе возрастают" (Там же, с. 56-57). Лучшим временем рубки леса Фокель считал зиму, "когда соки окрепнут и одеременеют, при том же тогда и прочнее, нежели весной, ибо от весны до середины лета во всех деревьях сок стоит текущею водою, в одних виднее, нежели в других... Искусство научает, что лес в корабельное строение лучше и прочнее такой, который по срубке, спустя два или три года, в дело употребится" (Там же, с. 80).

Фокель первым обратил внимание на наличие в лесах берез с повисшими и прямостоячими ветвями двоякого качества, "...из коих одни больше и стемель листа белее, а у других стемель краснее и лист бывает гуще" (§ 26). Тогда же он заметил и карельскую березу: "В Лапонии, Финляндии и Карелии находятся такого рода березы, что снизу в конце растут толще, вышиною с человека, толщиной в две пядени и редко находятся в лесах, а где и есть, то обыкновенно вкупе, но одна меньше другой, у коих все жилки видом так, как у престарелых, и листья на них гуще, нежели на прочих... Оный род березы

внутренностию походит на мрамор, которую обыватели отыскивают на токарную работу на чашки, стаканы и прочия тому подобные вещи. Я из того рода березы видел выточенный ракетный станок, который за дорогую цену был продан" (Там же, § 204, 205).



Линдуловская лиственничная
корабельная роща.
Посев Ф.Г. Фокеля 1738 г.

Не преминул Фокель оценить и лекарственные свойства описываемых им растений, говоря, что "...из сего довольно видимы щедроты Вышнего Создателя, по велению которого земля для всякого климата столько лекарственных трав производит, сколько обывателям для сохранения своего здоровья потребно".

В заключение Фокель вновь повторяет, что не ради славы своей он составляет свое рассуждение-книгу, а в благодарность России, а также ученикам своим, "дабы... при случае, где впредь найдутся другие роды дерев, о коих званий и качеств еще не известно, после него могли бы в описании их ему последовать" (Там же, с. 372-373).

Вторую часть книги Фокель намеревался посвятить созданию и выращиванию корабельных лесов, а третью - свойствам древесины корабельных лесов. Однако смерть оборвала жизненный путь его весной 1753 г. Второе издание

первой части книги россиянина из немцев Ф.Г.Фокеля "Собрание лесной науки", подготовленное профессором Санкт-Петербургской лесотехнической академии Г.И.Редько, вышло в свет в 1996 г.

1. 4. Знания о лесе в России XVIII в.

Основной побудительной причиной не только для издания первых общегосударственных лесных законов, но и для приведения лесов в известность - описаний их, составления ландкарт, организации лесопользования и лесного хозяйства в целом были резко возросшие потребности в древесине для нужд кораблестроения. Только при Петре I за 1693 - 1725 гг. в России было построено 895 военных кораблей, в том числе 537 крупных. В течение же всего XVIII в. было построено 2 474 военных корабля. На каждый корабль шло, в зависимости от ранга, в среднем от 4 до 12 тыс. самых крупномерных корабельных деревьев высшего качества (Редько, 1984). На строительство кораблей использовались деревья дуба, сосны, лиственницы, клена, ясеня, заготавливаемые приисковыми рубками вблизи сплавных рек. Описание и составление ландкарт лесов в течение всего XVIII в. производили флотские офицеры, мастера кораблестроения, немецкие лесные знатели со своими учениками из россиян и ученики учеников лесных знателей. Были созданы крупные судостроительные верфи и адмиралтейства в Санкт-Петербурге, Архангельске, Казани, Воронеже, Брянске. За ними и были закреплены приречные корабельные леса. До нашего времени сохранились 52 карты с описями лесов в 13 губерниях Европейской России, выполненные в 1733 - 1781 гг. (*Генеральный атлас, 1782*). Самые старые карты - 1733-1750-х гг. составлены Ф. Г. Фокелем и другими лесными знателями с их учениками, а большинство - флотскими офицерами, геодезистами и корабельными мастерами, среди которых только 3, очевидно, были иностранцами, а 41 - русскими.

За 50 лет XVIII в. самых высококачественных клейменных для кораблестроения деревьев дуба было учтено 1,7 млн. шт., преимущественно в Казанской губернии. Однако и в Воронежской их было найдено 15 665, в Нижегородской - 9090, на северо-западе Новгородской - 726, в

Рижской - 394 и, что удивительно, в Выборгской - 60 шт. Было найдено более 2 млн. шт. неклеяемых деревьев дуба, в том числе в губерниях Смоленской (19150), Белгородской (34431), Казанской (677115) и, снова как сюрприз для современного лесного хозяйства, в Санкт-Петербургской - 7325, в Новгородской - 44 667 и в Архангельской - 2 208 шт. Одних мачтовых сосен в течение 50 лет было заклеено 1,4 млн.шт., преимущественно в Казанской губернии. Лиственничных корабельных деревьев, заменявших дуб, учтено было всего лишь 76 420 шт. и, как ни удивительно, в Новгородской губернии, простиравшейся в то время далеко на север и северо-восток Европейской России. Больше всего было учтено незаклеяемых корабельных деревьев лиственницы - 619 255 шт., в том числе в Архангельской губернии - 515 140. По данным Санкт-Петербургского форстмейстера Селиванова (ученика лесных знателей Я. Фалентина и Ф. Г. Фокеля), в Линдуловской роще на 1782 г. уже произрастали 12 тыс. лиственничных деревьев.

Сравнительно много было заклеено тогда же корабельных деревьев клена остролистого, ясеня, ильма, вяза (всего 5 233 шт.) в Воронежской, Белгородской, Новгородской и Санкт-Петербургской губерниях. В целом же различными описателями (*Генеральный атлас, 1782*) было найдено и заклеено для кораблестроения около 19 млн. деревьев, да не заклеяемых - 67,5 млн. и впредь годных - около 5 млн. Эти данные характеризуют огромную работу по приведению лесов Европейской России в известность для нужд кораблестроения. Они и составляли фонд знаний о лесах России.

Истоки научных знаний о лесах нашей страны мы находим уже в трудах сподвижников Петра I, входивших в его ученую дружину или бывших просто его современниками, и особенно в работах академиков детища Петра Великого - Санкт-Петербургской Академии наук.

Иван Тимофеевич ПОСОШКОВ (1652-1726) - современник Петра I, крупный экономист-мыслитель и знаток лесного дела. Его идеи и мнения по вопросам лесоводства, изложенные в "Завещании отеческом" и книге "О скудости и богатстве", принадлежат к истокам русской науки о лесе. Лес он рассматривал как одно из крупных богатств России, к использованию которого следует подходить бережно и разумно, всецело в интересах государства. Он подчеркивал даже в то время необходимость рационального использования леса и давал советы по его разведению посевами и посадками в виде смешанных древостоев и охране их от пожаров. Видя беспощадные рубки дубовых лесов по Волхову, он с возмущением отмечал нерациональное использование древесины дуба в кораблестроении. Есть в книге Посошкова и рекомендации, когда и как правильно рубить корабельный лес. К сожалению, книга эта была знакома лишь по спискам, один из которых, благодаря М. В. Ломоносову, сохранился в библиотеке Академии наук. Впервые она опубликована была лишь в 1842 г.

Василий Никитич ТАТИЩЕВ (1686-1750) - сподвижник и ученик Петра Великого, учился в Италии, Испании и Швеции. Выдающийся госу-



Василий Никитич Татищев

дарственный деятель, один из виднейших организаторов горного дела на Урале, историк, географ. Он требовал при разработке медных и железных руд всячески оберегать леса от непорядочной и лишней рубки, от пожаров. Подробно расписал порядок использования лесов на строительство и топливо с таким расчетом, чтобы не наносить ущерба их естественному возобновлению. В 1737 г. Академия наук разослала для губернаторов и прочих управителей детально разработанный Татищевым вопросник-анкету. Среди других там были и такие вопросы: "Какие деревья разных родов в лесах с плодами и без плодов находятся ... оные с их листьям и плодами описать обстоятельно...". Особенно обращалось внимание на поиск свилевого и твердого дуба, берез с капами, узорчатого клена и т.п. Был и такой чисто фенологический вопрос: "В которое время и какое дерево в первых весною лист и цвет показывает и в осень отпадает?" Во "Введении к гисторическому и географическому описанию Великороссийской империи" читаем: "Лесными деревьями Российская империя перед всеми протчими государствами избыточествует, между которыми дуб не только в разные строельные и столярные работы, но и к корабельному строению употребляемой, предпочтению достоин есть" (Татищев, 1744). Там же автор пишет о широком распространении в России сосны, ели, березы, липы и др., отмечает приуроченность орешника, клена, ясеня, дуба к теплым провинциям. По его наблюдениям, дуб распространен в лесах только западнее Урала. Для Сибири обычными породами он называет кедр, лиственницу, пихту. Ему были известны свойства древесины разных пород и виды использования ее. Впервые Татищев обратил внимание на почвы в России, требуя ответа в анкете на вопрос: "Какие природою те земли, плодоносные ль, яко черные с песком, или иловатые, глинистые, песчаные, каменистые, мокротные и болотные..." (Там же). Его интересовали также цветы, птицы, гады, рыбы, нахождение костей и окаменелостей.

Степан Петрович КРАШЕНИННИКОВ (1713-1755) - академик, друг М. В. Ломоносова, выдающийся русский ученый, участник Великой Сибирской экспедиции (1733-1743) Академии наук России и научного открытия Сибири. В книге "Описание земли камчатской", первое издание которой вышло в год смерти автора, впервые приведено описание растительности

Камчатки, границы распространения лесов и древесных пород в них. По его данным, там тогда произрастали лиственница, пихта, тополь, береза, ветла, ольха, рябина, кедровый стланик, можжевельник, два вида боярышников с красными и черными ягодами, черемуха, шиповник, жимолость с черными ягодами, а также морошка, голубика, шикша, брусника, княженка, клюква. Лиственничники были распространены только вдоль р. Камчатки и ее притоков, а топольники - в поймах рек. Сосны и осокоря "не примечено нигде на Камчатке ни дерева". Камчатские виды березы отличались от европейских: они были "серее, весьма шероховаты, а древесина тверже". Крашенинников впервые обнаружил и описал реликтовую рощу на Камчатке из пихты, называемой сегодня грациозной. Роща эта сохраняется до сих пор и продолжает интересовать различных исследователей. Книга Крашенинникова неоднократно переиздавалась в России, издана также на немецком, французском, английском и голландском языках.

С. П. Крашенинникову обязаны мы и публикацией одной из самых первых книг по флоре С.-Петербургской губернии - "Флора Ингрии", изданной в 1761 г. "Одаренный разумом и знаниями, с величайшими трудностями собирал он сокровища Сибири. Достойный гражданин отечества, много пользы принес бы он потомкам, если бы рок так быстро его не похитил", - писал один из биографов Крашенинникова - А. М. Карамышев. Добавим от себя, что Крашенинников был одним из первых российских академиков, он же дал разрешение на публикацию книги Ф. Г. Фокеля "Собрание лесной науки". С 1748 г. он имел звание профессора ботаники и занимал должности ректора академического университета, инспектора университетской гимназии, а также директора Ботанического сада Академии наук.

Иоганн Георг ГМЕЛИН (1709-1755) - участник Великой Сибирской экспедиции 1733 - 1743 гг., автор обширного труда "Флора Сибири", опубликованного на латинском языке (СПб, 1747-1769 гг. - Т.I-IV), и 4-томного "Путешествия по Сибири с 1733 по 1743 гг." (Геттинген, 1751-1752).

Михаил Васильевич ЛОМОНОСОВ (1711-1765) почитается нами, благодаря работам И. С. Мелехова (*Мелехов, 1981*), как первый лесовед России. Почти два с половиной столетия назад первым российским академиком

был проявлен интерес к лесу, высказаны ценные для лесной науки мысли и догадки. Он настаивал, прежде всего, на рациональном использовании и сбережении лесов, отмечая возможность замены его как топлива торфом.

Ломоносов предвосхитил важные положения современного учения о лесе, в том числе и о воздушном питании растений - фотосинтезе, о почве, даже о роли различных древесных пород в образовании гумуса: "В лесах, кои стоят всегда зелены и на зиму листа не роняют, обыкновенно



земля песчаная; каковы в наших краях сосняки и ельники. Напротив того, в березниках и в других лесах, кои лист в осень теряют, больше преимуществует чернозем. А как известно, что лист на земле сгнивает и в навоз перегнивает, то не дивно, что чрез них пески, глины и другие подшвы черною землею покрываются... Сосновые, еловые и других подобных дерев иглы спадают в малом количестве и для того не могут с листьями сравниться" (*Там же*).

В своих сочинениях Ломоносов, хотя и попутно, дал ряд четких определений, характеристик и описаний северной растительности: "Тундрами называются леса, мхами зарослые, кроме болот в лесу, каковыми заняты по большей части берега Северного океана". Ломоносов считал

торф, бурый и каменный уголь, а также "каменное масло, жидовенную смолу, нефть, гагат и сим подобные", продуктами разрушения растительных остатков. Растительного происхождения считал он и янтарь как окаменелую смолу деревьев.

Особенную озабоченность Ломоносова вызывали лесные пожары, которые "производя опустошения, иногда земное недра обнажают... лишая употребления дерева и, сверх того, ловли звериной" (*Там же*). Он всячески пропагандировал переход от рубки к пиленю при заготовке дров и сам построил лесопилку в своем имении. Изучал он и химический состав древесины и пришел к выводу о необходимости ее пропитки смолами, особенно для использования в кораблестроении. Введенный им термин "терпентин" (живица) сохранился в научном обиходе до настоящего времени. Ломоносов подчеркивал важнейшие значения леса в связи с проблемой освоения Сибири и Дальнего Востока. Ему принадлежит широко известная пророческая крылатая фраза: "Богатство России Сибирью прирастать будет". Он рекомендовал принять неотложные меры к изучению лесов. Своим вниманием к проблемам леса Ломоносов подтверждал общественную значимость лесного дела в России и тем самым способствовал его развитию в стране.

Андрей Тимофеевич БОЛОТОВ (1738-1833) - ученый-энциклопедист, оставивший глубокий след в ряде отраслей знания, писатель и публицист, издатель, агроном и садовод, ботаник, фармацевт, цветовод и выдающийся практик-лесовод. Его творческое наследие составляет 350 томов. Только по лесоводству в течение 1766-1830 гг. он опубликовал 46 работ, преимущественно на страницах журнала Вольного экономического общества. Болотов издавал и редактировал журналы "Сельский житель" (1778-1779), "Экономический магазин" (1780-1789), "Земледельческий журнал" (1822-1830).

Касаясь состояния лесов и лесного хозяйства России второй половины XVIII столетия, Болотов писал: "Из всех разных частей сельского домостроительства, едва ли которая находится у нас в столь худом состоянии, как та, которая до заведения, бережения, рубления или вообще до содержания лесов принадлежит" (*Болотов, 1952, с.245*). Нехватку леса во многих уездах центральной России он рассматривал как "худую экономию с ним" в результате бессистемных ру-

бок, проводимых где и как попало. Безлесие появляется у нерадивых лесных хозяев там, где были прежде леса, по их же собственной вине.



Андрей Тимофеевич Болотов,
ученый-энциклопедист,
изложил свое видение лесного хозяйства
как единой системы

Лесоводственные статьи Болотова касаются выращивания посадочного материала и насаждений древесных и кустарниковых пород, ведения правильного лесного хозяйства. Он впервые высказал мысль о приуроченности тех или иных пород к определенным условиям местопроизрастания. На основании своего личного опыта Болотов подробно обосновал необходимость создания специальных древесных рассадников - запасных магазинов для выращивания посадочного материала древесных и кустарниковых пород, названных им лесными питомниками. Он же предложил и обоснованную схему организации территории таких питомников, сформулировал некоторые важные принципы лесоразведения, разработал мероприятия по борьбе с эрозией почв, предложил испытанный им способ зеленого удобрения почвы - запахивание гречихи.

В своем основном лесоводственном труде - пространной статье "О рублении, поправлении и заведении лесов" (1766-1767) Болотов изложил свое видение лесного хозяйства как единой системы содержания леса, лесопользования и

лесовосстановления. Для облесения прогалин в лесу он рекомендовал использовать дички, но лучше, "если сии деревца браны были из древесного рассадника". Учитывая недостатки и трудности посева леса, Болотов за лучшее считал посадку леса. Агротехнику выращивания посадочного материала он свел в 10 правил (*Редько, 1983, с.11-12*), которые в принципе верны для Тульской области и сегодня. Болотов отстаивал принцип постоянства пользования лесом, считая его самым главным условием правильного ведения лесного хозяйства. Особенно критиковал он нерадивых хозяев за бессистемное пользование лесом: "Где натура лес произвела и, по несчастью, он у многих владельцев общий, там рубят его без всякого сожаления, употребляют на надобное и не надобное, равно как бы друг перед другом спешат скорее вырубить и чтобы кола и доброй хворостины не осталось. Рубят дрова и лес тогда, когда им понадобится, где ни вздумается, и столько, сколько им надобно. Всего ожидают только от природы... Я нахожу только две вещи, которые при рублении лесов вообще, какого бы состояния они ни были, двумя важнейшими правилами почитаемы и наблюдаемы быть бы должныствовали. Первое, чтоб их не так рубили, как кто хочет, а так, как натура леса требует. Второе, чтобы из них не столько вырубить, сколько кому надобно или сколько кто хочет, а столько и отнюдь не более, сколько лес или, паче сказать, обширность его позволяет" (*Болотов, 1952*). Он же предвосхитил современные воззрения о необходимости собирать семена древесных пород с лучших по роду и габитусу деревьев, о спелости леса и оборотах рубки. Болотов первым установил зависимость порослевой способности деревьев от толщины пня, описал лесоводственные свойства многих древесных и кустарниковых пород средней полосы Европейской России.

М.Е. Ткаченко по праву назвал Болотова основоположником отечественного лесоводства.

Иван Иванович ЛЕПЕХИН (1740-1802) - ученик С. П. Крашенинникова, ботаник, естествоиспытатель, путешественник, исключительно много сделал для раскрытия природы разных регионов России, преимущественно Севера.

Он обратил внимание на замедленный рост деревьев на границе леса с тундрой, описал тундру и

многие северные растения, привел их русские названия. Интересовался и вопросами лесохимии. Многие материалы, относящиеся к лесам, найдены не в виде отдельных статей, а как бы теряются среди обширного географического материала.

Петр Симон ПАЛЛАС (1741-1811) - русский академик-естествоиспытатель, ботаник, знаменитый путешественник и руководитель одной из экспедиций Академии наук, предпринятых в частичное осуществление планов директора Географического департамента академика М.В. Ломоносова по географическому изучению России. Палласу принадлежит "Описание растений Российского государства с их изображениями", изданное впервые в 1786 г., а также 5-томное "Путешествие по разным провинциям Российской империи" (1773). Паллас впервые описал ботанический сад П.А. Демидова, заложенный в 1755 г. в Москве на территории Нескучного сада, отличавшийся по тому времени неслыханным богатством разнообразных коллекций редких растений. По мнению В.И. Вернадского (1988, с. 224), "труды П.С. Палласа до сих пор лежат в основании наших знаний о природе и людях России". Паллас был автором проекта первого Устава о лесах, хозяйственные правила которого были введены в 1785 г.

И.Г. ЛЕМАН (1719-1767) - химик и геолог. На страницах журнала Вольного экономического общества в 1766 г. опубликовал две статьи: "Мнение о лесах" и "Как лучшим способом жечь из дров уголь". В них была отмечена тесная связь лесного дела с горным. Ему принадлежат и другие статьи: "О присмотре и сбережении лесов", "О разведении новых", "О присмотре за разведенными и старыми лесами", "О правильном и полезном их употреблении".

К числу зачинателей русского лесоводства, очевидно, надо отнести и академика А.А. Нартова (1736-1813), членов-корреспондентов Санкт-Петербургской Академии наук П.И. Рычкова (1712-1777) и К.Г. Лаксмана (1737-1796), опубликовавших ряд ценных статей по лесу: "О посеве леса" (*Нартов, 1767*), "О сбережении и размножении лесов" (*Рычков, 1767*), "Наилучший способ сеять древесные семена для произрастания лесов в сибирских степях" и "О посеве древесных семян в северных странах" (*Лаксман, 1769 и 1774*).

1. 5. Подготовка кадров

Если лесоводство в широком смысле слова - дитя нужды в лесе, то лесное образование - дитя лесоводства. В истории отечественного лесоводства по отношению к образованию, созданию и развитию учебных заведений можно выделить 4 этапа: древний - до реформаторской деятельности Петра I, начальный, или практический, охватывающий XVIII в., средний - XIX - начало XX в. и новейший - 1920-е гг.-начало XXI в.

Длительное время из-за изобилия и доступности лесов, а также сравнительно небольшой потребности в древесине пользование лесами и меры правительства по отношению к ним даже приблизительно не соответствовали ведению лесного хозяйства. Существовали лишь некоторые ограничения в пользовании лесом как охотничьим, бортничьим и т.п. угодьем или ухожем в княжеских, государевых или монастырских лесах. Этот период условно можно назвать древним.

В начале XVIII в., когда потребовалось огромное количество древесины для кораблестроения и мануфактурных производств, обнаружился недостаток в крупномерном лесе вблизи путей транспорта - сплавных рек. Петр I организовал приведение лесов в известность, описание их, составление ландкарт, впервые создал общегосударственное лесное законодательство, лесную администрацию, первые лесные инструкции, регламентировавшие не только пользование лесом, но и какие-то элементы лесного хозяйства. Естественно, что появилась нужда и в лесных специалистах, прежде всего в описателях лесов, составителях ландкарт, знавших требования к корабельному лесу. Это были, как правило, флотские офицеры, мастера кораблестроения - боммейстеры и приглашенные из Западной Европы практики-лесоводы. Каждому из них полагалось иметь учеников-россиян. Именно они и удовлетворяли потребность государства в лесных специалистах в течение всего XVIII в., который и можно характеризовать как этап, или период начального практического лесного образования.

К концу XVIII в., когда практически уже были сформированы основные элементы лесного хозяйства как отрасли народного хозяйства и от специалистов потребовались научные знания, назрела крупная лесная реформа. Уже в начале XIX в. в России было открыто несколько лесных

училищ - институтов, начавших планомерную подготовку лесных специалистов высокого уровня. Однако в течение всего XIX в. и до начала 1920-х гг. специалистов с высшим лесным образованием готовил преимущественно один Санкт-Петербургский лесной институт. Это был средний период.

Наконец, в течение первого десятилетия советской власти (1918-1930) была создана существующая и сегодня не только в России, но и во всех странах СНГ (бывшего СССР), система высшего, среднего и низшего специального лесного образования, включающая десятки лесных вузов, факультетов, техникумов и школ. Этот период, с точки зрения лесного образования, условно можно назвать новейшим.

Реформируя политическую, экономическую и общественную жизнь России, Петр I не только дал толчок, или новый импульс развитию имевшихся в стране мануфактурных производств и промыслов, но развил целый ряд новых производств и отраслей народного хозяйства. Естественно, что для этого требовались знающие люди - специалисты, для подготовки которых в России не было учебных заведений.

Бывая за границей, царь везде, где представлялась возможность, приглашал в Россию специалистов. В одном Амстердаме он нанял около тысячи разных мастеровых и ремесленников. Уже в 1697 г. с Великим посольством были отправлены для обучения три партии стольников в Венецию и одна - в Англию и Голландию, всего 61 чел. из молодых дворян. В апреле 1699 г. по возвращении их в Россию Петр I сам экзаменовал всех в Воронеже. При этом на "удовлетворительно" выдержали экзамен лишь 4 из 68. Более удачной была посылка 30 учеников вместе с царем в Голландию и Англию.

В 1696 г. при подготовке ко второму Азовскому походу Петр I принял на службу около 50 иностранных мастеров, а в 1697 - 1699 гг. - еще около 120. Это были преимущественно голландцы и англичане, а также мастера других национальностей.

В 1702 г. по всей Европе был обнародован манифест русского царя о приглашении в Россию специалистов различных производств на очень выгодных для них условиях. Своим рези-

дентам при европейских дворах Петр I поручил разыскивать и принимать на русскую службу знатоков разных производств и мастеров всякого дела. Известно, что сам Петр I мастерски владел специальностями до полутора десятка наименований. Науку строительства садов и парков он познавал, посещая выдающиеся садово-парковые ансамбли Голландии, Франции, Англии, Италии. Один из приглашенных - садовник Гаспар Фохт, уроженец Ганновера, заведовал Канецким питомником-огородом в Санкт-Петербурге. Летний сад и Аптекарский огород были созданы также им (Пыляев, 1889).

Уже в 1704 г. корабельные леса в Петербургском, Шлиссельбургском, Копорском и Ладужском уездах описывали князь Р. Мещерский и корабельный мастер граф Васильев "с Кореляны". В 1715 г. леса Санкт-Петербургской губернии были описаны Хилковым и Иваном Татищевым, а в 1720 г. - комиссаром Кафтыревым.

За обучение русских учеников во всех главных промышленных городах Европы Петр I дорого платил иноземным мастерам. Щедро оплачивал он их труд и в самой России. Так, в 1716 г. приехавшие мастера-огородники получали за свою работу значительно больше, чем отечественные: Ян Розен - 500, Л.Тарнифелд - 248, а русские же - только 12 руб. в год. Иноземных мастеров берегли, но неукоснительно требовали, чтобы они учили своему мастерству русских, не скрывая ничего, что сами знают.

Именно при Петре I в Москве и Санкт-Петербурге с 1711 г. были открыты архитектурные школы паркостроителей, выпускники которых умели бы не только проектировать сады и парки, осуществлять проекты в натуре, но и знали свойства древесных и кустарниковых пород, их плодоношение, могли собирать и хранить семена, выращивать в питомниках необходимый посадочный материал - сеянцы и саженцы, пересаживать взрослые деревья, придавать всевозможные формы их кронам, создавать фигурные партеры, ухаживать за растениями, сооружать оранжереи, проектировать и создавать ограды, ворота. При этом многие детали агротехники, встречающиеся в указах и распоряжениях Петра I, не оставляют сомнения в том, что он сам лично владел искусством пересадки и выращивания деревьев.

В 1710 г. Петр I дал распоряжение московскому губернатору М.П.Яковлеву подобрать и

прислать в Санкт-Петербург 13 молодых ребят 17-18 лет для обучения у садовников огородной науке (РГИА).

Впрочем, специалистов по лесному хозяйству не было тогда и в Европе, так как не было никаких специальных лесных учебных заведений. Однако были практики-лесоводы, или лесные знатели-лесоводцы, садовники, огородники, паркостроители, специалисты по древовозращению, а также "люди, искусные ходить за лесом". Их-то и приглашал Петр I в Россию, к ним прикреплял на выучку русских молодых людей из дворянских недорослей.

В 1721 г. при отправлении в Швецию Михаила Бестужева Петр I наказал ему присылать в Россию разных искусных мастеровых, а именно "по причине лежащих под одним параллельным кругом городов Стокгольма и Санкт-Петербурга, садовников, земледельцев, людей, искусных в знании и хождении за лесом" (Голиков, ч. 8, с. 276, подчеркнуто нами - Г.Р.).

Филипп Пермяков вместе с шестью товарищами был послан Петром I на учебу за границу. После девятилетнего обучения сложному и тонкому паркостроительному искусству он работал в Москве и создал немало великолепных растительных ансамблей-парков. Судя по сохранившимся оригиналам его чертежей, это был всесторонне развитый человек, с обширными и глубокими знаниями, талантливый мастер-паркостроитель.

А.К.Нартов в 1718 г. был послан в Париж и Лондон "ради того, дабы приобрел он вящие успехи в механике и математике". Кроме того, ему было поручено в Лондоне "домогаться получить сведения о нововымышленном лучшем парении и гнутье дуба, употреблявшегося в корабельном строении с чертежами потребных к сему печей" (Нартов, 1981, с.593).

Тех же, кто по тупости, нерадивости и лености так ничему и не научился за границей, Петр I отдавал в распоряжение своему шуту Педриеллу, который и определял их в конюхи и истопники, "несмотря на их породу и звание".

Как охотился царь за знающими людьми для России, свидетельствуют выдержки из его письма генерал-майору Штафу из Шенгаузена 28 февраля 1713 г.: "Мы говорили в Померании с одним французским инженером... который отчасти разумеет и разводит деревья, то должны вы осведомиться о нем, и где бы он не был, в Помера-

нии или в другом каком месте, но должен он быть в скорости сыскан и поставлен на почте в Петербург, о чем и надлежит Вам постараться" (Голиков, доп. ч. 9, с. 346).

Ссылаясь на *Я.Я.Штелина (1820)*, И.И.Голиков утверждал (*Там же, с.100-104*), что после основания нового города на Неве Петр I принял из немцев лесных смотрителей, которые должны были по всей Ингерманландии и в Новгородской губернии осматривать леса и замечать дубы. Разные данные свидетельствуют и о том, что у Петра I в качестве советников работали два форстмейстера из Германии.

После смерти Петра I у приглашенных из Германии на должности форстмейстеров трех лесных знателей одной из обязанностей было обучение за отдельную плату лесному искусству учеников из россиян, чтобы они могли выполнять унтер-форстмейстерские обязанности. Лесные знатели, а больше всех Ф.Г.Фокель, проработавший в России 25 лет, подготовили около 20 унтер-форстмейстеров. Известны имена некоторых из них: Петр Попов, Федор Старостин, Иван Киприанов, Матвей Алшанский, Хлопов, Козлов, Ивасников, Шлягин, И.Селиванов, Иванов, Васильев, Осипов и др. Все они, став унтер-форстмейстерами, продолжали приводить леса в известность, выделять и описывать корабельные леса, составлять на них ландкарты. В свою очередь, они имели своих учеников. Именно эти специалисты-практики вместе с флотскими офицерами, мастерами кораблестроения и геодезистами-межевщиками составляли описные книги и карты корабельных лесов вдоль рек до той поры, пока кадры лесоводов не начали готовить открытые в начале XIX в. лесные институты. Один из учеников Я.Фалентина, а потом - Ф.Г. Фокеля, Иван Селиванов в конце 70-х-начале 80-х годов XVIII в. был форстмейстером Санкт-Петербургской губернии и оставил нам первое описание и карту Линдуловской корабельной рощи.

М.В. Ломоносов стоял у истоков лесного образования в нашей стране. При рассмотрении упомянутой выше книги Ф.Г.Фокеля "Собрание лесной науки" на собрании академиков 4 мая 1752 г. Ломоносов в специальном докладе высказал свои взгляды на написание учебника по лесоводству, дал соображение о подготовке специалистов лесного дела в России (*Мелехов, 1981*). К сожалению, текст самого доклада не

найден до сих пор. Вполне правомерно и символично, что памятник Ломоносову в Архангельске стоит перед зданием лесного вуза на берегу родной реки.

В 1774 г. по докладу обер-егермейстера было "Высочайше повелено" определить при егермейстерском корпусе 10 ягд-пажей из дворян для образования их к должностям при том корпусе и к форстмейстерским делам. В течение 4-х лет ягд-пажи должны были "обучаться производить порядочную охоту и форстмейстерству, т.е. знаниям лесоохранительного и размножительного обряда". Выпускники назначались на егерские и форстмейстерские должности в губерниях. К сожалению, пока не найдено никаких данных о количестве таких выпускников и их работе.

О необходимости учреждения в России учебного заведения для подготовки лесных специалистов-ферштеров в марте 1798 г. писал в своей докладной записке "Об учреждении академии лесного, городского и сельского хозяйства" член Берг-коллегии Ф.Л.Канкрин, отец будущего министра финансов России Е.Ф. Канкрин. К записке прилагался подробный проект организации такой академии и ее устав из 15 пунктов. Очевидно, авторитета Ф.Л. Канкрин для реализации этого проекта не хватило. Комиссия под председательством князя Куракина предложила отклонить его, поскольку "Экспедиция по управлению государственным имуществом" в начертаниях своих об управлении лесным хозяйством уже определила при форстмейстерах по губерниям быть по два ученика, которые на самой практике будут познавать свойства деревьев и способы к их разведению и сохранению, руководствуясь новыми правилами о лесах, основанными на ботанической науке. Время показало недалекость такого мнения комиссии и ее председателя.

Форстмейстерская инструкция 1798 г. действительно предусматривала наличие у каждого форстмейстера двух учеников.

Наконец, еще одной попыткой подготовки лесных специалистов была посылка в октябре 1799 г. четырех воспитанников морского кадетского корпуса - Наговицына, Блокова, Тиханова и Горбунова в Англию "для обучения, как разводят там леса при королевских рощах, из коих английские флоты снабжаются лесами". В сентябре 1806 г. в Россию возвратились только двое - Тиханов и Горбунов. Они получили звания уче-

ных форстмейстеров и были отправлены в Казань для разведения там корабельных лесов и для ботанического описания всех родов деревьев, произрастающих в Казанской губернии. Результатом их работы были две рукописи таких описаний с прекрасно выполненными рисунками, одна из которых, по свидетельству авторов "Исторического очерка развития Санкт-Петербургского лесного института" (*Исторический очерк, 1903*), находилась в библиотеке Лесного института, а другая - в библиотеке Московского сельскохозяйственного института.

В Государственном историческом архиве (Санкт-Петербург) хранится формулярный список Льва Федоровича Тиханова - советника правления низового округа корабельных лесов, ученого форстмейстера 9 класса. Из него следует, что он родился в 1783 г., а в Англии вместе со своими коллегами в 1799 - 1806 гг. обучался в училищах, на верфях и в лесах практическому лесоводству, землемерию, познанию свойств различных земель, пригодных для лесовыращивания, а также изготовлению судов, как смотрят за корабельными лесами, в каком содержатся порядке, как лес отбирают, как клеймят и пр.

Уже в Казани Тиханов был пожалован в 1808 г. званием губернского, а в 1811 г. - коллежского секретаря. В 1812 г. он был командирован в комиссию по заготовке корабельных лесов в каче-

стве комиссионера для расследования злоупотреблений, имевших место при заготовке этих лесов. В январе 1818 г. по открытии правления Низового округа корабельных лесов Тиханов был назначен советником в правление. В 1830 г. он был произведен в 9 класс, а в 1831 г. вышел на пенсию по состоянию здоровья за выслугой лет.

В 1800 г. была сделана еще одна попытка учреждения учебного заведения для подготовки лесных специалистов. Было "Высочайше повелено ...завести в Морском кадетском корпусе форстмейстерский класс, отделяя для сего кадет от 35 до 50 человек, каковое число и содержать на всегда". Кадеты должны были обучаться геодезии и тригонометрии, всем правилам лесоводства, посева, рассадки и сбережения деревьев. А для показа на практике всего этого надо было посылать их в благоприятное для этого время в Петергоф, где в то время разводили посевом и посадкой дубовые рощи. Все это было возложено на вновь определенного форстмейстера Рейса. Однако форстмейстерский класс так и не был открыт из-за занятости Рейса другими делами, хотя необходимые деньги и выделялись в течение трех лет.

Итак, всем ходом развития лесного хозяйства России к концу XVIII в., в том числе и лесной реформой 1798-1803 гг., необходимость открытия лесных учебных заведений была предопределена.



- II -

Царскосельский практический лесной институт (1803-1812 гг.)

2. 1. Лесная реформа 1798 - 1803 гг.

В течение всего XVIII в. продолжалось начатое при Петре I обследование лесов с составлением описей и ландкарт, действовало лесное законодательство, утверждалась частная собственность на леса. К концу столетия значительная часть доступных лесов Европейской России оказалась уже закрепленной между отдельными лесопользователями: в 1764 г. появились монастырские и церковные леса архиерейских экономий, в 1765 г. кроме заводских, фабричных и помещичьих лесов возникли и колонистские леса вокруг их поселений, в 1785 г. выделены городские леса, в 1786 г. - крестьянские, в 1798 г. - арендные и старостинские. С 1765 г. началось генеральное межевание земель. Манифест о вольности дворянству (1782) освободил дворян от обязательной, в том числе и вальдмейстерской, государственной службы и снял запрет Петра I на рубку находящихся в их собственности корабельных лесов.

С 1782 г. разрабатывается проект "Устава о лесах". Хозяйственные правила его, подготовленные акад. Палласом, были введены в действие с 1786 г. Они предусматривали деление лесов Европейской России на три полосы - северную, или полночную (15 губерний), срединную (23 губернии) и южную, или полуденную (4 губернии) и были специфичными для каждой из них. При этом все древесные породы разделялись на три статьи: 1 - черный, высокий и твердый лес, имеющий на сучьях листья; 2 - белый высокий и мягкий лес, имеющий на сучьях листья, и 3 - красный и высокий лес, имеющий на сучьях иглы вместо листьев. В хозяйственных правилах были расписаны все свойства древесных пород по статьям, возрасты, порядок рубок и пр.

Все это вместе взятое привело к необходимости лесной реформы в России, которая и последовала в течение 1798-1803 гг. Только в течение 1798-1800 гг. было издано 47 лесных указов Павла I. Они коренным образом изменили не только управление лесами, но и существенно ускорили приведение их в известность, заложили новые основы ведения лесного хозяйства, пользования лесами и пр. Последовавшие в 1801-1803 гг. еще 29 указов Александра I завершили эту реформу.

В 1798 г. вместо вальдмейстеров по рекам учреждаются должности обер-форстмейстеров по губерниям и форстмейстеров по округам в них. При этом утверждаются и новые специальные инструкции - обер-форстмейстерская и форстмейстерская, значительно расширяющие и детализирующие права и обязанности форстмейстеров. В них, в отличие от обер-вальдмейстерской инструкции 1723 г., подчеркиваются обязанности не только по сохранению корабельных лесов, но и по организации и проведению описей всех лесов по губерниям, составлению карт лесов, соблюдению "Общих правил о лесах" (хозяйственные правила из проекта "Устава о лесах"), лесовосстановлению и лесоразведению. За каждым форстмейстером для обучения закрепляются по 2 ученика и по 10 лесничьих работников. В мае 1798 г. учреждается Лесной департамент в составе Адмиралтейской коллегии, которому вновь поручены все леса России, кроме помещичьих. Штат Лесного департамента включал 4 старших и 2 младших советника, 6 секретарей, а также землемеров, учеников при чертежной мастерской и прочих канцелярских служащих.

Первыми старшими советниками были назначены отставной полковник Апличиев, кол-

лесский советник Озеров - оба с чином генерал-майора, а также Золотов и Пиллиснер, а младшими - надворный советник Цитович и коллежский ассессор Аргаманов в чине подполковника, а также секретари - Извеков, Серебров, Павлов и Маркович. Первым директором Лесного департамента был назначен генерал-кригс-комиссар адмирал Осип Михайлович ДЕРИБАС (1749 - 1800).

В Россию Дерибаса в 1772 г. пригласил граф Орлов-Чесменский. В русско-турецких войнах храбрый испанец прошел путь от простого волонтера до адмирала Черноморского флота. Директором Лесного департамента Дерибас был менее года. Это было время коренной реформы и становления нового лесного управления. Дерибас образовал в департаменте 6 отделений - что-то подобное территориальным управлениям. К первому из них были отнесены 8 северных и северо-западных губерний, ко второму - 9 западных, к третьему - 8 северо-восточных и т. д. Тогда же начали формировать и местные лесные управления в губерниях - по одному обер-

форстмейстеру (всего 40) и по несколько форстмейстеров в округах (всего 160).

В 1803 г. губернское лесное управление в России уже было представлено 42 обер-форстмейстерами и 16 унтер-форстмейстерами.

Статус же Лесного департамента окончательно был определен и расписан в высочайше утвержденном 11 ноября 1802 г. проекте "Устава о лесах".

Штат Лесного департамента и губернского лесного управления предусматривал укомплектовать их "по собственному достоинству или по аттестатам и предоставленным гражданских губернаторов... людьми, в лесном деле знающих", для чего требовалась аттестация претендентов на форстмейстерские должности. Однако оказалось, что и аттестовать-то их некому. Правительство пришло, наконец, к сознанию необходимости подготовки лесных специалистов и учреждения для этого лесных учебных заведений для рациональной постановки лесного хозяйства на научную основу, хотя бы в более или менее близком будущем.

2.2. Учреждение и деятельность Царскосельского практического лесного института

11 ноября 1802 г. последовало утверждение проекта "Устава о лесах", п.19 которого гласил: "Лесному департаменту поручается учредить в надлежащих местах школы для образования и научения людей в лесоводственных науках" (*Полный свод законов, т. XXVII, №20506*).

Избрание места для учреждения первого специального лесного учебного заведения и разработка проекта его организации были поручены курляндскому дворянину Фридриху-Казимиру фон Штейну.

По мнению акад. Карла-Людвига Ивановича Габлица, директора Лесного департамента (1803-1809), это был "практический сельский хозяин... во всех частях сельского хозяйства довольно опытен, управлявший более 30 лет в Курляндии арендными имениями, а потому и знания его в лесоводстве более относятся к сему краю" (*Исторический очерк, 1903, с. 7*).

Ф.-К. фон Штейн представил министру финансов "Сравнительный план лесоводства и зем-

леделия", в котором отметил необходимость подготовки специалистов, "имеющих познания о лесах и экономии" и изложил требования к месту нахождения будущего учебного заведения, в том числе и наличие 20-30 квадратных верст (1276-3414 га) пространства земли с лесами, пашнями и лугами на почвах разного рода на расстоянии от столицы от 20 до 30 верст, план обучения воспитанников и пр.:

"Практическое лесоводство и земледелие имеют столь тесную между собой связь, что без ощутительного вреда не могут быть отделены друг от друга, а потому, если нужны средства к произращению существующих уже лесов или к заведению новых, то для сего нужно избрать людей, имеющих познание о лесах и экономии, а равно и о самом месте, дабы со всею точностью и правильно определить какого рода лес должен быть посажен, посеян и возвращен с лучшим успехом и пользою. Приемля в разсуждение сию столь для каждого государства необхо-

димую надобность, встречаем при первом взгляде два вопроса: 1) как обе сии науки сделать, не теряя времени, общепользовными и 2) какие к достижению сего самые необходимые и удобнейшие средства.



Император Александр I

Дабы всеподданейше представить практические познания мои в сем толико обширном предмете, намерен я разрешить оные два вопроса самым кратчайшим способом, показав токмо, как посредством обучения сих познаний можно найскорее соделать их общепользовными.

1. Для сего нужно избрать человека, приобретшего чрез долговременные опыты познания в лесоводстве и также несколько лет упражнявшегося в науке земледелия вообще и во всей ее

подробности, присоединяя к нему одного секретаря, который умел бы говорить и писать по-русски и по-немецки, с тем, чтобы зимою имели они свое пребывание в столице, а в летнее время - в близком селении в расстоянии от столицы по большей мере от 20 до 30 верст. Знание практической геометрии и механики для сего необходимо, дабы посредством сих наук можно было избирать и готовить лучшие и способнейшие инструменты. Человеку, соединяющему в себе все упомянутые познания, весьма легко будет в течение года заняться обучением двадцати и более молодых людей, когда к ним определено будет и достаточное число работников.

2. Самые необходимые и удобнейшие средства есть следующие. В селении или избранном для сей школы необработанном месте требуется пространство по крайней мере от 20 до 30 квадратных верст; оно должно быть отчасти гористое и просекаемо двумя речками и более, которые в летнее время не высыхали бы; нужно иметь также посредственные луга, а пашни земли должны быть сколько возможно различного свойства, и наконец, потребен небольшой лес. Таково должно быть положение и природы избираемого места для лесной и экономической школы. Причины тому суть следующие:

а) если учитель сего института со своими воспитанниками может зимою быть в городе, то сим молодым людям доставится чрез то случай и время усовершенствовать себя в искусствах и науках, к сему предмету относящихся, и к будущему лету приготовиться;

б) близкое расстояние от столицы и буде возможно и при берегах Невы или ее источника равно полезно, дабы в первые годы можно было за умеренные издержки доставлять водою все припасы - сколько для сей колонии потребно;

в) отчасти гористые места способствуют к обработке дерев, хлеба и трав, кои на горах произрастают, также к заведению ветряных мельниц, дабы и воздушную стихию употребить в свою пользу; сверх же того к обучению, как разводить овец и пр.;

г) небольшие реки служить могут для весьма важных заведений и опытов, а именно для того, чтобы строить разного рода мельницы и усовершенствовать посредством механики гидравлические машины, разводить пруды для рыбы и уметь орошать природные, равно как и искусственные луга;

е) посредственные луга научить могут, до какой степени совершенства довести можно самые худые луга чрез прилежное обрабатывание оных;

ф) почва земли разного рода. Для каждого растения потребна земля, природе его свойственная. Если почва многообразна, то весьма удобно развести на ней с основанием и по правилам ботаники не только всякого рода лес, но и посеять всякий хлеб по его свойству и ожидать от того верной и успешной жатвы, каковой опыт для обучающихся молодых людей будет чрезвычайно полезен;

г) небольшой лес доставит способ научиться, как должно пользоваться оным по правилам лесоводства и делить его на лесосеки.

Из предложенного ясно видно, к чему долговременные опыты мои ныне полезны быть могут и какое звание наиболее соответствует моим способностям. Время не позволяет мне войти во все подробности обширного предмета, но я могу удостоверить, что упражняясь в сей науке непрерывно 30 лет, распространил я далеко познания мои в хозяйстве, как-то: в земледелии, скотоводстве, разведении овец и пр. Винокурная часть обработана мною по правилам химии, но я не могу еще показать всей очевидной от того выгоды.

Если по сему представлению познания мои могут послужить к государственной пользе, то я употреблю все возможное старание, чтобы превзойти даже все ожидания от моей деятельности" (*Исторический очерк, 1903, с. 7 - 10*).

Директор Лесного департамента Габлиц считал, что учреждение такого учебного заведения по плану фон Штейна потребовало бы значительных расходов, а потому предложил ему рассмотреть возможность учреждения лесного отделения при уже существующей в Царском селе школе земледелия. Вскоре фон Штейн представил "Примерный образец для учреждения лесной школы" в зданиях школы земледелия, ее штат, возможные расходы и даже недельный учебный план:

"Окрестность Царского Села, по близости к нему экономической школы, представляет весьма удобное и весьма выгодное место для заведения там же и лесной школы, не только без малейшей какой-либо помехи в успехах первой, но напротив к ее пользе, так как сии оба заведения в разсуждении предметов своих в теснейшей на-

ходятся связи. От сего произойдет первая и весьма ощутительная выгода та, что не нужно никаких особых строений, ибо там довольно остается незанятых зданий.

Между хлебом можно сеять разных сортов деревья. Экономии останется в прибыли хлеб, кроме других от сего могущих произойти выгод, ежели обе части хорошо обрабатываемы будут. Сверх того, находятся там в довольно близком расстоянии большие леса, где можно делать опыты порядочной лесной экономии. Входить в подробные изъяснения того примечания здесь не место. Ваше сиятельство по своим знаниям в сем предмете то же самое заключить изволите, уважив происходящие от того следствия, которые по мере расходов всегда остаются полезными. Необходимые издержки заключаются в следующих статьях: 1) на мое содержание ежегодно две тысячи рублей; 2) на книги, бумагу, экономические орудия и их починку - тысяча рублей, в которых отдается отчет; 3) на проезд в Курляндию и обратно для доставления оттуда для школы инструментов и других земледельческих снарядов в надлежащем порядке - 600 рублей; 4) квартира и дрова зимою в городе, а летом в деревне; 5) как я еще весьма худо знаю по-русски, то и потребен секретарь или переводчик, который вел бы счета и преподаваемые мною ученикам уроки мог им толковать по-русски; а после можно будет дать сие место отличившему себя ученику; 6) нужных рабочих людей можно заимствовать от экономической школы или всякое лето нанимать 6 человек: для работы довольно 4 или 6 волов, и 7) корм на 4 лошади, пока не будет сенокоса на даче, принадлежащей лесной школе.

По сему плану от 10 до 20 молодых людей с пользою могли бы упражняться, а после число оных можно будет и умножить. Науки же следующим образом имеют быть преподаваемы, для уроков и лесных упражнений полагая 4 дня в неделю.

1. В каждый рабочий день один час преподаются познания о разных родах дерев и их свойствах.

2. Один час о качестве земли и климата, о болотных и сухих лесах.

3. Три часа обрабатывание земли для засева леса и усадьбы и, ежели время позволит, заниматься работою.

4. Час на познание, каким образом распределять лесосеки и для различения, какие леса ру-

бить и какие для большего роста оставлять должно.

5. Два часа на разведение чужестранных деревьев, как-то американских и других сортов.

6. Пятый день должно определить на упражнение в познаниях к весьма нужной практической экономии, а особливо в разсуждении изсохших деревьев и имеющего остаться после их пустого места.

Ваше сиятельство сами извольте ведать, что порядок во всей науке много значит от хорошей погоды и я сим намерен был объяснить только план моим упражнениям, по котором, сделав еженедельную таблицу, не премину оную представить Вашему Сиятельству на утверждение.

Для поощрения воспитанников к прилежанию я полагаю, чтобы по окончании летних работ, всякую осень и всякую весну, делать экзамен для испытания, в чем они препроводили зиму.

Оклады воспитанникам, переводчику и работникам я не смею определить, не зная ценить нужных для них вещей.

Из сего начертания предпринимаемого мною труда Ваше Сиятельство усмотреть изволите, что я толико трудную и тягостную на себя приемлю должность, единственно для снискания себе доверенности Вашего Сиятельства и Высочайшего Монаршего внимания, о чем и ободряюсь силы мои посвятить для общественной пользы, надеясь с нужными расходами сделать услуги не только по лесной, но в последствии времени и по экономической части" (*Там же*).

Эти два документа, переведенные с немецкого на русский язык, достаточно характеризуют первого директора Царскосельского лесного института Ф.-К. фон Штейна как практика - управителя сельскохозяйственными именьями.

Однако Департамент уделов, ведавший школой земледелия, не дал согласия на соединение ее с учреждаемою лесною школою "по неудобству совместить два заведения различных ведомств и по недостатку земли для практических занятий" (*Там же, с.12*).

В связи с этим Министр финансов граф А.Н. Васильев предложил учредить лесную школу поблизости от столицы в Царскосельском зверинце и представил царю на утверждение проект "Положения для учреждения в Сарском Селе практического лесного училища", высочайше утвержденый 19 мая 1803 г. Из этого Положения видно, что "цель училища сего

должна состоять в том, что бы ближайшими средствами приобрести знающих в лесоводстве людей, кои бы с вящею пользою могли быть употребляемы при лесном управлении нежели нынешние чиновники..." (*Полное собрание законов, т. XXVIII, с. 620-621*). И для этого предписывается, чтобы все наставления, до сохранения и развития лесов и до прочих частей лесоводственной науки относящиеся, преподаваемы были отчасти теоретически, а более на самом деле" (*Там же*).



В Положении определены и главнейшие предметы обучения:

"1) ботаническое и технологическое познание всех родов деревьев, в России растущих, а особенно северному климату свойственных;

2) познание почвы, для каждого рода приличнейшей;

3) возраст, коего должны иметь деревья при употреблении их на разные надобности и рубке оных;

4) различные способы к разведению вновь лесов, как на вырубленных местах, так и на тех, где лесов не бывало;

5) разделение лесов на лесосеки;

6) оценка разделенных на лесосеки лесов или вычисление могущей от них быть пользы, соображаясь с пространством и занимаемой ими площади и с ростом деревьев;

7) практическое измерение лесов и сочинение им планов;

8) расчистка лесов под пашни и сенокосы, где необходимость того требует, с меньшим для них вредом и с наблюдением хозяйственных при том правил;

9) экономические от лесов доходы от сидения смолы и дегтя, жжения угольев, приготовления поташа и пр. и

10) лесная бухгалтерия" (*Исторический очерк, 1903, с.3-4*).

Как видно, набор специальных дисциплин был достаточно обширным, хотя и своеобразно регламентированным. В переводе на современные учебные дисциплины, он включал ботанику, дендрологию, почвоведение, лесную таксацию и лесоустройство, лесоводство, лесные культуры, экономику, побочные пользования и лесную бухгалтерию. Отсутствие общетеоретических и вспомогательных дисциплин, получивших впоследствии широкое благотворное развитие, объяснялось тем, что, согласно п.7, контингент обучающихся надо было комплектовать "отчасти из вольноопределяющихся, а отчасти из гимназистов и студентов Императорского Московского университета" не моложе 18 лет, чтобы после выпуска из училища они могли сразу занимать должности по лесному управлению. Все это дало основание считать, что Царскосельское лесное училище было высшим учебным заведением. Поступающие в него уже должны были иметь общее образование, не ниже среднего, в гимназиях или Московском университете.

Штат учреждаемого практического Лесного училища устанавливал наличие одного наставника (или директора), лесного землемера, рисовальщика, переводчика, 20 студентов или учеников, в том числе на первый год не менее 10, и 7 чел. обслуживающего персонала.

Чтобы приохотить студентов Московского университета и гимназистов поступать в Лесное училище, для них устанавливались определенные льготы в присуждении им чинов согласно Табели о рангах. Лесному училищу полагалось иметь собственную библиотеку "из лучших о лесоводстве писателей", а также инструменты, карты и описания лесов по губерниям. Порядок

обучения предоставлено решить наставнику с обязательством ежемесячно докладывать директору государственных лесов "о всех упражнениях и успехах обучающихся". В конце учебного года устраивались публичные испытания. Занятия в училище начались в октябре 1803 г. На принятых 12 чел. учащихся было определено 3 преподавателя. Срок обучения был 4-летний. Директор-наставник училища-института Ф.-К. фон Штейн уже в 1803 г. был пожалован чином коллежского ассессора, а впоследствии - чином надворного советника (уволен с работы 15 января 1811 г. за слабым здоровьем).

Местность зверинца в Софии оказалась настолько болотистой, что для заведения лесных питомников пришлось уже в 1804 и 1805 гг. произвести осушку, строить плотины, дороги и пр. И все же зверинец был совершенно непригодным и неприспособленным для нормальных даже по тому времени практических занятий. Именно поэтому распоряжением Лесного департамента уже с 1805 г. воспитанников посылали в Лисинское казенное лесничество для различных упражнений, в том числе и для снятия лесов на план.

В январе 1806 г. директор Лесного департамента К.-Л. И. Габлиц дал воспитанникам Лесного института для руководства специальные правила из 15 пунктов, дополненные и ужесточенные в мае того же года.

"Правила, кои в Царскосельском лесном училище имеют быть наблюдаемы и на коих директор онаго училища наипаче основываться должен.

1. Каждый желающий пользоваться в оном училище преподаванием должен представить достоверное свидетельство как о прежнем его роде жизни, так и поведении своем.

2. Никто не находясь на собственном содержании определенного для испытания в оном училище времени не должен быть помещен в комплект, исключая только такой случай, когда кто отличные рекомендации имеет.

3. Всякий ученик должен в 8 часов по полуночи быть одет; в летнее же время, смотря по обстоятельствам учения, и ранее, о чем должно уведомить накануне вечером им быть извещено.

4. С 8 до 9 часов утра и с 12 до второго часа в полдень позволено каждому ученику испрашивать объяснения у директора или просить о своих надобностях.

5. С 9 часов утра до 12 часов полудня должны все ученики заниматься учением, кое препо-

дается в классах, а те, кои по разделении принадлежат к другому классу, должны в оное время в комнатах своих слышанное проходить и чтоб один другому не мешал.

6. С 12 до 3 часов по полудни суть часы для отдохновения, и в оное время должен быть стол.

7. С 3 до 6 часов по полудни суть часы для упражнения в науках, и никто не должен быть в сие время праздным.

8. Буде кто во время часов, назначенных к упражнению, будет праздным или же праздностью своею воспрепятствует в оном другим или вообще найден будет в таком месте, куда он не принадлежит, то таковой арестуется.

9. Буде кто делается больным, тот должен немедленно о том объявить старшему сего училища.

10. Старшему сего училища, как равно и дежурному, позволяется днем во всякое время в комнаты воспитанников входить, ибо их долг есть смотреть за занятиями прочих и их увещевать, почему и за малейший неблагопристойный противу их поступок должно виновного как за преступление противу начальства штрафовать.

11. Об отпуске в Санкт-Петербург должно две недели заранее письменно просить, с прописанием истинной надобности такового отпуска.

12. В вышеозначенные часы для упражнения не позволяется никому ни под каким видом (разве только когда кто действительно болен) быть вне класса, как равно и иметь в оное время выход из училища.

13. Просрочение дозволенного отпуска куда бы то ни было штрафуется за первый раз арестом на столько времени, сколько просрочено, за второй раз вдвое, а за третий раз продолжается арест на хлебе и воде до тех пор, пока выйдет на присланный по такому случаю рапорт от высшего начальства решение.

14. Дабы за невежество непослушных поступать по строгости, должно каждый раз нанимать нужный караул на счет арестованного и из жалованья его вычитая платить.

15. А как нередко от отпуска в церковь чинится злоупотребление, то сим предписывается, чтобы ни под каким видом отлучка из училища долее продолжения литургии не была; для лучшего порядка должно одному из отпущенных в церковь воспитанников препоручено быть над прочими наблюдение.

Наконец делается отношение каждому на п.5 Положения Лесного училища, чтобы строжай-

шее повиновение (без всяких оговорок) директору Лесного училища от всех ему подчиненных чинимо было".

Эти правила внутреннего распорядка для первых учащихся, однако, не установили надлежащего порядка в Лесном училище. 30 мая 1806 г. директор Лесного департамента Габлиц специальным письмом фон Штейну вынужден был предписать более строгие правила:

"Неоднократные случившиеся происшествия и учиненные дурные поступки со стороны находящихся под Вашею директориею воспитанников, между коими есть самые развратные, особенно в недавнем времени в Софийском трактире случившиеся происшествия, показывают ясно, до какой степени распутства некоторые из означенных учеников достигли, а потому я нахожу за нужное Вам следующие строгие правила, в добавление Вам уже данных, предписать, с препоручением оные всем и каждому из тех воспитанников объявить.

1. Поскольку Лесное училище состоит из трех классов, то должен в каждом из оных быть назначен один старший, который имеет наблюдение над прочими учениками, как во время преподавания, так и в комнатах их, сверх того, должен Ваши приказания в точности исполнять и за поведение ему подведомственных учеников отвечать.

2. Буде кто противу старшего окажет себя непослушным, таковой за первый раз увещевается к поправлению выговорами, за второй арестуется на хлеб и на воду, а за третий представляется к выключке.

3. Никто из воспитанников не должен без ведома и позволения Вашего из училища отлучаться или выходить, но каждый имеет о надобности своего выхода объявить старшему, а оный обязан о том докладывать Вам. Кто сие постановление нарушит, штрафуется за первый и второй раз арестом на хлеб и на воду, а за третий раз представляется к выключке из училища.

4. Употребление горячих напитков запрещается наистрожайше всем воспитанникам как в самом училище, так и вне оного. И ежели кто из них осмелится таковые напитки иметь у себя в комнате, тот за первый раз остается под арестом на хлеб и на воду на три дня, а за второй раз представляется к выключке. Буде же кто из воспитанников пойдет в трактир или другое какое подобное сему место, дабы там пить и в том бу-

дет обличен, таковой должен в то же самое время быть арестован и прислан сюда к выключке.

5. Всякий зачинщик ссор со своими товарищами или посторонними, как в самом училище, так и вне оно, смотря по свойству ссоры, за первый и второй раз арестуется на хлеб и на воду, за третий же раз, или смотря по важности преступления уже и за первый раз представляется к выключке.

6. А как неповиновение противу начальства не иначе как законопротивное преступление принято быть может, то те, кои такое преступление учинят, так же не иначе как по законам штрафованы быть имеют. И так, буде кто из воспитанников осмелится против Вас, как их начальника, малейшее неповиновение оказать, то такового должны в то же самое время сюда под арестом прислать, дабы с ним могло поступлено быть по законам.

7. Буде когда Вы по делам из училища отлучаться имеете, то в отсутствие Ваше должно препоручено быть кому-нибудь из Ваших подчиненных главное смотрение за всем, дабы завешанный порядок не прерывался, к тому, кто Вами назначен будет, должны все прочие чинить повиновение, в противном случае поступать с таковыми как в б пункте сказано.

8. В представлениях о выключке которого либо из воспитанников должны его проступки, как равно и все его поведение, ясно показаны быть, дабы оные в даваемом такому Лесным департаментом письменном виде могли в знак его штрафования помещены быть".

Приемы и выпуски в Царскосельском лесном училище (институте) были нерегулярными. В течение 1803-1810 гг. состоялось лишь два выпуска специалистов: первый - в 1807 и второй - в 1810 гг. В 1807 г. училище окончили 8 чел.: Рыбников, Меккерт, Зеgebарт, Гольшан, Штенбах, Ошман, Шульц и Векман. Лучшие из них по успехам в теоретических и практических познаниях были определены плантерами в безлесные и ферстерами в остзейские губернии. Векман в 1807 - 1810 гг. был ферстером Лисинского казенного лесничества. Самым известным по своей деятельности из первых питомцев Лесного института стал И.И.Шульц, который более 40 лет был главным лесничим уральских горных заводов и отличался разносторонней и чрезвычайно активной деятельностью. Он упорядочил рубки леса, внедрив узколесосечный способ рубок, что позволило в значительной мере решить проблему

лесовосстановления. Ширину лесосек - 106 м он начал внедрять с 1814 г., а в 1818 г. уже все леса горного округа были разделены на лесосеки. Шульц - основоположник и лесокультурного дела на Урале. В самой истощенной рубками леса Каменской даче он в течение 1818-1833 гг. создал 57 га культур сосны. Он же пришел к выводу, что на Урале вследствие каменистости почвы и дороговизны создания культур посадкой наиболее экономичным способом разведения лесов является посев. Шульц отверг рекомендовавшиеся тогда способы обработки почвы мотыгами, плужными бороздами, а также сплошную вспашку с посевом семян древесных пород и хлебных злаков в качестве покровных культур. На старых гарях и прогалинах он рекомендовал весной производить сплошной обжиг с высевом смеси 1 пуда семян сосны и 10 пудов песка на десятине с последующей заделкой семян бороной. Для свежих вырубков он разработал гнездовой посев клумбами при 2400 посевных местах на десятине.

В 1830 г. Шульц составил "Наставление о легком способе собирать семена и разводить леса основных пород", а также "Урочные нормы работам при разведении лесов". Он же сконструировал лесную сеялку и веялку, грабли для срезания кочек, передвижную шишкосушилку. В 1831-1833 гг. в г. Екатеринбурге он организовал школу по правилам посева леса. Благодаря усилиям Шульца после 1833 г. лесные культуры перешагнули границы Екатеринбургского лесного округа. К 1853 г. в горнозаводских лесах Урала искусственные насаждения занимали уже 11 253 га, т.е. больше, чем в гораздо более поздний и более длительный период 1875-1914 гг. во всех казенных лесах Пермской губернии (11 038 га).

За успехи в разведении лесов на Урале Шульц в 1836 г. одним из самых первых был награжден серебряной медалью Санкт-Петербургского общества поощрения лесного хозяйства, а в 1848 - серебряной медалью Московского общества сельского хозяйства.

Второй и последний для Царскосельского лесного института выпуск специалистов состоялся в 1810 г. Если в выпуске 1807 г. лишь один из 8 имел русскую фамилию, то в выпуске 1810 г. были одни немцы-россияне: Х. Зеgebерт, И. Штейн, Х. Гинц, Керстен, К. Миллер, Эбергардт, Дитмарт, Б. Будрих, К. Фрейерабэнд, Е. Миллер и Г. Гарф. Первые 10 были направлены землемерами, а Г. Гарф со званием

ученого форстмейстера - в чертежную Лесного департамента.

27 мая 1804 г. был учрежден второй лесной институт в России в г. Козельске Калужской губернии для обучения лесоводству с 3-летним сроком обучения. Учреждение этого института было признано удобным потому, что там уже имелась древесная плантация, созданная обер-форстмейстером Вюльфингом, на которой ученики могли на практике познать влияние климата на различные древесные породы, произрастающие в России. Кроме того, г. Козельск был размещен в средней полосе, на границе хвойных и лиственных лесов, по соседству с расположенными тогда еловыми лесами Калужской губернии и знаменитыми калужскими и тульскими засечными дубравами.

Согласно утвержденному в 1805 г. Положению, Козельское лесное училище, или форст-институт, должно было состоять из 30 учеников, или форст-кадет. В него могли поступать вольноопределяющиеся молодые люди не моложе 16 лет различного состояния, но преимущественно дворяне, а особенно из обучающихся в Калужском дворянском училище, обученные чтению и письму на русском языке, а также арифметике. Прием учеников и учебный план утверждался директором Лесного департамента.

Отличие от учебного плана Царскосельского лесного института, здесь главнейшие требования в преподавании сводились к следующему.

1. Совершенное знание немецкого языка, "на коем лучшие о лесной науке книги ныне издаются, а латинского, сколько для ботанической терминологии потребно".

2. "Математика, в пространстве коей некоторые части имеют ближайшия связи с лесоводственною наукою, а именно: арифметика, геометрия, тригонометрия и механика и другие отдаленнейшия, как-то архитектура, гидравлика и физика; следственно, в первых форст-кадеты должны получить полные наставления, в последних такие только понятия, кои бы при будущих их должностях лесного управления могли им быть полезными.

3. Минералогия и химия; из двух сих наук форст-кадеты должны заимствовать те только познания, кои для лесоводства необходимо нужны".

4. Лесная ботаника требовалась в таком размере, "чтобы обучающиеся могли получить полное познание не только о всех отечественных родах деревьев и кустов, но и о чужеземных".

5. Лесная технология - "употребление лесов в различных ремеслах и мастерских художествах, а особливо в отношении к нравам и обычаям жителей Российской Империи".

6. Разведение лесов должно быть преподаваемо на практике в учрежденном при институте плантаже.

7. Практическое измерение лесов и оценка оных, или форст-таксация.

8. Лесное хозяйство во всем его пространстве.

9. Лесная бухгалтерия.

10. Письмоводство по лесному управлению.

Сверх перечисленных главных предметов форст-кадеты должны были быть наставляемы в рисовании и верховой езде, "яко таких художествах, как им при будущих их должностях могут быть полезны". Кроме того, Положение требовало, чтобы в свободное от прочих упражнений время воспитанники приобретали, посредством чтения книг, нужные познания в истории и географии.

Составление программ по этим предметам и определение времени для их изучения возлагалось на само учебное заведение.

Штат учебного персонала включал: директора, двух учителей, лекаря с учеником при нем, эконома, переводчика, трех смотрителей, берейтора и прислугу. В 1809 г. была упразднена должность переводчика за ненадобностью, в 1807 г. был увеличен штат канцелярии секретарем и служителем, в 1808 г. появились учителя по рисованию и архитектуре, в 1811 г. упразднена должность берейтора. Преподавание в институте было разделено на два класса - высший и низший. Очевидно, что значительная часть специальных предметов, указанных в Положении, не преподавалась по бессилию в этом отношении учебного персонала.

Директором Козельского форст-института был назначен по совместительству губернский обер-форстмейстер К. Б. Вюльфинг, занимавший эту должность с 1792 г., инспектором - М. Б. Вюльфинг, а одним из двух учителей - А. Б. Вюльфинг.

Козельский форст-институт за 3 выпуска подготовил 36 специалистов. Среди воспитанников преобладали русские фамилии (27 из 36). Из первого выпуска (1809 г.) 6 получили звание форстмейстеров с производством в 14 класс, а 6 - с производством в 14 класс Табели о рангах. Во втором выпуске (1811 г.) из 18 чел. работать форстмейстером был направлен лишь 1, землемерами -

16, а один, С. Полянский, - на должность учителя института. Третий, последний, выпуск состоялся в 1813 г., уже после объединения Козельского форст-института с Санкт-Петербургским. Один выпускник получил должность форстмейстера, 4 - землемера и 1 направлен для описания казенных имений в Гродненскую губернию.

За короткий период своего существования Козельский форст-институт оставил о себе память и в лесоводственной литературе. Его кадеты - И. Поганков и А. Киреевский перевели с немецкого языка на русский и опубликовали в 1813 г. "Руководство для лесничих и любителей лесов" Г. Л. Гартига без указания авторства последнего. Инспектор М. Б. Вюльфинг и кадет И. Поганков перевели с немецкого на русский язык и опубликовали в 1814 г. "Руководство к ботанике для Калужского лесного института, выбранное из ботаники профессора Вильденова и творения профессора Сукова". Кроме этого, при институте периодически издавался "Журнал для любителей лесоводства", однако следов его в 1903 г. обнаружено не было.

В течение 3-х лет (1808-1811) в Санкт-Петербурге существовал частный Орловский практическо-теоретический лесной институт на средства директора Лесного департамента графа Г.В.Орлова. Помещался он на Елагином острове в двух флигелях и нескольких павильонах вблизи главного строения, занимаемого позже Императорским Елагинским дворцом. В начале 1810 г. к нему присоединилось Рижское лесное училище, состоявшее под руководством эстляндского и лифляндского обер-форстмейстера Блюма. Первоначальная цель Орловского лесного института заключалась в том, чтобы дать элементарные понятия о лесоводстве поступающим в лесную службу отставным офицерам и гражданским чиновникам.

Очевидно, что до своего объединения с Санкт-Петербургским лесным институтом в 1811 г. Орловский институт успел произвести лишь один выпуск специалистов. К январю 1811 г. в этом институте обучались 9 чел.: отставные подпоручики Пантелеев и Горбатовский, не имеющие чина Клоков, Гарф и Грессер, губернские секретари Дьяконов и Рабаконов, а также коллежский регистратор Карвунов. Все они при публичном испытании показали отличные успехи. Четверо из них были выпущены со званием ученых форстмейстеров, а прочие 5 чел. - в качестве форстмейстерских кан-

дидатов. Кроме того, в том же 1810 г. 3 воспитанника окончили этот институт с награждением чинами 14-го класса: Ф. Зандрок, Е. Э. Дребс и К. Фогель. Учебной программы, а также сведений о преподавателях как Орловского лесного института, так и Рижского лесного училища пока не найдено.

В 1811 г. по случаю перевода из Софии городских учреждений в Царское Село было предложено все казенные здания, находящиеся в Софии, передать инженерному ведомству, согласно высочайшему повелению, объявленному еще в 1809 г. военным министром графом Аракчеевым. Здания, занимаемые в Софии Лесным институтом, должна была постигнуть та же участь. 4 января 1811 г. последовал приказ министра финансов графа Гурьева о переводе Царскосельского лесного института в Санкт-Петербург в здание бывшей английской фермы. Одновременно с этим туда же был перемещен и Орловский лесной институт вместе с присоединенным к нему в начале 1810 г. Рижским лесным училищем. 17 июня 1810 г. последовало высочайшее повеление о соединении Орловского лесного института с переводимым в Санкт-Петербург Царскосельским под общим названием Санкт-Петербургского форст-института. Одной из причин объединения лесных институтов был недостаток в квалифицированных преподавателях. Наиболее признанный и способный к тому Ф.-К. фон Штейн просил уволить его со службы по болезни. Чтобы по возможности парализовать недостаток в учебном персонале, не оставалось другого средства, как соединить в одно заведение существующие, тем более что общее число учащихся едва достигало 30 чел. Тогда же созрела мысль и об упразднении Козельского форст-института. В августе 1811 г. директор Лесного департамента Орлов в докладной записке министру финансов объяснил, что в строения бывшей Английской фермы, где уже были помещены воспитанники Царскосельского и Орловского институтов, возможно помещение и воспитанников Козельского форст-института при условии выделения на благоустройство 15 тыс. руб. Это предложение было высочайше одобрено. По представлению министра финансов, 7 февраля 1813 г. Козельский форст-институт был объединен с Санкт-Петербургским, а его строения предполагалось передать под временный военный госпиталь, однако позднее были проданы на торгах. В апреле 1813 г. Козельский лесной институт был

упразднен, а его 29 кадетов вместе с учительским помощником Фроловым переведены в Санкт-Петербург. Учебные пособия и инструменты перевезли в Санкт-Петербург, а частично проданы.

Таким образом, Царскосельский лесной институт, частный Орловский практическо-теоретический лесной институт, Рижское лесное училище и Козельский форст-институт после объединения положили уже более прочное и долговечное основание учебного лесного заведения под названием Санкт-Петербургский лесной институт (форст-институт).

Кроме упомянутых выше книг и учебных пособий, преподаватели, надо полагать, знали и пользовались изданными в то время книгами. Так, в 1801-1803 гг. было издано переведенное с немецкого на русский язык студентами Московского университета под руководством Бакунина двухтомное "Руководство к надежному воспитанию и насаждению иностранных и домашних деревьев, которые в Германии, равномерно в средней и южной части России, на свободе произрастать могут". Автор его, Бургсдорф - публичный наставник в лесоводстве, член ряда обществ испытателей природы в Германии, Франции и Англии, а также российского Вольного экономического общества. Сам автор называл этот труд "всеобщей росписью производимому в Германии лесоводству".

Это руководство оказало большое влияние на всю последующую литературу о лесе. Многие его рекомендации широко использовались при закладке питомников в России и выращивании леса часто без учета конкретных естественно-исторических условий. Первая часть этого издания (226 с.) имела заглавие "Всеобщая теория древоводства", а вторая (271 с.) - "Особое практическое руководство как произращать, воспитывать в питомниках и пересаживать из оных упоминаемые в первой части деревья и кусты". В этой части приведены краткие сведения о 674 древесных и кустарниковых лесных, плодовых и декоративных породах с некоторыми особенностями выращивания их посадочного материала.

Несомненно, что учащимся первых лесных институтов был известен и первый учебник Е. Ф. Зябловского "Начальные основания лесоводства"

1804 г. По специальности Зябловский не был лесоводом, но он обладал широким кругозором и завидными познаниями, хорошо разбирался в лесоводстве того времени. Его перу принадлежат научные труды "Всеобщее землеописание", "География Российской империи", "Курс всеобщей географии", "Российская статистика" и др. Он был профессором географии Санкт-Петербургского университета и одновременно преподавал лесоводство в училище корабельной архитектуры. Учебник "Начальные основания лесоводства" содержал важные указания по многим вопросам лесоводственной науки - от определения понятия лесоводства и теоретических положений об особенностях лесных насаждений, в том числе о способности к самоизреживанию и связи с почвой, до практических предложений относительно способов сеять семена, приемов рубок, возобновления и использования леса, его охраны, доставки, употребления и пр. Идея рубок ухода за лесом также впервые высказана Зябловским: "Рубки леса должны быть увязаны со знанием средств разведения новых лесов, иначе недолговременно будет изобилие в лесах". Это кардинальное положение было высказано за 100 лет до крылатой фразы Г. Ф. Морозова: "Рубка леса и лесовозобновление - синонимы".

Второй чисто российской книгой было весьма интересное "Краткое руководство к сбережению и поправлению лесов в России" (1809) сенатора Дивова. Труд составлен на основе, как он пишет, "занятий по маловажному собственному лесу" и знакомства с первыми сочинениями "О лесоводстве Российском". В работе Дивова впервые отражен географический подход к лесу и лесохозяйственным мероприятиям на основе накопленного к тому времени географического материала (экспедиции Палласа и др.). В главе I описаны древесные и кустарниковые породы "черного" и "красного" леса в Российском государстве, во второй даны способы "к бережному отношению и размножению оных". Третья глава посвящена лесному законодательству России, а в четвертой изложена методика описания лесов.

Несомненно названные книги и были первыми учебниками по лесоводству первых студентов лесных институтов России.

- III -

Санкт-Петербургский форст-институт (1813 -1836 гг.)

С переводом Лесного института из Царского Села в Санкт-Петербург (1811), а также присоединением к нему в том же году частного Орловского лесного института (вместе с вошедшим в его состав ранее Рижским лесным училищем) и Козель-

ского форст-института (1813) начался новый этап в истории Лесного института и высшего лесного образования в России. Становление, развитие и дальнейшее его совершенствование неразрывны со становлением и развитием лесного хозяйства.

3.1. Лесное хозяйство в России

В 1811 г. Лесной департамент был преобразован в лесную часть Департамента государственных имуществ Министерства финансов, состоявшую из 5 отделений. 3-е отделение занималось описанием и выделом корабельных лесов, а 4-е - казенными лесами. Отделение корабельных лесов в 1817 г. было преобразовано в управление, а в 1828 г. - в Департамент корабельных лесов Военно-морского министерства. В 1817 г. Сенат утвердил "Устав о корабельных лесах", согласно которому они разделялись на 3 округа, возглавляемые окружными правлениями: Низовой - в Казани, Северный - в Архангельске и Западный - в Киеве. Для каждого округа корабельных лесов были разработаны частные правила его функционирования, а также описей и составления карт корабельных лесов. В 1826 г. по инициативе министра финансов Е.Ф.Канкрин император утвердил новое положение об устройстве лесного дела. Первоначально только в Санкт-Петербургской, Псковской, Олонецкой и Казанской губерниях оберфорстмейстеры и форстмейстеры были переименованы в ученые, окружные и губернские лесничие, ферстеры - в младшие лесничие, унтер-ферстеры - в подлесничих, надсмотрщики - в объездчиков, а с 1828 г. такое изменение произошло во всех губерниях. Для удобства охраны лесов и ведения в них хозяйства леса губерний были разделены на округа, а округа - на лесни-

чества. Для надзора за полесовщиками назначены 504 объездчика.

В том же 1826 г. в Департаменте государственных имуществ был создан Ученый комитет по лесной части, в задачи которого входило изучение и обобщение лесного дела, а также подготовка новых законоположений, специальных наставлений и инструкций по сохранению, улучшению лесов и ведению правильного лесоводства по губерниям. Е. Ф. Канкрин считал, что лесное хозяйство должно содержать само себя за счет лесного дохода и давать государству прибыль. В бытность его министром финансов за 6 лет, предшествующих организации Министерства государственных имуществ (1832-1837), лесной доход достиг 600 тыс. руб. в год.

Продолжалось приведение лесов России в известность, составление описей и ландкарт корабельных лесов. Так, к 1817 г. корабельные и "дикорастущие" леса, в которых производилась заготовка древесины для флота, занимали пространства в губерниях: Казанской - 1 431 504, Вятской - 233 319, Симбирской - 701 130, Оренбургской - 283 730, Нижегородской - 211 399 га, а всего 3 797 198 га (ЦГА ВМФ).

К 1836 г. только в Низовом округе была выделена 351 корабельная роща общей площадью около 628,1 тыс. га.

В этот период продолжалась передача казенных лесов "для непосредственного присмотра

тем ведомствам и заведениям, для продовольствия и использования коих они предназначены": Департаменту уделов - удельные леса, Казенным палатам - казенные винокуренные леса, Горному ведомству - леса казенных заводов, Адмиралтейству - корабельные и соляные леса и т.д.

В 1832 г. было учреждено Санкт-Петербургское общество поощрения лесного хозяйства, которое с 1833 г. начало выпускать "Лесной журнал", активными участниками и авторами которого были и преподаватели Лесного института.

В 1830 г. Е. Ф. Канкрин издал разработанную им специальную "Инструкцию об управлении лесной части на горных заводах хребта Уральского по правилам лесной науки и доброго хозяйства". Этот труд стал на многие годы не только ценным руководством для практики лесного хозяйства, но и инструкцией для лесоустройства, учебным пособием для студентов Лесного института.



Граф Е. Ф. Канкрин,
министр финансов

В Инструкции четко, ясно и сжато изложены недостатки тогдашнего лесного хозяйства и намечены средства к их искоренению. "Лесные узаконения и порядок лесного хозяйства на гор-

ных заводах требуют нового соображения для приспособления их, с одной стороны, к новейшим открытиям лесной науки, а с другой, к климату и местным опытам... Первая цель сей инструкции есть та, чтобы обратить на сей предмет полное внимание горного управления, ибо наука лесного хозяйства на заводах не менее важна, как собственно горные науки. Особенно должны стараться об устройстве и сбережении горных лесов, о разведении их, где нужно вновь, и об отыскании способов к уменьшению самой потребности в лесных припасах; за неисполнение же сего будут подвергаться строгой ответственности",- писал Канкрин во введении.

Перечислив причины "оскудения лесов на горных заводах" (излишний и небережливый расход лесных произведений, недостаточное устройство лесного управления, неприведение лесов в надлежащую известность и определительность, беспорядочные порубки, редкое употребление искусственных способов разведения и др.), автор Инструкции излагает по пунктам основные "правила ее и... предначертания тех распоряжений, кои должны быть сделаны на заводах для исполнения постановления оных".

Исключительный интерес по идейной направленности представляет §117 этой Инструкции: "... При каждом заводе иметь нужное число лучших новейших книг о лесной науке и поощрять молодых практикантов и чиновников к чтению оных. Не менее того готовить нужное число служащих к лесной практике, особенно к межеванию и снятию ситуаций. Внушать им охоту к лесоводству и вообще думать о лесном хозяйстве... При чтении книг, особливо иностранных, молодые лесоводы должны иметь всегда в виду приспособление приобретенных сведений к обстоятельствам России, сличая правила теории с местными наблюдениями и сделанными опытами.

Одна теоретическая ученость не приносит действительной пользы, и главная цель настоящей инструкции была не та, чтобы начертить систему науки, принятой в чужих краях, а приспособить истины оной к надобностям России, ввести не иностранное, а русское лесоводство..." (курсив наш - Г.Р.).

По вопросу о том, какие леса надо разводить, чистые или смешанные, Инструкция разъясняла: "Прежде думали, что сие должно быть одним из первых предметов лесоводства, но ныне

большую часть отстали от сей мысли и, исключая дубовые засеки и сосновые рощи, предпочитают смешанные, только улучшенные леса везде, где натура сама указывает..."

Для улучшения лесного дела в России из-под пера Канкрин вышел целый ряд распоряжений: "О выращивании дубовых низкоствольников на корье для дубления кож", "О разведении лесов в Новороссийском крае" и др. Предполагалось награждать местных жителей-переселенцев за успехи в лесоразведении медалями, деньгами, отпускать им бесплатно посадочный материал и семена, заботиться о сборе их и "учредить школы лесных и садовых растений". Разработан был проект разведения лесов на Оренбургской пограничной линии. Волостным и сельским правлениям было предписано при каждом селении государственных крестьян Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний завести плантации лесных деревьев близ воды, окопать их канавами и обсадить живыми изгородями из дикого жасмина или акации. Окружным лесничим приказывалось учредить при волостных правлениях школы деревьев для бесплатного отпуска посадочного материала волостным правлениям.

Одним из средств наведения порядка в хозяйстве Канкрин считал необходимым образование лесного общества. Именно по его докладу Николай I разрешил 25 февраля 1832 г. учреждение в Санкт-Петербурге "Общества для поощрения лесного хозяйства". В отчете Общества за первый год его существования было сказано: "Существованием своим с полезною целию поощрения частных владельцев к бережливому сохранению лесов и распространению познаний о правильном лесоводстве обязано оно просвещенной и предусмотрительной заботливости государственного мужа [Е.Ф.Канкрин], неутомимо пекущегося о развитии и совершенствовании отечественной промышленности и совершившего уже многие улучшения по части государственного хозяйства".

Озабоченный состоянием русских финансов, в поисках источников увеличения доходов, интересуясь государственным имуществом, вообще, огромной площадью казенных лесов, в частности, Канкрин стремился устроить их "по правилам доброго хозяйства".

Сознавая нужду в людях, подготовленных для ведения и управления лесным хозяйством,

понимая, что выписывавшиеся до него форст-мейстеры не способны к этому, он добился от Николая I разрешения о ежегодной отправке за границу лиц, хорошо окончивших форст-институт, "для вящего усовершенствования в лесных науках".

Уже в 1827 г. командированы были в Германию Вейхенталь, Гильдеман, в 1829 г. - Семенов, в 1839 - Петерсон, Длатовский. Вплоть до 1914 г. лучшие выпускники Лесного института для усовершенствования своих знаний и подготовки к профессиональной деятельности или занятия высших должностей в Лесном департаменте направлялись за границу, преимущественно в Германию.

Первых командированных за границу лиц Канкрин снабдил специальной инструкцией: "На пребывание Ваше в Берлине назначаем 2 года. В продолжение оных Вы должны слушать с прилежанием курс всех наук, преподаваемых в Берлинской лесной академии, и принимать участие во всех практических упражнениях, заведенных там для усовершенствования учащихся в познаниях по части лесоводства". По окончании двухгодичного срока, "предназначенного для пребывания Вашего в Берлине, Вы должны употребить еще один год на ученые петешества по местам, славящимся устройством заведения по части лесоводства. В отношении сего предложения в свое время Вы получите особое предписание".

Он распорядился, чтобы командированные были прилично одеты. Чтобы деньги на обмундирование использовались по прямому назначению, К. Ф. Канкрин распорядился не выдавать их на руки, а выплачивать по счетам. Каждому командированному оплачивались квартира, содержание, одежда и учение, а также расходы на мелкие покупки, на приобретение книг "по распоряжению профессора Пфейля" (директора Берлинской академии).

В. С. Семенова Пфейль рекомендовал в преподаватели Санкт-Петербургского лесного института, а до этого в письме к Канкрину он советовал, чтобы тот осмотрел русские леса в целях сравнения их с немецкими.

Рассматриваемый период деятельности Лесного института был ознаменован и выдающимися частными подвигами крупных землевладельцев в степном защитном лесоразведении на юге России. М. Я. Данилевский с 1804 по 1812 г. вырастил на сыпучих песках вблизи Северского

Донца в Харьковской губернии около 1 тыс. га соснового леса. В. Я. Ломиковский на своих землях в Полтавской губернии создал систему полезащитных лесных полос, под защитой которых получал высокие урожаи сельскохозяйственных культур независимо от погодных условий. В. П. Скаржинский в своем имении "Трикраты" (сегодня это Вознесенский район Николаевской области) с 1816 г. в течение 50 лет занимался степным лесоразведением. По балкам и оврагам он, не считаясь с затратами, создал 560 га леса, сохранившегося до наших дней. С 1822 г. в имении Моховое Тульской губернии под руководством сначала управляющего Ф. Х. Майера, а затем самого помещика И. Н. Шатилова, к 1893 г. был выращен знаменитый и сегодня Шатиловский лес. Переселенцы из Германии - меннониты под руководством И. И. Корниса в Бердянском

уезде по р. Молочной в течение 1806-1848 гг. на сотнях десятин вырастили лес, сады, виноградники, разработав агротехнику для создания и выращивания древонасаждений в открытой степи. И. И. Корниса по праву считают патриархом степного лесоразведения в России. С 1817 г. по инициативе В. А. Аракчеева и под руководством А. П. Никитина и Д. Е. Остен-Сакена в Новороссийском крае степным лесоразведением и древовозращением с успехом занимались военные переселенцы. Известны и другие примеры успешного степного лесоразведения на частных землях. Об этом публиковались статьи на страницах "Лесного журнала" (с 1833 г.), в "Трудах Вольного экономического общества" и в других изданиях. И об этом не могли не знать преподаватели тогдашнего Лесного института.

3. 2. Местность Лесного

Местность за пределами тогдашнего местонахождения Санкт-Петербурга, где был размещен Лесной институт, вскоре получила название "Лесное". С того времени и до наших дней это один из своеобразнейших и интереснейших уголков Санкт-Петербурга: местность, расположенная по правую сторону Выборгского шоссе на восток до Малой Спасской улицы (ныне улица генерала Карбышева). В первой половине XIX в. Лесным стала называться нагорная северная часть владений Лесного института, откуда и происходит самое название всей местности после перепланировки ее под дачную территорию. Таким образом, собственно Лесным, по *С.А. Безбаху (1929)*, называлось сравнительно небольшое пространство в форме неправильного пятиугольника, ограниченное Выборгским шоссе, Новосильцевской и Малой Спасской улицами, линией, проходящей от Яшумова переулка до угла 2-го Муринского проспекта и Выборгского шоссе. Согласно первому официальному документу, касающемуся Выборгской стороны, - доклада Комиссии о Санкт-Петербургском строении об "устройстве Выборгской стороны", датированному 20 августа 1739 г., на планах того времени вся местность будущего Лесного показана покрытой сплошным лесом с пролегающими по нему дорогами - Большой Выборгской, Муринской и другими.

По местоположению эта местность находится на повышающейся к северу (максимальная высота 9,1 м над уровнем моря) возвышенности - уступе-береге существовавшего когда-то здесь моря. Она имела изреженные естественные лесные насаждения, частично сохранившиеся в преобразованном новыми посадками виде до наших дней, придающих ей, наряду со всеми элементами города, совершенно своеобразный характер.

Климат Лесного почти не отличался от городского, однако вследствие большого количества воды в виде прудов, канав и избыточного почвенного увлажнения местность вплоть до 1930-х гг. была очень сырой. Лишь после 1925-1928 гг. в связи с прокладкой системы осушительных канав, существенно понизивших уровни грунтовых вод, стало заметным изменение климатических условий, влияющих, в первую очередь, на состояние и рост растений. Обилие воды здесь обусловлено было тем, что территория Лесного располагалась как раз на пути стока подземных вод из вышележащей местности, в том числе и из парголовских водоемов. Почва Лесного свободно пропускала эти воды, чем и объяснялись большая влажность грунта и часто бывавшие здесь по вечерам туманы.

Еще и в начале XIX в. местность, получившая в будущем название "Лесное", представляла

собою в большей части заболоченный лес и потребовались большие усилия для приведения ее в пригодный для заселения вид. Профессор Лесного института П.А. Перелыгин по состоянию на 1830 г. впервые профессионально описал местоположение и почвы Лесного в своем исследовании "Топографо-минералогический взгляд на грунт Лесного парка С.-Петербургского форст-института":

"Пространство, занимаемое Лесным парком, составляет около 300 десятин. Грунт самую природою разделен на возвышенный и низменный. Поверхность первого на юге, где он ограничивается крутым наклоном, состоит из чистого крупного хряща, а к северу поверхность его представляет болото, лежащее в углублении до следующей возвышенности. Основание сего болота есть мелкий более глинистый песок, который на упомянутом крупном хряще составляет водупорный слой, удерживающий воду, от скопления коей образовалось болото. Сей мелкий глинисто-песчаный нанос замечается на дне тамошних болот и в углублениях между всеми возвышенностями... Подобный мелко-глинистый песок замечается и на низменной части парка, в тех местах, где между возвышенностями лежит торфяник или чернозем.

Возвышенных полос считается 3, кои параллельны между собою и главною или большою возвышенностью. Находящийся между ними торф бывает различных свойств, чего, однако, в верхней части не видно, хотя моховой слой или тряпина простирается иногда более аршина в толщину, но не превратился еще в торф" (*Перелыгин, 1830*).

Причину такой разности Перелыгин видел в отсутствии чередования заболачивания и осушения. В нижней же части парка, которая давно уже была изрыта каналами, такое чередование влажности почвы имелось: после весенней и осенней сырости и наводнения наступало летнее осушение.

"Кроме мест песчаных и торфяных, на низменной части находится довольно чернозема; он занимает высшее положение относительно к торфяникам, кои давно, как и первый, поросли травою и составляют довольно хороший сенокос. Толстота чернозема на всех местах парка не превосходит аршина, под ним лежит, как выше сказано, обыкновенно мелкий песок, чистый

или смешанный с глиной, образующий общий нанос всех углублений между песчаными буграми. Впрочем, в одном месте на верхней дороге, чернозем лежит на слое лугового железа, которое там даже выказывается на поверхность" (*Там же*).

Оставил нам Перелыгин и описание естественной растительности Лесного: "Большая часть возвышенности покрыта сосновым лесом, который перемешан с ольхою, березою, а ближе к Выборгской дороге, на железном грунте - и молодым ельником. На низменной же части грунт состоит из чернозема, поросшего травою; а по краям канав кой-где растет кустами ива или верба и мелкий березняк и ольха" (*Там же*).

Как свидетельствует С.А.Безбах, в архивном деле "О составлении исторического обозрения Лесного и межевого института" имелась такая, относящаяся к 1811-1813 гг., характеристика местоположения Лесного: "При Санкт-Петербургском Лесном институте состояла песчаная болотная, а под горою обсушенная для лугов торфяная земля до 284 десятин, которая на горе оставалась в диком состоянии, заключая в середине обильное водою болото. На сем пространстве находится мелкий лес" (*Безбах, 1929*).

Первым поселением в этом районе была Спасская мыза, основанная где-то в середине XVIII в. Владельцем ее был предположительно гофинтендант И. Шаргородский. С 1762 г. ею владел А. О. Закревский - президент Государственной медицинской коллегии, один из крупных деятелей своего времени.

При продаже Спасской мызы в 1787 г. упоминается, что окружавшие ее земли Спасской дачи тянулись от Выборгской дороги до Пискаревки. А. О. Закревский продал эту мызу с землями в 1787 г. "флота капитана лейтенанта Осипа Перри жене, Марии Николаевой дочери", которая, спустя несколько месяцев, продала ее другому владельцу.

В начале XIX в. поместьем "Спасская мыза" владел уже И. И. Кушелев - мелкий армейский офицер, позже знатный сановник, гордый и высокомерный вельможа екатерининского и павловского двора. Он, очевидно, и купил эти земли в 1788 г., желая иметь поместье рядом с землей родственников жены - Ланских. Последние владели землями по другую сторону Выборгской дороги.

Впоследствии Кушелев прикупил еще часть земли у графа Безбородко, хозяина Полюстрово, и стал владельцем колоссального по площади пригородного имения, простиравшегося от Выборгской дороги до Пискаревки и от Полюстровского проспекта почти до Поклонной горы. Кушелев переименовал Спасскую мызу в Спасскую дачу и сделал ее своей летней резиденцией. После смерти И. И. Кушелева (в 1817 г.) и его жены (в 1822 г.) имение перешло к их зятю - сенатору Молчанову, после смерти которого (в 1831 г.) - к его зятю и дочери Беклешовым. К

этому времени Спасская мыза из поместья вельможи постепенно превратилась в оживленную местность с весьма большим для того времени населением, особенно в летнее время. Так, в 1821 г. при въезде в город по Муринскому тракту сельцо Спасское имело населения 8144 чел., 55 каменных и 39 деревянных зданий в 4 кварталах. При домах имелось 93 сада. Земли Спасской мызы постепенно превратились в дачную местность. Началось ее благоустройство: на Малой Спасской появились булыжная мостовая, торговые дома, открылось почтовое отделение.

3.3. Английская ферма

В 1802 г. через посредство Н. Н. Новосильцева Александр I принял предложение от английского капитана А. Давидсона устроить вблизи Петербурга императорскую образцовую сельскохозяйственную ферму. Для фермы было приобретено в общей сложности более 1404 десятин земли на Выборгской стороне, в том числе от И. И. Кушелева 35 десятин и 715 безвозмездно от графа Безбородко. Границы земель фермы простирались от Черной речки по Ланскому и Выборгскому шоссе до Поклонной горы, охватывая всю Сосновку, далее по Малой Спасской, вдоль Полюстровского проспекта, Чугунной улицы, Лесного проспекта, Батениной улицы, Сампсоньевского проспекта и набережной Большой Невки до Черной речки. Таким образом, в пределы английской фермы входила и территория будущего Лесного. Было установлено, что вся территория не была еще заселенной и представляла собой в большей части заболоченные, мало приспособленные для сельского хозяйства земли. "Лесу строевого совсем нет; а сосновый - мелкопорослый по горам и болотистым местам, также и кустарника имеется до 400 десятин... Более 300 десятин мелкопорослого, годного на дрова леса, расположенного по суходолу", - так характеризовались земли фермы в сохранившихся описаниях. На устройство фермы было израсходовано 305 тыс. руб. с обязательством Давидсона постепенно выплатить их вместе с процентами в течение 23 лет, после чего ферма должна была поступить в собственность казны. В течение первых 5 лет на ее землях был выполнен большой объем работ по облагораживанию зе-

мель, благоустройству территории, строительству зданий и сооружений, большие средства были затрачены на приобретение скота, сельскохозяйственного инвентаря и пр. Однако Давидсон вскоре убедился в неисполнимости своих намерений и взятых обязательств. В 1807 г. он пытался добиться изменения срока контракта с 23 до 35 лет и получения дополнительно 40 тыс. руб. Ему дали 20 тыс. руб., но срок аренды оставили прежний. В 1809 г. вследствие продолжающейся убыточности фермы было решено передать её в казну со всем имуществом без каких-либо претензий к ее управляющему Давидсону. Попытка организации первой в России образцовой сельскохозяйственной фермы по заграничным образцам под патронажем Новосильцева, графа Строганова и князя А. Чарторижского потерпела фиаско. Между тем Давидсона пригласил Чарторижский управлять его имениями в Курляндии.

Крестьяне бывшей фермы перешли в ведение Кабинета его императорского величества с наделом 3 десятин земли каждой душе мужского пола, часть зданий на берегах Невы и Черной речки причислили к Каменоостровскому дворцу, а все остальные земли были разделены на 28 участков и проданы с торгов частным лицам, за исключением участков №1 со всеми постройками и №7, прилегающих к первому. *Эти земли были оставлены в казенном ведении, переданы Лесному департаменту и явились основой будущего Лесного (курсив наш - Г.Р.).*

К 1811 г. на месте современных зданий Лесотехнической академии располагались главные постройки Английской фермы, возведенные зна-

менитым русским зодчим А. Н. Ворониным. Это были деревянные дома для содержателя фермы, ряд служебных и хозяйственных построек. Уже при приеме от Давидсона фермы обнаружилось ее большое запустение: совсем еще новые по времени дома пришли в ветхость, инвентарь полуразрушен, скот частью погиб. Осуществить ликвидацию фермы было поручено инспектору по Санкт-Петербургским колониям Е.Ф.Канкрину - будущему министру финансов николаевской эпохи. Е.Ф. Канкрин быстро и удачно провел

ликвидацию фермы, получив для казны 12 тыс. руб. прибыли. С этого времени до самой смерти Е.Ф. Канкрин (в 1845 г.) судьба этой местности, как и самого Лесного института, была тесно связана с ним. Последние следы фермы в виде ветхих зданий, в течение ряда лет находившихся в ведении Лесного института, исчезли в начале 1830-х гг. после возведения новых кирпичных зданий. Память о бывшей Английской ферме до последнего времени оставалась в названии Английского проспекта в Лесном.

3. 4. Земли Лесного института

Участки № 1 и 7 бывшей Английской фермы общей площадью 287,9 га (221,6 и 66,3 га соответственно) были переданы Санкт-Петербургскому форст-институту. Институт обосновался в постройках бывшей фермы на срединной части участка №7, которая соответствует примерно и сегодняшней общей площади Лесотехнической академии. Территория участка №1 длительное время, почти до конца 1830-х годов, оставалась в том же состоянии, какое она имела при ферме А. Давидсона: нижняя - под покосами, а верхняя нагорная - заболоченная.

При передаче Лесному институту такой сравнительно большой площади земель имелось в виду использование ее для учебных целей. Действительно, в первые годы деятельности института на новом месте, пока он был небольшим учебным заведением, его воспитанники пользовались окружающей усадьбу территорией для учебных практик. При этом большая часть земель приносила институту и определенный доход от использования их в виде покосов и огородов. С 1820 г. практические занятия перенесли в Лисинское казенное лесничество. Тем не менее даже при разработке проекта переустройства Лесного института, составленного Е.Ф. Канкриным в 1827 г., еще планировалось более широкое использование окружающих его земель. "Загородная дача" (так назывались земли Лесного института на Выборгской стороне) по плану Канкрин предназначалась для жительства воспитанников и практических занятий по геодезии в летнее время.

В докладной записке с планом переустройства Лесного института, утвержденного Николаем I

22 апреля 1827 г., Канкрин намечал земли института "к постепенному обращению в лесной парк, который по осушении болот, служа украшением той местности, вместе с тем доставлял бы воспитанникам Лесного института способы к практическим занятиям по части посева и посадки лесов" (*Исторический очерк, 1903*).

Е.Ф. Канкрин сделал планировку всех земель Лесного института. Предусматривалось использование их следующим образом. В центре, на месте построек Английской фермы, планировалось устроить усадьбу института в форме эллипса, вытянутого главной осью в сторону Институтского проспекта. Последний должен был иметь превосходный перспективный вид на фасад только что возведенного главного кирпичного корпуса. Вокруг усадьбы намечалось разбить парк с группами деревьев и кустарников разных пород, посаженных клумбами; "поелику почва земли песчаная, то для удобрения углубления, в которые посадятся деревья, будут наполнены вымороженною землею, извлеченною из прудов". С юга к главному корпусу должен примыкать цветник, расположенный большим полукругом, т.е. примерно так же, как и теперь. Вокруг цветника предполагалось устроить Английский сад. Для "воды, из каналов собирающейся", проектировалось устройство озера (впоследствии это так называемый "лабетный", или Большой, пруд, почти совсем высохший к 1918 г., на месте которого в 1927 г. была сооружена будка обсерватории).

Большой пруд на месте нынешней котельной и частично второго учебного здания был глав-

ным бассейном для сбора воды со всей северной нагорной части земель института, которая тогда (в 1827 г.) представляла из себя лес и болота, "кои по осушке частично обратятся в сенокос, частично под разведение леса и по удобности места, также под посев капусты и картофеля". Лес предлагалось улучшить и увеличить посевом и посадкою разных деревьев "на особых пространствах, коих почвы к сему способны". Через лес намечалось проложить дороги, точнее, исправить и развить уже существующие, "на коих по местам будут сделаны простые лавки". Старые кривые дороги на Спасскую мызу и в Мурино намечалось урегулировать и выпрямить, создав таким образом улицы - будущие Новосильцевскую и Малую Спасскую. Кроме того, предусматривалось устройство еще одной просеки - дороги, перпендикулярной к Институтской просеке, с круглой площадью на перекрестке - будущий 2-й Муринский проспект.

Таким виделось Канкрину устройство средней и северной нагорной частей. Южная же часть, располагающаяся ниже уступа, использовалась как сенокос и в проекте Канкрин намечалась к дальнейшему осушению системой канав, которые должны были быть обсажены, так же как и проходящие по этим землям полосы бургов прежнего берега древнего моря, "разными кустами, свойственными почве".

Согласно утвержденному проекту, уже в 1827-1828 гг. были разбиты все дороги, определены места для строений, огородов, Английского парка и пр. Тогда же в парке были сделаны небольшие "плантажи" (посадки): один - из сосен около метеорологической обсерватории, а другой - из ели в юго-восточном углу парка, при выходе к станции Кушелевка. После проведения железной дороги эти "плантажи" погибли.

Из назначенной на устройство парка суммы в 30 тыс. руб. было израсходовано в 1827-1828 гг. 15 тыс., на его содержание - 5582 руб. 50 коп. В 1836 г. высочайше был разрешен дополнительный кредит на осушку болот в 20 тыс. руб. (*Там же*).

Таким образом, вместе с развитием Лесного института приводились в порядок и принадлежащие ему земли. Однако уже тогда, в начале 30-х годов XIX в. стало ясно, что такая большая территория - 288 га слишком тягостна для института, остро нуждавшегося в средствах. Руководство института пыталось изыскать более вы-

годные источники дохода от своих земель, чем покосы и огороды. В 1831 г. куратор и неизменный попечитель Лесного института Е.Ф. Канкрин внес в Кабинет министров проект "Правил владения участками земли, проданными с аукционного торга частным лицам из дачи Лесного и межевого института", высочайше утвержденного 31 октября 1831 г. (*Полный свод законов, т. VII, Устав лесной, 362 с.*). Согласно этому проекту, нижняя часть земель института, разбитая предварительно на участки, была назначена к продаже частным лицам. Поскольку местность эта лежала вне тогдашних границ города, для этого и были составлены особые правила.

Институт до этого осуществил большие осушительные работы, устроив целую систему каналов. Главную улицу - Сампсоньевский проспект, его правую сторону и дорогу в Институт намечалось обсадить деревьями, что придавало бы местности более благоустроенный вид. Большой канал, шириной 4 и глубиной 1 сажень, проходил по центру тогдашней Межевой улицы, ныне Лесного проспекта, а малый канал - по Антоновскому переулку. 5 февраля 1832 г. состоялась первая продажа с публичных торгов 29 участков общей площадью 49 десятин 1449 кв. саж.

Планировка этой местности, почти без изменений сохранившаяся до наших дней, была следующей: улицы, расположенные под прямыми углами, параллельно и перпендикулярно Сампсоньевскому проспекту, разбивали всю площадь на ряд прямоугольных кварталов, каждый из которых состоял из 2 участков. В продажу не поступили лишь 3 участка: первый, предназначенный для общественного пользования, второй - напротив институтского парка по 1-му Муринскому проспекту между Парголовской улицей и Антоновским переулком и третий - примыкающий к нему "треугольник".

Улица Лесная, проходившая параллельно Сампсоньевскому проспекту, не сохранилась: по ней проходит теперь железнодорожная насыпь. От нее остался лишь конец между Институтским и Земледельческим переулками.

По 1-му Муринскому проспекту и продолжению Парголовской улицы внутри владений института пролегла главная дорога в институт. Эти улицы были шоссированы во всю ширину и содержались на средства института. Каменные мостовые были сделаны также по Флюгову пе-

реулку до Парголовской улицы, по ней и по продолжению 1-го Муринского проспекта до Малой Спасской улицы. Остальные улицы Лесного оставались немощеными, а только дренированными каналами с обеих сторон.

В 1833 г. проданные участки были включены в черту города. Непроданные участки сдавались в аренду.

Ко времени распродажи участков нижней части земель Лесного института северная нагорная часть находилась еще неблагоустроенной, заболоченной. Болота намечались к осушению для использования под сенокосы и огороды лишь после 1827 г.

10 января 1833 г. Е.Ф.Канкрин обратился в Кабинет министров с новым проектом использования северной нагорной части земель Лесного института, не используемой для учебных целей. Здания института были сосредоточены к тому времени в центральной части, т.е. там, где и сегодня. Предлагалась сдача участков в оброчное - "чиншевое" содержание за плату институту. Такое своеобразное и крайне выгодное для Лесного института использование земель было, очевидно, продиктовано Канкрину усиленным ростом дачного населения на Спасской мызе и вблизи нее. Первые три участка (№ 1, 2 и 3) с запада нынешней Новороссийской улицы из серии в 18 участков были куплены Е.В.Новосильцевым. Позже была продана и вторая серия из 18 участков.

Планировка Лесного целиком была осуществлена по Канкрину, точнее, по проекту Неллингера-Канкринина 1827 г. Первыми проспектами-улицами в нагорной части были существующие и сегодня Институтский и 2-й Муринский проспекты. До них здесь существовала старая неровная, кривая дорога с Выборгского шоссе на Спасскую мызу - на месте нынешней Новороссийской улицы. В 1833-1835 гг. были проложены и остальные улицы Лесного, почти целиком сохранившиеся до наших дней. Роль главных перспектив играли Институтский проспект, Новороссийская улица и 2-й Муринский проспект.

Позже, в 30-е годы XIX в., усадьба института вопреки проекту Неллингера-Канкринина была застроена в сторону Институтского проспекта служебными зданиями, а на месте пересечения Институтского проспекта и Новороссийской улицы в 1834 г. был вырыт круглый пруд, обса-

женный деревьями дуба, а в 1856 г. - Серебряный пруд. До 1830-х гг. нынешняя Новороссийская улица называлась Малым Муринским проспектом, позже - Новосильцевской улицей, а 2-й Муринский проспект - Большим Муринским.

Для 4-х юго-восточных участков осушителем-резервом для почвенных вод стал вырытый ранее Большой пруд - Лагерный.

Для учебных целей в наибольшей мере использовалась центральная часть владений института с его усадьбой. Пока система преподавания была еще не совсем отработанной и установившейся, использовали подходящие участки: в нижней части - луга, в средней и верхней - отдельные участки лесных насаждений и группы деревьев. Для приспособления всей дачи к практическим занятиям не было ни средств, ни особой необходимости. С 1820 г. для учебных практик подготавливалась Лисинская казенная дача, а земли института использовались лишь для летней практики по геодезии и - по проекту Канкринина - намечались к постепенному обращению в лесной парк.

На плане 1827 г. в средней части четко видны следующие дороги будущего парка: старая дорога на ферму - первая от поворота Институтского переулка на горе, около спуска; несколько севернее аллеи Кайгородова, проходящей через древесный питомник, она выходила на Выборгское шоссе недалеко от Новосильцевской улицы.

При устройстве питомника в 1850 г. середины дороги исчезла. Остались лишь ее конечные части, при этом дальняя часть просуществовала до конца XIX в. - она шла от аллеи "Комсомольца" до границы владений института у пруда, а ближняя существует и в настоящее время - это верхняя часть Институтского переулка, окаймленная 170-летними дубами и лиственницами, и часть отходящей от нее Кайгородовской аллеи до входа в питомник.

Вторая дорога - теперешняя Комсомольская аллея - в 1827 г. пересекалась в своем восточном конце с дорогой, проложенной от усадьбы фермы прямо на север до Новороссийской улицы, и продолжалась несколько далее, встречаясь с разветвлениями улицы. Новороссийская же улица - тогда старая дорога в Мурино - была не прямой, а шла с изгибами по сухим удобным для проезда местам.

Третья дорога - новый въезд на ферму - существует и в наши дни, только тогда она была бо-

лее крутой и подходила к месту, занимаемому ныне западным крылом южного фасада.

Четвертая дорога шла от главного каменного здания института, первого по постройке, на запад перпендикулярно линии Малой Спасской улицы, на которую она вела.

Восточная часть всей этой территории, примыкающая к Новороссийской улице и подходившая к усадьбе, огибая местность существовавшего еще в 1920-е гг. лесного питомника, на плане 1827 г. значилась "сбереженным сосновым кустарником, в коем пустые места предпо-

лагалось засеять вновь". Западный угол будущего парка, образуемый Новороссийской и Малой Спасской улицами, также был занят сосновым и лиственным леском, ограничиваемым с востока пешеходной тропинкой в районе Лагерного пруда. Все остальные пространства в 1827 г. использовались под сенокосы. Западный, южный и восточный углы усадьбы были заняты огородами, тут же находились и небольшие сады. Проект Канкринна намечал посевы сосны вдоль Малой Спасской улицы и вблизи расположения будущей братской могилы павших в октябре 1917 г.

3. 5. Здания института

От Английской фермы в 1811 г. Лесному институту достались 26 строений в весьма плачевном состоянии. Ремонтируя, подстраивая и перестраивая существующие постройки, Лесной институт оставался в них до 1821 г. Бывший главный корпус фермы - двухэтажный, деревянный, на каменном фундаменте и оштукатуренный внутри дом имел 2 подъезда, балкон на 10 деревянных колоннах с перилами и навесом из металлической решетки. В нижнем этаже было 7 покоев, проходная комната, парадная лестница, коридор с 4 людскими покоем, изразцовые печи, 2 камина, подвальный погреб. В этом здании были учебные классы, кабинеты для преподавателей, библиотека, жилье для воспитанников, численность которых едва достигала 30 чел. Бывшая молочная ферма была превращена в дом для директора. Некоторые конюшни также были переделаны под жилье для служащих.

С 1814 г. число воспитанников увеличилось за счет присоединения Козельского форст-института. Главный дом был занят только классами и кабинетами. Флигели были переделаны под общежития для воспитанников и квартиры преподавателей. Сенной сарай превращен в столовую с пристройкой кухни и т.д.

Вскоре начался поиск других помещений для Лесного института в городе. Министр финансов Гурьев просил перевести Лесной институт в Чесменский дворец, но получил отказ. В 1820 г. в результате докладной записки директора Департамента государственных имуществ Лавинского о необходимости переустройства зданий Лесного института последовал приказ министра фи-

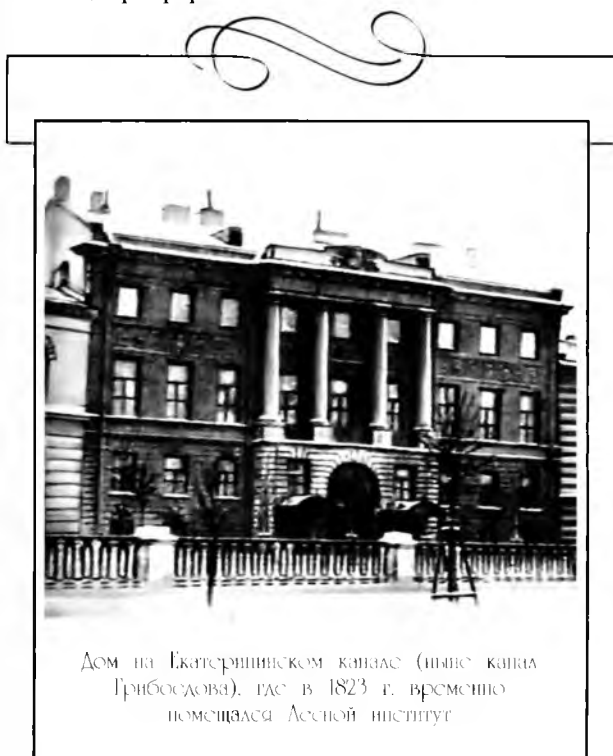
нансов о покупке для института дома тайного советника Молчанова на берегу Невы в Кушелевке. Владелец дома запросил 200 тыс. руб. Сделка не состоялась.

Только в 1822 г. министр финансов добился на ремонт зданий суммы в 50 тыс. руб. Весной 1823 г. было получено разрешение на покупку с публичного торга для Лесного института каменного дома бывшего португальского канцлера Лопеца на Васильевском острове, расположенного на пересечении Большого проспекта и 9 линии, где позже помещалась типография Академии наук. Дом был выторгован за 118 тыс. руб. с дополнительными расходами в 16 тыс. руб. Покупка не состоялась, так как Правительствующий Сенат посчитал эту цену высокой.

Наконец, в сентябре 1823 г. распоряжением министра финансов Лесной институт был переведен в казенный дом на Екатерининском канале (№ 101), где находился Департамент коммерц-коллегии, переведенный в связи с этим в казенный дом на Мойке. Ферма до нового строительства продолжала служить местом летних практических занятий. Тогда же были выделены средства на строительство нового корпуса Лесного института.

Самый первый, по *С.А. Безбаху (1929)*, каменный (фактически кирпичный) 2-этажный с мезонином корпус для классов, столовой и дортуаров был построен в 1826-1827 гг. под руководством архитектора Неллингера - строителя биржевых зданий в Санкт-Петербурге. Теперь это центральная часть южного фасада главного здания Лесотехнической академии. Для строи-

тельства использовалась безденежно часть старых материалов от зданий на Дворцовой площади. По оси здания проходил коридор, а по обе его стороны находились учебные классы. Место современного вестибюля занимали 3 комнаты: в задней (северной) части - одна большая, типа залы, и в передней (южной) - две. Выходы из здания располагались по краям и были обращены на север, а на месте современного внутреннего двора находился сад без входов с южной стороны. Второй этаж на южной половине был занят дортуарами площадью 200 м² на 42 чел. Сегодня это приемная и кабинеты ректора и проректора. На третьем этаже - в мезонине помещались дортуары. В двух его комнатах стояло 36 кроватей на площади 218 м². В остальных помещениях находились классы и столовая. Служащие и преподаватели жили в деревянных старых зданиях. Этот каменный корпус был возведен на пустом месте двора фермы.



Дом на Екатерининском канале (ныне канала Грибоседова), где в 1823 г. временно помещался Лесной институт

Однако одного здания для Лесного института было уже недостаточно. В упоминавшемся проекте, представленном при докладной записке Канкринина, утвержденной 22 апреля 1827 г., предусматривалось старые здания фермы снести и построить новые. По обе стороны центрального корпуса в 12 сажнях (25,6 м) от него намечалось построить два флигеля для служб. На се-

вер от них располагался обширный двор, заканчивавшийся закругленным уступом в направлении Институтского проспекта. Продолжением этого уступа должна была быть покрытая дерном просека в парке вплоть до Новороссийской улицы, далее переходившая в Институтский проспект. Таким образом, с другого конца владений института, с точки пересечения Объездной улицы и Институтского проспекта, должен был открываться перспективный вид на главное здание института.

По обе стороны упомянутого уступа двора фасадами к главному зданию располагались два флигеля для чиновников. За ними должны были расположиться конюшни и сарай. Сенные сарай намечалось поставить по обе стороны просеки в парке, примерно там, где впоследствии было здание больницы и деревянные навесы. С юга к главному корпусу должен был примыкать цветник, расположенный большим полукругом, т.е. примерно так же, как и теперь. Усадьба института представляла фигуру, близкую к эллипсу. По обе стороны усадьбы располагались огороды для института и чиновников, а вокруг - парк.

Таким был проект, однако его осуществление коснулось только парка. Здания же были размещены с существенными изменениями проекта.

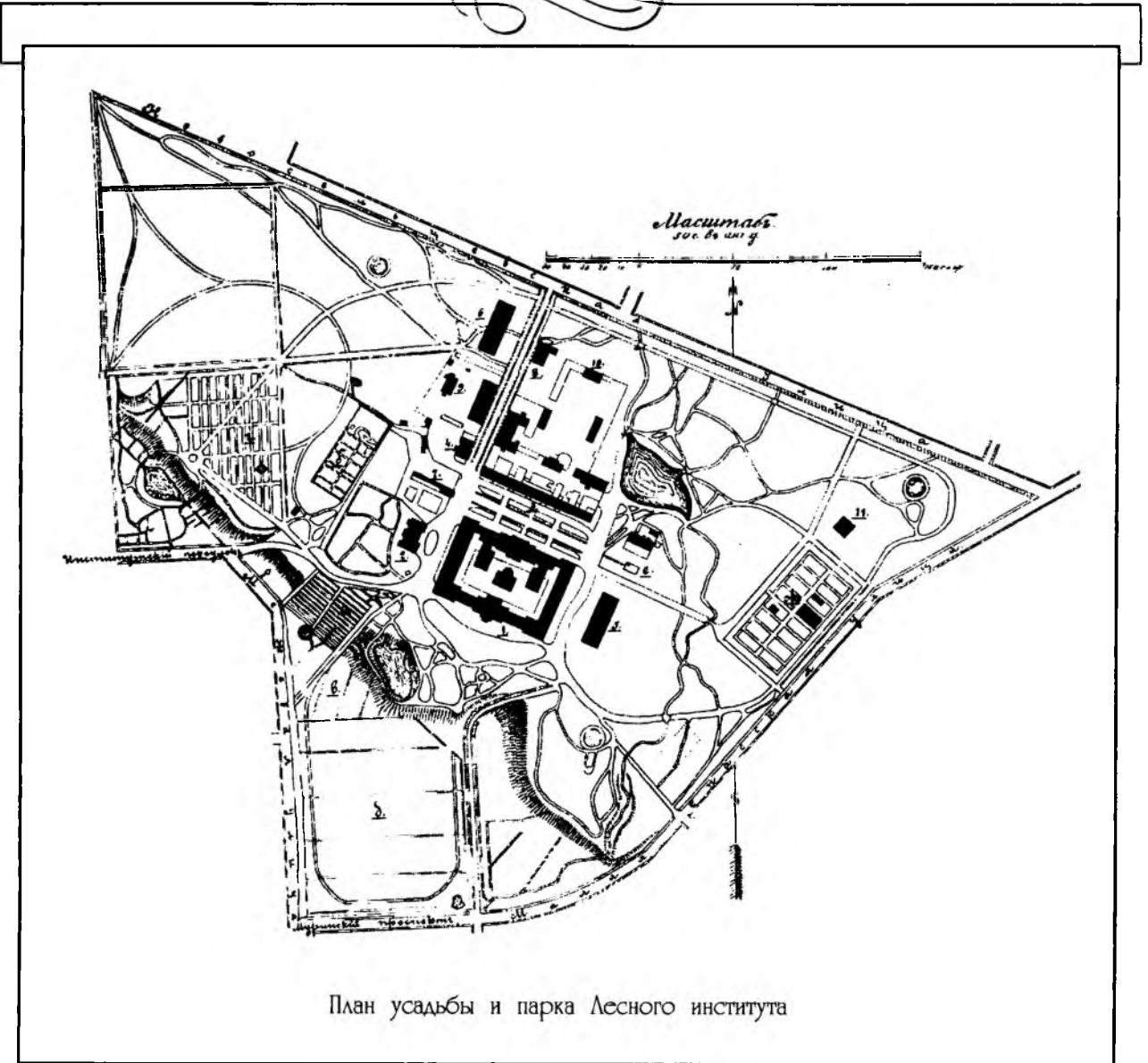
18-19 мая 1830 г. Лесной институт окончательно разместился на месте бывшей Английской фермы.

Вместо предполагавшихся двух флигелей уже в 1831 г. были возведены на их месте два кирпичных двухэтажных здания - ныне западный и восточный крылья южного фасада, а напротив них, севернее, - два деревянных двухэтажных флигеля, расположенных на месте крыльев и ворот северного фасада. Эти четыре здания были построены на основании утвержденного 19 июня 1829 г. "Положения о Лесном институте", проект которого с приложениями был представлен все тем же Канкриним.

Восточный кирпичный флигель начальника института был определен под квартиры: на первом этаже - начальника института и учителя; инспектора и двух учителей - на втором. В западном флигеле разместилась казарма для служителей, кухня, пекарня, прачечная и квартира эконома - на первом этаже; госпиталь, аптека, комнаты подлекаря, кастелянш, гувернеров и квартира учителя - на втором. При этом продолжали

использовать также старый главный дом Английской фермы, за исключением отрезанной восточной части для кирпичного корпуса, бывшую молочную под дом директора и часть других старых построек.

южного фасада, т.е. на месте бывшей конюшни фермы. Тем самым в корне был нарушен интересно задуманный ранее проект перспективного вида на главный южный фасад, который оказался теперь внутри тесного двора. Очевидно, было



План усадьбы и парка Лесного института

Одновременно со строительством упомянутых выше двух каменных и двух деревянных флигелей 16 января 1830 г. началось, а в 1833 г. закончилось строительство пятого кирпичного флигеля в один этаж с мезонином для общежития воспитанников, число которых предполагалось увеличить. Этот флигель был размещен напротив центрального (самого первого) корпуса

бы удачнее поместить его к югу, тогда после, когда бы кольцо зданий сомкнулось, новый южный фасад институтского корпуса оказался на спуске к городу с прекрасным видом издалека, а северный фасад бывшего главного здания сохранил бы свой вид с другого конца Лесного. Таким образом, проект Неллингера-Канкринна полностью осуществлен не был, только парк и

расположение главных улиц Лесного сохраняют до сих пор планировку 1827 г.

Итак, уже в 1833 г. Лесной институт имел четыре кирпичных и два деревянных флигеля, более или менее удовлетворявших его потребности.

22 кровати каждая. Там же размещалась и "обмывальня". 29 июля 1834 г. в правом крыле этого здания была устроена церковь, впоследствии переведенная в главное здание, где она и находилась вплоть до революции 1917 г. Западный



Главное здание Лесного института с северо-запада

В 1831-1832 гг. было построено деревянное здание школы межевщиков на 75 чел.: центральная (одноэтажная с мезонином) и боковые части так называемого большого офицерского флигеля, отстоявшие друг от друга на расстоянии 12 саженей (25,6 м) и размещенные на одной линии параллельно главному корпусу северного фасада и его боковых флигелей. На первом этаже центрального здания были размещены три класса, рисовальня и комната для учебных припасов, инструментов, планов и пр., а также передняя и лестница, ведущая в мезонин. В последнем имелись две комнаты по 26 кв. саженей (118 м²) и на

флигель был занят спальнями на 12 и 19 кроватей, "амушником", "обмывальней", помещением для надзирателей и комнатой для сторожей. Восточный флигель предназначался для квартир двух чиновников. Севернее этих флигелей находились службы и квартиры чиновников, флигель с квартирой для учителя и погреб. Промежутки между зданиями занимали сады.

С.А.Безбах считал открытую в 1832 г. школу межевщиков привеском, настолько чуждым институту, что при составлении истории института к столетнему юбилею данные о школе даже не были включены в *"Исторический очерк..."*

(1903). Впоследствии, когда в 1842 г. школа межевщиков была закрыта, три главных ее флигеля были соединены в одну непрерывную линию, тянувшуюся параллельно северному фасаду главного здания. Здесь разместились квартиры преподавателей Лесного института - тогда лесных офицеров Корпуса лесничих, откуда и происходило его новое название. В 1907-1908 гг. здание было разделено брандмауэрами.

постройки для школы межевщиков (сарай, конюшни, ледники, общая дворницкая и пр.). В 1862 г. многие из них еще были целы.

Однако возведением перечисленных выше зданий строительство Лесного института не закончилось. В марте 1834 г. выросло еще одно здание для школы межевщиков. Речь идет о деревянном корпусе инструментального заведения школы, впоследствии занятом мастер-



Главное здание Лесного института с юго-запада

Тогда же, т.е. в 1832 г., были выстроены малый одноэтажный и малый с мезонином офицерские флигеля и ряд служб к ним - очевидно, это здания за большим флигелем, один из которых, вместе с помещавшейся в нем почтой, был снесен в 1993 г. Затем рядом с дендрологическим садом, на спуске Институтского переулка, был поставлен так называемый инспекторский дом, сгоревший в 1903 г. Кроме того, тогда же, в 1830-е гг., были выстроены еще и служебные

скими института, а также о каменной кузне и слесарне.

В 1835 и 1836 гг. проводились разные исправления и дополнения к постройкам. В связи с преобразованием Лесного института в 1837 г. в военное учебное заведение, в 1838 г. строится деревянный лагерьный барак и столовая, где воспитанники проводили летние месяцы, когда не были на практике в Лисино. Помещались эти здания между Большим прудом и дорогой около опытных

учреждений на месте вырытого в 1903 г. пруда, к 1928 г. превратившегося в сухой овраг.

В том же 1838 г. начались большие строительные работы по соединению каменных зданий в единый комплекс, закончившиеся в 1840 г. Из четырех флигелей был создан четырехфасадный корпус с двором внутри. Главным фасадом становится южный, объединивший три первых кирпичных здания длиной 65,5 сажений (139,5 м). Посредине над вновь устроенным

галереями. Таким образом, образуется главный корпус с двумя большими залами и 193 комнатами. Во вновь возведенных постройках расположились учебные помещения, в том числе и общежитие воспитанников института. В северном корпусе находились квартиры преподавателей и служащих института.

В 1833 г. в институте были установлены башенные часы. Обустройство Лесного института обошлось в 468 тыс. руб.



Дом директора

подъездом и вестибюлем (сохранившихся до наших дней, только к подъезду в 1903 г. пристроили тамбур) бывший мезонин превращается в церковь (теперь зал Учебного совета), ранее помещавшуюся в доме школы межевщиков.

К углам южного фасада пристраиваются два боковых двухэтажных - западный и восточный, длиной по 45 сажений (95,85 м). Торцы этих зданий выравниваются в одну линию с северным флигелем, который также вытягивается в обе стороны протяженностью 45 сажений и надстраивается до трех этажей. Пролеты между его концами и боковыми фасадами образуют ворота, над которыми перекидываются арки с крытыми

Один из путешественников по России - немец барон Август Ганстгаузен в 1843 г. посетил Лесной и межевой институт. Он был поражен увиденным: "Строения роскошные, как дворцы, полы, например, все паркетные. Во всем царствует строжайший порядок и чистота. Я выразил мое удивление при виде такой роскоши, в которой воспитываются молодые люди. Молодых людей приучают к строгому повиновению, порядку и чистоте, также, как это везде необходимо. Постройки возведены в благородном и красивом стиле. В Петербурге, на глазах царя, нельзя, да и не следует строить иначе. Паркет составляет положительную экономию в ежегодных



расходах, так как простые полы и трудно чисто содержать, кроме того, их надо беспрестанно мыть и натирать, и в конце концов пол от этого гниет, паркет первоначально стоит дорого, но

зато содержание его ничего не стоит. Русских ученых лесничих совсем еще нет, русских профессоров по лесоводству не существует" (*Ганстгаузен, 1870, с. 6*).

3. 6. Деятельность института

О том, что в объединенном Санкт-Петербургском лесном институте подготовка лесных специалистов по сравнению с первым периодом была более совершенной, свидетельствуют прежде всего новые учебные планы, увеличение круга преподаваемых дисциплин, расширение штата преподавателей, среди которых было немало профессоров лесных наук и, конечно же, приглашение на пост директора института лиц наиболее авторитетных и с более обширными познаниями.

Первый директор Ф.-К. фон Штейн ушел со своего поста в 1811 г. по болезни. Но очевидно и то, что в объединенном институте с его более широкой программой обучения, с увеличившимся контингентом воспитанников его опыта и знаний было недостаточно.

5 января 1811 г. директором Санкт-Петербургского форст-института был назначен известный ученый 54-летний Фридрих Христианович СТЕФАН (1757-1814) - статский советник, доктор медицины, философии и права, профессор химии и ботаники, член разных ученых обществ, Кавалер ордена Св. Анны 2-й степени с алмазными знаками. О его авторитете свидетельствует послужной список. Родился он в Лейпциге в семье инспектора соляных дел Лейпцигского округа. Образование получил в Лейденском и Лейпцигском университетах. После присвоения ему степени доктора философии, а затем и медицины, он в 1782 г. приехал на службу в Россию, где получил право медицинской практики. Служил военным врачом в пограничной дивизии князя Потемкина Таврического. Здесь усилиями Ф.Х.Стефана была прекращена моровая язва. В 1784 г. определен профессором в г. Кронштадт. Затем работал дивизионным доктором во 2-й дивизии графа Румянцева Задунайского, а в 1886 г. переведен в Москву на должность профессора химии и ботаники Московской медицинской школы - отделения Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. После ликвидации этого отделения в

Москве в 1806 г. Стефан отбыл в Лейпциг, получил там степень доктора права, затем вернулся в Петербург, был зачислен на должность профессора ботаники Медико-хирургической академии. Одновременно заведовал в течение трех лет Ботаническим (б.Аптекарским) садом. Выслужив пенсию за 25 лет, Стефан переменял род своей деятельности. С 1809 г. он служил временно при директоре Лесного департамента "для разных по лесной части поручений", а также при ревизии лесов с графом Орловым, а с января 1811 г. до своей кончины (17 декабря 1814 г.) возглавлял Лесной институт.



Стефану принадлежит почин устройства Ботанического сада в Москве, ныне филиала ботанического сада МГУ. Бывший Аптекарский огород за Сухаревой башней был сильно запущен и

для преподавания ботаники не годился. Стефан преобразовал его, реконструировал оранжереи, устроил естественно-исторический музей при нем, передав ему свой гербарий из 1800 видов, минералогическую и энтомологическую коллекции. Он же стал строителем и первым заведующим частного Горенского ботанического сада графа Разумовского в Подмоскovie до приглашения туда Ф.Б.Фишера. На базе последнего Стефан написал ценные систематико-флористические работы, посвященные описанию новых сибирских растений. Он является автором впервые описанной московской флоры в полном объеме - 860 видов ("Enumeratio stirpium agri", 1802). По требованию Медицинской коллегии Стефан составил геометрический план Ботанического сада в Санкт-Петербурге с показанием его устройства и со списком всех оранжерейных растений, а также лекарственных продуктов и т.п. Библиотека Стефана вместе с горенской библиотекой графа Разумовского составили ядро библиотеки Императорского Ботанического сада - ныне Ботанического института РАН. Благодаря ему же наследница Демидова все растения своего частного ботанического сада подарила в 1786 г. казне. Стефан известен и как составитель больших гербарных коллекций. Часть этих коллекций осталась в Берлине, а другая, хранившаяся в Москве, позднее была приобретена Императорским Ботаническим садом вместе с его библиотекой. Именем этого выдающегося исследователя назван род *Stephanotis*.

У Стефана было 9 детей: старший сын Федор - 1-й коллежский советник, в 1820-е гг. - профессор лесных наук Санкт-Петербургского форст-института, сыновья Андрей и Густав - выпускники Дерптского университета и Санкт-Петербургского лесного института (1811).

В 1815-1821 гг. пост директора Лесного института занимал МЕДЕР - коллежский советник, бывший до этого в должности начальника чертежного отдела Департамента государственных имуществ, а еще ранее - полковника свиты его императорского величества. Уволен Медер 13 августа 1821 г. с пенсией 2000 руб. в год. К сожалению, более о нем ничего не известно.

Учебный процесс в Лесном институте с 1813 по 1821 г. осуществлялся на основании "Положения для учреждения в Сарском Селе практического лесного училища" 1803 г. и "Положения

для Козельского лесного института" 1805 г., очевидно, по объединенному учебному плану. Кроме специальных дисциплин (см. ниже), изучались и общенаучные - немецкий язык, математика, минералогия, химия, история и география. Количество последних постепенно увеличивалось. В это время вместо одного директора - наставника с переводчиком в Царскосельском лесном институте и директора, инспектора и двух учителей - в Козельском, состав преподавателей увеличился до 8 чел.: 2 профессора, 3 учителя, инспектор, субинспектор и смотритель. На содержание каждого из 50 воспитанников расходовалось 150 руб. в год. Очевидно, и Стефан, и Медер преподавали какие-то специальные дисциплины. Такой штат преподавателей в объединенном институте оставался до утверждения нового штатного расписания в 1822 г. Как и ранее, прием слушателей и выпуск специалистов был нерегулярным (см. "Список окончивших курсы" в монографии *Исторический очерк, 1903*). С 1813 по 1823 г. известны данные о трех выпусках: 31 чел. - в 1813 г., 20 чел. - в 1815 г. и 21 чел. - в 1817 г. Кроме того, известно (*Редько, 1994*), что был выпуск также в 1819 г., когда среди других окончил Лесной институт И.И.Лумберг, работавший в 1840-1850 гг. окружным лесничим в Александровском уезде Екатеринбургской губернии. Выпускник 1815 г. Б.Б.Фрейрейс был известным Воронежским губернским лесничим, а с 1834 по 1841 г. - первым директором Лисинского учебного лесничества с егерским училищем при нем.

Известно также имя одного из преподавателей Лесного института в этот период - Ивана Родина, учителя по лесной таксации в высшем классе. В 1820 г. он был вместе с воспитанниками старшего класса командирован в Лисинское казенное лесничество для снятия дачи на план и для производства разных опытов в разведении лесов на лесосеке и таксации их, в жжении угля, сидке смолы и пр. Он же вел аналогичные практические занятия в Лисино в 1822 г. вместе с прикомандированными к нему землемерами Ренгартенем и Гарфом. Кстати, среди выпускников Царскосельского лесного института в 1810 г. был и Густав Гарф, определенный в чертежную Лесного департамента. С учителем Родиным на практику в Лисинское казенное лесничество в 1822 г. выехали 17 чел., из которых затем не зна-

чился ни один среди выпускников Лесного института ни в 1824, ни в 1827 гг. Это подтверждает неполноту списка выпускников, помещенно-го в *"Историческом очерке..."* (1903).

В 1820 г. директор Департамента государственных имуществ Министерства финансов Лавинский обратился к министру с запиской, в которой доказывал необходимость изменений в штате преподавателей и в учебном плане. Результатом этой записки было неожиданное указание директору Лесного института, что "полезнее было бы готовить учеников к лесной науке", потому что "в сих первых губернии весьма нуждаются, сей недостаток будет и еще более ощутителен, когда управление казенными крестьянами возымеет свое действие". Тем не менее последовало указание об изменении штата преподавателей и рамок преподавания. И осуществилось это уже при новом директоре.

С 13 августа 1821 до 1837 г. пост директора Лесного института занимал Филипп Франц БРЕЙТЕНБАХ (1770-1845), уроженец Майнца, бывший профессор камеральных наук в Эрфурте. Узнав, что в Казанском университете освобождена кафедра технологии, просил о назначении его на это место. По представлению попечителя Брейтенбах был утвержден ординарным профессором и прибыл из Германии в Казань в сентябре 1812 г., где и читал на немецком языке технологию, сельское домоводство и лесоводство до 1819 г. В этом году по результатам ревизии Магницкого был уволен. Прожив несколько лет в отставке, он был представлен, неизвестно кем, графу Канкрину, которому понравился и был назначен директором форст-института (*Арнольд, 1893, прим. на с. 222*).

В 1833-1837 гг. в "Лесном журнале" он опубликовал 14 статей, в том числе: "О торфе" (1833 г., ч. I, кн. 2, с. 117-130; здесь указана и его должность - начальник Санкт-Петербургского лесного института); "О разведении каштанового дерева" (там же, с. 31-38); "О пробковом дереве" (там же, ч. II, кн. 2, с. 22-25); "О влиянии лесов на температуру" (там же, 1837, ч. III, кн. 1, с. 1-45) и т.д.

Работа Брейтенбаха о торфе впервые была опубликована в 1800 г. на немецком языке в Германии. В 1803 г. он опубликовал на немецком языке "Полное наставление о хмелеводстве", переизданное на русском языке в 1813 г.

Судя по событиям, которые происходили в жизни Лесного института того времени, Брейтенбах был очень деятельным и авторитетным профессором и руководителем института. Именно при нем уже в 1822 г. был существенно изменен учебный план, увеличен учебный персонал до 14 чел., 16 августа 1824 г. было высочайше утверждено и новое "Штатное положение С.-Петербургского форст-института", а в 1829 г. - "Положение о Санкт-Петербургском лесном институте".

Брейтенбах был одним из первых членов-учредителей С.-Петербургского общества поощрения лесного хозяйства. Уже в 1832 г. он имел чин коллежского советника. Известный лесовод Н.В. Шелгунов, выпускник 1841 г., в своих "Воспоминаниях..." (*Шелгунов, 1923, с.55*) писал, что директором Лесного института был "очень добродушный немец Брейтенбах". Именно при нем благодаря поддержке министра финансов Е.Ф.Канкрин в 1827-1837 гг. были построены 4 кирпичных флигеля, ставшие позже основой Лесного института, в 1834 г. учреждено Лисинское учебное лесничество для практических занятий и учебных практик при институте. Выпускник 1838 г. Ф.К.Арнольд в своих "Воспоминаниях..." о директоре Лесного института писал следующее: "...никогда наш почтенный Брейтенбах не выползал из постели ранее 10 часов.... Реорганизация института на военный лад, конечно, многих радовала... в особенности избавление от Брейтенбаха, которого очень недолюбливали... но многие жалели, что будет положен конец царившей в институте свободе. ...Вплоть до 1837 г. у нас была чрезвычайная вольница, несмотря на казавшуюся строгость директора Брейтенбаха, которая выражалась очень частым сечением воспитанников за пустячные провинности: разорвал форменную одежду, истоптал сапоги ранее положенного срока, либо разбил стекло в окне, розги напоминали, что этого делать нельзя... Директор же Брейтенбах наказывал только за такие проступки, которые влекли за собою какие-либо убытки для казны, нравственная же сторона поступка не имела в его глазах значения..." (*Арнольд, 1893*).

Уже в 1822 г. воспитанникам Лесного института преподавали следующие учебные дисциплины:

1) в низшем классе, разделенном на 3 отделения:



в 1-м - русский язык, арифметику, черчение и рисование, логику, тригонометрию, алгебру, Закон Божий, чтение и чистописание на немецком языке, геометрию, натуральную историю, лесное хозяйство, музыку;

во 2-м и 3-м - русский язык, арифметику, чистописание русское, чистописание немецкое и чтение, черчение и рисование, музыку;

2) в высшем классе - алгебру, плоскую и сферическую тригонометрию, обозрение канцелярского порядка, узаконения по лесной части и сочинение деловых бумаг, геодезию, форст-таксацию, риторику, всеобщую географию, российскую историю, лесное хозяйство, форст-технологию, рисование и черчение, стрельбу в цель и музыку.

Состав преподавателей в это время представляли:

инспектор - Карл Шулинус,
 учитель Закона Божия - Федор Барсов,
 профессор лесных наук - Федор Стефан,
 плантер и учитель лесной технологии - Фридрих Крузе,
 плантер - Прет Бук,
 учитель практических занятий по лесной части - Вильгельм Трей,
 учитель в высшем классе математики, лесной таксации, математической географии и минералогии - Иван Родин,
 учитель немецкого языка, субинспектор - Михаил Иогансон,
 учитель математики в низшем классе - Антон Фролов,
 учитель рисования - Густав Пундт,
 учитель музыки - Юлий Кайзер,
 учитель музыки и пения - Яков Цейль,
 секретарь и учитель российской словесности, российской географии и истории, узаконений по лесной части и канцелярского порядка - Иван Пашутин,
 эконоом - Карл Зонн.

В 1825 г. лесные науки преподавал проф. Кастальский, а после увольнения его по болезни - П.А.Перельгин, автор первого систематического учебника по лесоводству на русском языке "Начертание правил лесоводства" (1831). Авторы "Исторического очерка..." характеризуют этот учебник как "...составленный крайне схоластично и без малейшей связи с русским опытом и с русскими исследованиями" (*Исторический*

очерк, 1903, с.42). Перельгин издал также в 1835 г. "Лесоохранение или правила сбережения растущих лесов" - "работу чисто кабинетную, свидетельствующую о крайне малом знакомстве автора с русским лесом" (*Там же*).

П.А.Перельгин (1802-1840) в 1823 г. окончил физико-математический курс в Санкт-Петербургском университете. Работал учителем гимназии в воспитательном доме, с 1825 г. он - адъюнкт профессора Лесного института Кастальского, а по выходе последнего в отставку по болезни - преподаватель лесных наук. Упомянутые выше недостатки его книг - результат отсутствия у Перельгина лесного образования. В 1828 г. он издал также книгу по ботанике. Для занятия должности преподавателя лесных наук Перельгин представил программу по лесной технологии, разведению и сбережению лесов. Директор института Брейтенбах и надворный советник Плиссов решили, что "онный Перельгин, смотря по программе, оная науки надлежащим образом знает".

В 1826 г. Перельгин получил даже прибавку к содержанию в 600 руб. ввиду того, что "занимается предметами такими, для преподавания которых редко найдется хороший учитель".

После 4-х лет обучения выпускников Лесного института по результатам экзаменов направляли на должности форстмейстеров, форст-землемеров и ферштеров.

Вслед за утверждением примерного штатного положения был установлен "План расположения курса" - учебный план.

1. Срок обучения - 4 года, соответственно учредились 4 годичных класса.

2. Предметы преподавания:

а) в четвертом - младшем классе - русский, французский, немецкий языки, арифметика и чистописание;

б) в третьем классе - окончание русской грамматики, французское словопроизведение и легкие переводы с французского языка на русский, немецкое словопроизведение и легкие переводы с немецкого на русский, священная история и катехизис, всеобщая и русская география, алгебра и геометрия;

в) во втором классе - окончание пространного катехизиса, российская риторика с приложением к логике, французское словосочинение, правописание и переводы с французского языка

на русский, немецкое словообразование, правописание и переводы с немецкого языка на русский, всеобщая и российская история, тригонометрия плоская и сферическая и аналитическая геометрия, обозрение зоологии и минералогии, ботаника теоретическая и практическая с применением к лесоводству;

г) в первом классе - геодезия, ситуация, технология, бухгалтерия, лесоводство, форст-таксация и форст-дирекция.

Представляют интерес и принятые для преподавания руководства:

сокращенный и пространный катехизисы, изданные Священным Синодом;

"Практическая русская грамматика" Греча;

"Логика" Рождественского;

"Основание российской словесности" Никольского;

"Немецкие разговоры" Каржавина;

"Немецкая грамматика", изданная для Морского кадетского корпуса;

"Новая хрестоматия";

"Краткая всеобщая география" Арсеньева;

"История всеобщая" Кайданова и "История российская" Строева;

"Курс математики" Франкера;

"Физика" Двигубского;

"Теоретическая ботаника" Перельгина;

"Зоология" Лавецкого.

В этом перечне преподаваемых предметов поражает почти полное отсутствие руководств по специальным лесным дисциплинам, словно и не было в России ни книги Ф.Г. Фокеля (1766), ни "Начальных оснований лесоводства" (1804 г.) Зябловского, ни "Краткого руководства к сбережению и поправлению лесов в России" (1809) П.Дивова, ни многочисленных статей по лесу А.Т. Болотова в "Трудах Вольного экономического общества", ни переводов с немецкого на русский "Руководства к надежному воспитанию и насаждению иностранных и домашних деревьев, которые в Германии, равномерно в средней и южной части России, на свободе произрастать могут" (1801-1803) Бургсдорфа, ни книги "Деревенское зеркало, или Общеприятная книга", пропагандировавшей лесоразведение в безлесных местностях и др. Правда, было отмечено, что все прочие (лесные) предметы должны были преподаваться по запискам из лучших немецких авторов.

Расширение штата учебного персонала обусловило необходимость учреждения в 1824 г. хозяйственного комитета, который обязан был следить, "чтобы прибавка к сумме на содержание института обратилась к прямой его пользе". Хозяйственный комитет состоял из четырех членов: директора института, инспектора классов и двух чинов по усмотрению управляющего Департаментом государственных имуществ и сенатора Дубенского. Письмоводство в комитете возлагалось на казначея института. Всего за время с 1811 по 1829 г., когда Санкт-Петербургский лесной институт существовал по положениям 1803 и 1805 гг., было выпущено на государственное лесное дело 163 специалиста. Как отмечалось выше, в это число не входят выпускники 1818-1823 гг., сведений о которых, к сожалению, не сохранилось. Тем не менее такие выпускники были. Так, будущий санкт-петербургский губернский лесничий Богдан Вальтер окончил Лесной институт землемером в 1822 г., Егор Делер, Григорий и Дмитрий Белелютские - в 1823 г. Поскольку имя Богдана Вальтера имелось в списке воспитанников, посланных для съемки в Лисинскую дачу под руководством учителя И. Родина в 1822 г., то можно предположить, что все они закончили институт в 1823 г.

Из выпускников Лесного института 1813-1829 гг., кроме упомянутых выше Б.Б.Фрейрейса (1815) и И.Л.Лумберга (1819), проявили себя на лесной службе Н.И.Кранц (1824) - екатеринославский губернский лесничий в 1840-1850-е гг., автор ряда публикаций, В.Чернояров (1827) - лесничий с 1837 г. одного из первых в России Петрозаводского лесничества Департамента корабельных лесов, Гильдеман (1827), Р.Вейхенталь (1827) - основные сотрудники и авторы статей "Лесного журнала" 1830-1840-х гг. Выдающимися лесоводами, учеными-профессорами Лесного института стали выпускники 1828 г. - В.С.Семенов и Е.А.Петерсон, а также 1829 г. - А.А.Длатовский.

Виктор Семенович СЕМЕНОВ (1809-1872) - один из первых выдающихся отечественных ученых-лесоводов России XIX в. После окончания Лесного института он для подготовки к профессорской деятельности три года стажировался в Германии, прослушал курсы лекций по лесным и естественным наукам не только в Нейштадт-Эберсвальде, но и в Берлинском университете,

досконально изучил опыт ведения лесного хозяйства в ряде стран Западной Европы, а в 1833 г. уже в чине запасного ученого лесничего Департамента государственных имуществ "обозревал" леса и лесное хозяйство в Московской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Владимирской губерниях, покрыв 5 585 верст по почтовому тракту и 6 683 версты - по проселкам и лесам.



Проф. В. С. Семенов,
преподаватель Лесного института

Старший учитель, а потом и профессор, лесных законов и лесной статистики, по лесоохранению, егерскому искусству и энтомологии, биологии птиц и зоологии, лесной таксации в Лесном институте (с 1834 г.), инспектор классов (1846-1858), член специального по лесной части комитета при Корпусе лесничих (с 1843 г.), первый генерал-майор Корпуса лесничих с высшим лесным образованием (с 1857 г.), директор Лесного института (1858), вице-инспектор Корпуса лесничих, член, а затем председатель Ученого комитета Министерства государственных имуществ (1858-1870), соучредитель и первый председатель Санкт-Петербургского лесного общества (1871-1872) - таков его краткий послужной список. Семенов обладал редким умом, большими

способностями познавать мир природы, широкой эрудицией, был гуманным, очень отзывчивым и весьма скромным человеком, пользовался большим авторитетом в среде воспитанников Лесного института и в кругу своих коллег-лесоводов. Он был автором первых руководств на русском языке по таксации лесов и лесоохранению (1843), вошедших в "Памятную книгу для чинов губернского лесного управления" (1847). С 1834 по 1846 г. на страницах "Лесного журнала" им было опубликовано 68 статей, в том числе по физиологии растений, ботанике и почвоведению - 4, по лесной географии и статистике - 10, по лесовосстановлению и лесной энтомологии - 18, по лесной таксации и лесоустройству - 20, по лесопотреблению - 4. Под его редакцией в 1851 г. с немецкого на русский язык был переведен и издан "Курс древоводства" Брейля. У него учились многие поколения лесоводов. После его смерти Санкт-Петербургское лесное общество в 1872 г. учредило стипендию имени В.С. Семенова для студентов Лесного института.

Егор Андреевич ПЕТЕРСОН - однокашник, коллега и друг В.С.Семенова, также стажировался в Германии 2 года, был учителем геодезии с 1834 г., а затем профессором лесных наук Лесного института, в 1835-1838 гг. - первый ученый лесничий Лисинского учебного лесничества, а также при 3 отделе Департамента государственных имуществ, а с 1843 г. - организатор и руководитель первых лесоустроительных работ в России. Именно он подобрал участок в Екатеринославской губернии для закладки Великоанадольской образцовой степной плантации. В 1864-1871 гг. - директор Санкт-Петербургского земледельческого института. Умер в должности председателя Ученого комитета Министерства государственных имуществ.

Александр Алексеевич ДЛОТОВСКИЙ (1809-1868) после окончания Лесного института был послан в Нейштадт-Эберсвальскую академию для совершенствования в лесных науках. Длительное время (с 1834 по 1861 г.) был сначала преподавателем, а потом профессором лесных наук в Лесном институте. Длотовский - автор первого на русском языке серьезно обработанного и преподаваемого им "Курса лесовозобновления и лесоразведения", длительное время служившего учебником для воспитанников Лесного и межевого института и руководством для

лесоводов, включенным в "Памятную книгу для чинов губернского лесного управления". С 1847 г. преподавал лесную энтомологию, подготовил записки (литографии) по этому курсу, в 1859-1860 гг. организовал кабинет-музей для практических занятий в Лисинском учебном лесничестве. Последующие поколения лесоводов не без оснований считают Длотовского одним из осно-

вающегося числа вакантных должностей по лесной части и вместе с тем усовершенствовать их подготовку, министр финансов Е.Ф.Канкрин внес в Государственный Совет проект нового "Положения об устройстве Санкт-Петербургского лесного института", новое штатное расписание и табели обмундирования воспитанников. Положение было высочайше утверждено 19 июня 1829 г.



Е. А. Петерсон,
директор Лесного института (1864-1871)



Проф. А. А. Длотовский,
преподаватель Лесного института

воположников отечественного лесокультурного дела и лесной энтомологии. Был также членом специального по лесной части комитета, в последние годы своей жизни - управляющим казенной палатой Вятской губернии в чине генерал-майора Корпуса лесничих, постоянным членом Лесного аудиториата Корпуса лесничих. Авторы "Исторического очерка..." (1903) характеризуют Длотовского как идеально честного в самом широком смысле слова человека, павшего жертвою клеветы и интриг.

Эти имена навсегда останутся гордостью Санкт-Петербургского лесного института-Лесотехнической академии и отечественного лесоводства.

Считая необходимым расширить контингент воспитанников для заполнения все более увеличи-

Главные основания этого Положения состояли в следующем.

1. Лесной институт предназначался для образования способных и сведущих чиновников к исправлению должностей по лесной части и соединенной с нею землемерной.

2. Штатное число воспитанников на казенном содержании увеличивалось до 78; разрешен был прием и "своекоштных пансионеров", при удобности помещения, с платою по 700 руб. в год.

3. Предметы преподавания старшими учителями: тригонометрия с геодезией и практическими занятиями по ней, лесоводство и лесная технология, естественная история и лесная ботаника, физика и начала химии, лесная статистика и лесные законы. Однако в зависимости от пред-

мета зарплата колебалась от 2000 руб. - у преподавателя лесоводства и лесной технологии до 1000 руб. - у преподавателя лесной статистики и лесных законов.

Младшие учителя преподавали: Закон Божий, историю и географию, языки русский и немецкий, чистописание, арифметику, алгебру, геометрию и счетоводство, рисование, черчение геометрических планов и ситуацию, стрельба и егерское искусство, посадку и сеяние деревьев, а также музыку и прочие искусства. Зарплата младших учителей также была различной: от 1000 руб. - у преподавателей языков и математики до 400 руб. - у преподавателей по стрельбе и егерскому искусству.

4. Устанавливался 6-летний срок обучения и, соответственно, 6 годичных классов. Преподавали: в первом классе - Ветхий Завет, арифметику, русскую грамматику, математическую и физическую географию и немецкий язык; во втором классе - Новый Завет и часть христианского катехизиса, арифметику и часть алгебры, политическую географию, русскую грамматику и немецкий язык; в третьем классе - христианский катехизис, часть алгебры, лонгиметрию, энциклопедию лесных наук, общую ботанику, зоологию, древнюю и среднюю общую риторику и немецкий язык; в четвертом классе - христианский катехизис, алгебру, планиметрию, стереометрию и тригонометрию, энциклопедию лесных наук, лесную энтомологию, лесную ботанику, горо- и почвоведение, физику, новейшую российскую историю, часть риторики и немецкий язык; в пятом классе - плоскую тригонометрию, геодезию, лесоразмножение, лесовозобновление, лесную географию, лесную химию, физику, русскую словесность и немецкий язык; наконец, в 6 классе - геодезию, лесную таксацию, лесную технологию и лесоохранение, лесную статистику, лесное правоведение, лесную химию, егерское искусство, русскую словесность и немецкий язык.

Обращает на себя внимание изучение русского и немецкого языков в течение 6 лет, большой спектр естественно-научных и технических дисциплин, а также существенное расширение набора специальных лесных курсов. Обучение разным искусствам подчинялось также определенной системе: чистописание - в первых четырех классах, ситуация и черчение - в трех высших классах, рисование - в пяти первых классах,

музыка - в пяти последних, танцы - во всех классах и стрельба - в шестом классе.

Первые два - нижние классы - предназначались для одного элементарного обучения, в средних двух дополнялось элементарное обучение и начиналась подготовка в специальных предметах, высшие же два класса предназначались исключительно для специальных предметов. Только русская словесность и немецкий язык преподавались во всех классах. Обусловлено это было особой важностью первой для каждого русского, а второго - для каждого русского лесничего. В то время подготовка лесных специалистов не мыслилась без знания немецкой лесоводственной литературы.

Лесоводственные практические знания заключались в производстве лесных культур весной и осенью воспитанниками первых четырех классов, в посадке различных древесных пород в парке Лесного института с целью украшения парка, а также в съемочных занятиях.

5. В казенные воспитанники принимались преимущественно дети штатных чиновников лесного ведомства не моложе 12 и не старше 15 лет, умеющие читать и писать на русском языке и знающие начала арифметики. В своекоштные пансионеры могли поступать дети дворян и обер-офицеров.

6. Штатные воспитанники по окончании института обязаны были прослужить по лесной части не менее 10 лет, а своекоштные при желании воспользоваться правами казенных воспитанников - не менее 6 лет.

7. Первые три подготовительных класса считались младшими, а остальные - старшими.

8. Учебный план утверждался министром финансов, однако и Министерство народного просвещения оказывало на него влияние согласно предоставленному ему праву по прочим учебным заведениям, не состоявшим в его ведомстве.

9. Годичное испытание успехов воспитанников производилось в присутствии директора Департамента государственных имуществ, директора института, инспектора, преподающего и учителя высшего класса по предмету испытания.

10. В зависимости от успехов выпускники института награждались:

а) воспитанники первого разряда, оказавшие отличные усилия в главнейших, особенно лесных, науках, а в прочих, по крайней мере, хорошие - чином 12 класса - губернского секретаря;

б) воспитанники второго разряда, оказавшие по лесной части хорошие, а по прочим предметам посредственные знания - чином 14 класса - коллежского регистратора;

в) воспитанники третьего разряда, имеющие одни посредственные знания, выпускались из института практикантами и не позже, как через год, получали чин 14 класса.

Выпускники распределялись по губерниям на один или два года практикантами по лесной части с жалованием: первый разряд - 350, второй - 280 и третий - 260 руб. в год. В губерниях практиканты состояли при губернских или окружных лесничих для специальных поручений. По истечении срока практики они занимали должность лесничих или землемеров, а третий разряд - низшие должности по лесной части.

11. Определение воспитанников Лесного института в канцелярские чины вовсе воспрещалось, только некоторые могли быть подготавливаемы в Департаменте государственных имуществ по письмоводству в лесной части.

12. Два воспитанника из каждого выпуска направлялись на службу по лесной части горного ведомства. При необходимости число это могло быть и увеличено.

13. При институте учреждался хозяйственный комитет под председательством директора института из инспектора и одного из учителей по назначению директора Департамента государственных имуществ.

14. Для дальнейшего внутреннего устройства всех частей Лесного института министр финансов должен был представить инструкцию.

На содержание института выделялось 80 тыс. руб. в год, в том числе заработная плата директора, инспектора, учителей и прочих чинов составляла 42%, содержание воспитанников из расчета по 50 коп. в сутки на каждого - 18%, на одежду, белье и обмундирование выпускников - 15% и т.д. Кроме того, на обзаведение в новом помещении - 15 тыс. руб. Доход от лугов парка с разрешения министерства шел для награждения чиновников, учителей и на прочие расходы.

Новое Положение и штат вводились в 1 августа 1829 г. Два высших класса первого набора были укомплектованы лучшими воспитанниками Горного корпуса и других заведений из дворян и обер-офицерских детей.

В 1830 г. комплект воспитанников был увеличен до 108 чел.

Особая инструкция для устройства Санкт-Петербургского лесного института, составленная в Департаменте государственных имуществ и предварительно рассмотренная в хозяйственном комитете института и в совете министра финансов, утверждена 8 декабря 1831 г. Она регламентировала всю жизнь института, особенно касалась нравственного воспитания его воспитанников, их взаимоотношений между собой и с преподавателями. Ее содержание представляет несомненный интерес и в наше время. Состояла она из 224 параграфов, сгруппированных в 3 части и 10 глав. В ней были отражены следующие предметы.

Часть I. О воспитании.

Глава 1. О физическом воспитании и пище.

Чистый воздух.

Одежда.

Опрятность.

Жительство.

Помещение в спальнях.

Гимнастика.

Образ жизни (распределение времени: на сон - 8 ч, на одевание - 1 ч, на молитву и раздевание - 0,5 ч, на учение в классах - 7 ч, на упражнения, в том числе на посадку и посев деревьев - 2 ч, на повторение уроков - 2 ч, на обед и ужин - 1,5 ч, на отдых и игры - 2 ч).

Призрение больных.

Глава 2. О нравственном воспитании.

Характер.

Образ мысли.

Нравственное чувство.

Страх божий и благочестие.

Чувство долга (из всех нравственных чувств, после веры, важнейшее есть чувство долга).

Преданность государю и уважение к законам.

Повиновение начальству.

Почтение к родителям.

Уважение к старшим.

Признательность.

Любовь к ближнему.

Нравственные качества.

Часть II. Об учении воспитанников.

Часть III. Об управлении института.

- Глава 1. Начальник.
- Глава 2. Инспектор классов.
- Глава 3. Комнатные надзиратели.
- Глава 4. Учителя.
- Глава 5. Лекарь.
- Глава 6. Смотрительница лазарета.
- Глава 7. Подлекарь.
- Глава 8. Хозяйственная часть.

По каждому вопросу были даны самые подробные указания, как легче достигнуть цели. Обращает на себя внимание часть I "О воспитании". Она показывает стремление привить воспитанникам института лучшие этические и нравственные нормы и воспитать у них лучшие человеческие качества, согласные с христианской и общечеловеческой моралью.

Не ограничившись упомянутой выше инструкцией, все тот же неумный Е.Ф. Канкрин издал специальные правила для практикантов Лесного института в Лисинском учебном лесничестве.

"1. Практиканты во всем должны соотноситься с целью института, изъясненною в Положении об оном, прилагая неусыпное старание дополнить свои познания и приспособить себя в практические лесоводы, познавоясь со всеми приемами для посадки и сеяния леса и проч., дабы в свое время могли судить о правильном производстве сих работ.

2. Никто без важной причины не должен себя освобождать от назначенных ежедневно занятий, ниже отлучаться в свободное время, без дозволения, далее парка учебного лесничества. К часам, назначенным по табелям для занятий в покоях, практиканты должны являться не опаздывая.

3. Практиканты, назначенные к практическим занятиям в лесу, в рассадниках или на поле, не должны отлучаться от находящихся при них наставников.

4. Воспрещается играть в карты и заниматься другими играми за деньги.

5. Курение табака дозволяется единственно при полевых работах и в свободное время в комнате, для того назначенной. Трубки непременно должны быть с крышками.

6. Огнестрельные оружия по возвращении с охоты должны быть разряжаемы или выстреливаемы вне заведения, а потом после очистки поставлены в цейхгауз; там же назначено место для сохранения пороха, которого не позволено держать более одной четверти фунта; лишнее

против сего количества должно быть отдано на сохранение начальству. Практиканты не могут держать собак и птиц без согласия начальства.

7. Книги, геодезические, рисовальные, музыкальные и другие инструменты учебного лесничества употреблять бережно, не причинять порчи в строениях оного и сохранять везде надлежащую чистоту, равномерно беречь всякую домашнюю утварь лесничества; починка же или покупка вновь изломанного или испорченного, и особенно стекол, будет сделана на счет виновных.

8. Для предупреждения несчастий практиканты должны обращаться с огнем с крайнею осторожностью, в особенности не входить с огнем в цейхгаузы, где будет храниться дозволенное количество пороха.

9. Дежурный практикант должен быть в мундире, прочие, находясь в заведении, надевают вицмундиры или форменные сюртуки. При полевых работах носить сюртуки и шинели, в одних спальнях дозволяется быть в халатах.

10. Начальство надеется, что практиканты во всех случаях будут вести себя нравственно и прилично офицерскому званию, с уважением к начальству и с дружественным и скромным общением между собой. Практиканты не имеют никакого права дозволять себе самоуправство с егерями и служителями лесничества и должны приносить жалобы начальству. При занятиях в общих покоях, за столом и в спальнях избегать излишнего шума и всякого неприличия.

11. За нарушение вышеозначенных правил поведения начальство лесничества после двукратных замечаний обязывается представить высшему начальству для принятия дальнейших мер".

Далее изложен план занятий практикантов Лисинского учебного лесничества. Они включали занятия теоретические и практические, большей частью на дому или в лесу. Они обозначены пп. 24-26 "Положения об учебном лесничестве" 1835 г. При этом теоретическим и практическим занятиям на дому посвящается свободное от внешних практических занятий время - по 8 ч в день, а именно: утром - с 9 до 12 ч, а после обеда - с 14 до 19 ч с промежуточным отдыхом. Сверх того, по вечерам можно иногда выделять время для чтения полезных книг, особенно при дурной погоде.

Свободное от лесных работ время для практикантов распределялось следующим образом. По понедельникам и четвергам от 9.00 до 12.00 - под-

готовка к экзаменам, прохождение собственно лесных наук по сочинениям лучших писателей, имея ввиду и лесную ботанику, химию, технологию и пр.; по временам же освежать познания практикантов в математике; от 14.00 до 15.30 - черчение и от 16.00 до 17.30 - упражнение в немецком языке. До ужина - подготовка к экзаменам.

По вторникам и пятницам от 9.00 до 12.00 - чтение в общем собрании лучших книг по лесоводству, егерскому искусству и отчасти сельскому хозяйству, а также чтение некоторых других полезных книг, журналов и газет; от 14.00 до 15.30 и от 16.00 до 17.30 - изъяснение порядка следствий по лесным преступлениям, составление разных бумаг и счетов, относящихся к будущей службе практикантов, также сочинение и переписка бумаг и ведомостей по самому лесничеству, исчисления по сделанным землемерным операциям, по лесной таксации и по кубическому измерению деревьев. До ужина - подготовка к экзаменам.

По средам и субботам от 9.00 до 12.00 - сочинения по предназначенным задачам, относящимся к лесоводству; от 14.00 до 15.30 и от 16.00 до 17.30 - разные полезные занятия, как-то: рассмотрение собрания разных родов деревьев, гербариев, лесных карт, моделей и рисунков, машин и орудий, к лесной части относящихся, и пр. В случае же надобности в этих упражнениях - продолжение утренних занятий. До ужина - вопросы и разговоры о том, что было читано и о предположениях к дальнейшему устройству лесничества.

По окончании каждого полугодия начальник лесничества доносит Департаменту государственных имуществ об успехах практикантов по всем занятиям с подробным описанием произведенных ими в лесничестве работ.

Практические занятия в лесу и на поле, а также в парке и рассадниках направлять в основном на практическое лесоводство во всех его частях. При этом временами освежать познания практикантов в геодезии и нивелировке. Для практических занятий использовать, смотря по обстоятельствам, целые дни или несколько часов, а оставшееся время посвящать тем занятиям в покоях, которые на тот день предусмотрены. Если же время для подготовки к экзаменам останется свободным, то использовать его другим полезным способом.

Практиканты, прикрепляемые для обучения егерей и не имеющие возможности участвовать в то время в занятиях других практикантов, освобождаются от других менее полезных занятий, чтобы могли проводить время полезным образом, однако располагать часы так, чтобы они могли находиться в экзаменаториях. В практических занятиях они участвуют наравне с прочими, при них обычно должны быть и егери.

В 1834 г. по ходатайству специальной комиссии для улучшения лесной части в Курляндии при знаменитой Митавской гимназии были учреждены два класса лесных наук, выпускники которых получали лесное образование для работы в качестве землемеров и ферстеров. Из этих классов ежегодно от 2 до 4 воспитанников поступали в высший класс Санкт-Петербургского лесного института. Первым преподавателем в учрежденных классах был А.К.Боден, занимавшийся в то время разработкою торфа в Курляндии. Впоследствии он был преподавателем государственного лесного хозяйства, лесоводства, лесоустройства, лесной технологии и егерского искусства в Лесном и межвом институте.

22 июля 1835 г. 60 воспитанников Лесного института "вследствие Высочайшей воли" принимали участие в церемонии открытия собора Воскресения Христа Спасителя при Смольном монастыре как собора всех учебных заведений (*Исторический очерк, 1903*).

Учительский персонал Лесного института в начале 30-х годов, согласно штата 1829 г., состоял из 5 старших и 10 младших учителей. В том числе коллежский ассессор Перелыгин преподавал лесоводство с технологией, Семенов - естественную историю и лесную ботанику, Петерсон - чистую математику, Грешищев - прикладную математику, физику и химию, Пундт - черчение и рисование, Сонни - бухгалтерию, счетоводство и письмоводство по лесной части, Стрижевский, а потом подпоручик Реймерс - тригонометрию и геодезию, Костомаров (с 1831 г.) - арифметику, алгебру и геодезию, священник Благовещенский - Закон Божий, Глушановский и Панов - историю и географию, Смирнов, а с 1831 г. Томсон - немецкий язык, Кафка - французский язык, Соколовский - чистописание, Цейль, а с 1831 г. Гусен - музыку, Трифионов, а с 1831 г. Рыбаков - танцы.

Предписанием Министерства финансов 4 марта 1829 г. чинам Лесного института предоставлено право носить мундиры: начальнику института - губернского лесничего с двумя штыками петлицами по бархатному воротнику, инспектору классов - такой же мундир, но с одной петлицей, прочим чинам - мундир окружного лесничего.

В апреле 1834 г. последовало распоряжение об обязательном ношении мундиров всеми чиновниками Лесного института при исполнении своих обязанностей.

Решением Государственного Совета, высочайше утвержденном 6 июня 1832 г., при Санкт-Петербургском лесном институте была учреждена школа "для приготовления межевщиков, способных к размежеванию казенных земель и лесов". Эта школа, как и позже возникшие при институте другие учреждения по межевой и инженерно-топографической специальности, с институтом имели связь только территориальную. Ни на внутренний строй, ни на порядок и развитие учебной части Лесного института как специального лесного заведения эти придаточные учреждения, как считали авторы *"Исторического очерка..."* (1903), не имели. Однако учреждение школы межевщиков повлекло за собой расширение зданий Лесного института и устройство церкви со священником и причетником. 29 июля 1834 г. в доме школы межевщиков последовало освящение церкви Во имя Спаса происхождения честных деревьев, празднуемого 1 августа. Этот день вплоть до 1917 г. был храмовым праздником Лесного института.

В заключение этой главы стоит привести воспоминания выпускника 1838 г. Ф.К. Арнольда - выдающегося отечественного лесоведа, дедушки русского леса, относящиеся ко времени его учебы в Лесном институте (1831-1838), и не менее выдающегося выпускника 1841 г. Н.В. Шелгунова.

По роду своей службы Арнольд встречался с выпускниками Царскосельского лесного института: с Вестерником, служившим в 40-х годах начальником чертежной в бывшем 3-м Департаменте государственных имуществ, и с Нольде - служащим Департамента корабельных лесов Морского министерства, а также с коллежским советником Мерклингом того же Департамента корабельных лесов.

По свидетельству Ф.К. Арнольда, в Лесном институте до преобразования его на военный лад царила относительная свобода: "...вплоть до 1837 г. у нас была чрезвычайная вольница, несмотря на казавшуюся строгость директора Брейтенбаха, которая выражалась очень частым сечением воспитанников..." младших классов. "Воспитанники двух старших классов, когда кому захотелось, шли без всякого спроса домой в город. Находящиеся посуточно на дежурстве надзиратели ни за чем не смотрели, их ни во что и не ставили воспитанники... Если при таких порядках не развились в детях всевозможные пороки, то это было заслугой воспитанников старших классов, которые всегда пользовались большим авторитетом среди младших и удерживали их от многих безнравственных шалостей. Два старших класса, а не ближайшее начальство, дисциплинировали до некоторой степени младших учеников. Учебный персонал большей частью был хорош. В первые только годы после моего поступления (осень 1831 г.) специальные лесные предметы были очень слабо обставлены: все лесные науки читал один преподаватель - Перелыгин. Я лично слушал у него только год лесную ботанику, но, по отзывам других, он и другие предметы читал точно также, как и ботанику, т.е. или сам засыпал на кафедре, или же усыплял слушателей.

Однако это уже с 1833 г. совершенно изменилось. Перелыгина перевели на службу в Департамент государственных имуществ, а лесные науки распределили между несколькими молодыми преподавателями из числа выпускников бывшего форст-института, возвратившихся из-за границы, куда они были командированы. Из молодых преподавателей в 5 и 6 классах А.А. Гильдеман начал читать лесоводство, В.С. Семенов - лесную таксацию и лесоустройство, а также лесную статистику. В виде предварительной подготовки к слушанию лесных наук ввели преподавание "энциклопедии лесных наук", чтение которой было поручено А.А. Длотовскому. Он же читал в 6 классе лесную технологию.

Зоргенфрей стал преподавать лесную ботанику и зоологию, кроме энтомологии, которая поручена была В.С. Семенову. Семенов, Гильдеман и Длотовский сразу завоевали себе любовь воспитанников основательным изложением преподаваемых предметов и строгой справедливос-

тью. Геодезию читал с 1831 г. практик-преподаватель инженер-капитан Стрижевский, но он в 1834 г. заболел и временно преподавание геодезии было поручено Е.А.Петерсону, который состоял на службе в Департаменте государственных имуществ, но которого давно уже знали и полюбили воспитанники института, потому что он, находясь в тесной дружбе с Семеновым, со времени приезда последнего жил с ним; ученики же часто посещали Семенова и встречались там с Петерсоном, который увлекательно разъяснял различные явления природы и часто затрагивал лесохозяйственные вопросы, выставляя их в совершенно новой для учеников точке зрения.

С весны 1835 г. Петерсон переведен был ученым лесничим в Лисинское учебное лесничество, а преподавателем геодезии назначили Серебренникова. До назначения нового преподавателя лесных предметов я не видел, чтобы Перелыгин ходил с воспитанниками в лес или чтобы под его руководством сеяли либо сажали деревья. Летом упражнялись только под руководством Стрижевского съемкою окрестностей.

С поступлением же Гильдемана, Семенова и Длотовского тотчас были введены практические упражнения; расширены были лесной питомник и древесная школа, положено начало устройству дендрологического сада; во всех этих работах принимали участие воспитанники, которые не только глядели, но и сами работали лопатами, мотыгами и граблями. Преподаватели устраивали частые прогулки в ближайшие леса - к Удельной ферме, в Сосновку и под Гражданку.

Пустыри около М[алой] Кушелевки начали засаживать трудом воспитанников. В 1835 и 1836 гг. мы засадили своими руками еловый участок против бывшего трактира "Золотой Якорь", куртины лиственных деревьев ближе к институту, которые и донныне сохранились.

Из учителей общеобразовательных предметов упомяну о двух преподавателях русской словесности гг. Сорокине и Комарове, которые весьма благотворно влияли на наше общее развитие.

Оба мастерски читали и охотно занимались в классах чтением современных литературных произведений, в особенности появившихся в новых тогда журналах "Библиотеке для чтения" и "Отечественных записках", влияние их на общее развитие учеников было плодотворным. Нас основательно познакомили с произведениями преж-

них и современных русских писателей, мы полюбили литературу и читали много.

В 1836 и начале 1837 гг. два старших класса даже издавали свой собственный рукописный литературный сборник, который, однако, строго охранялся от взоров неучаствовавших в нем воспитанников младших классов" (*Арнольд, 1893*).

Интересные воспоминания, отличающиеся от других, оставил нам Н.В.Шелгунов, обучавшийся в Лесном (1833-1837) и Лесном и межесвом (1838-1843) институтах.

"В половине августа 1833 г. (мне еще не было 9 лет) меня отдали в Лесной институт... Он состоял в ведении графа Канкрин... который очень заботился о развитии лесного образования. Летом Канкрин жил в одном из флигелей, совсем рядом с домом, в котором помещались мы, но заглядывал к нам редко, и, вообще, его близкое соседство с нами не чувствовалось, нас никто не подтягивал, и нам жилось свободно и легко. Канкрин мы любили, во-первых, потому, что его не чувствовали, и, во-вторых, за его "демократизм". Он обращался очень просто, имел привычку говорить "батюшка" (нас тоже называл "батюшками") и хотя носил военную генеральскую форму, но имел совсем домашний, штатский вид. У нас о Канкрине ходили разные анекдоты. Рассказывали между прочим, что раз к Канкрину приехал генерал Муравьев и он его не принял, а вслед за тем явился мужик-подрядчик и он его принял. Это нам очень нравилось.

Лесной институт был заведением штатским и нас держали очень свободно. Уже с ранней весны начинались практические занятия в питомниках и в институтском лесу, и с утра мы уходили врасыпную с лопатами на работу, иногда довольно далеко. Сохранилось у меня воспоминание о "переугливание". Это было уже совсем свободно. Вся работа производилась воспитанниками: мы сами приготовили "место", сложили костер, обложили его землею и дерном, сами подожгли его и управляли горением. Костер нельзя было оставить без надзора ни днем, ни ночью, и мы, разделившись на партии, ходили на работу по очереди. И все это без всякого начальнического надзора и вмешательства. Переугливание продолжалось недели три, велось очень хорошо и уголь получился превосходный. Мы очень гордились этим успехом.

В первых моих воспоминаниях о Лесном институте не сохранилось ничего цельного; осталось только общее впечатление чего-то очень свободного, светлого и хорошего... Я не помню, чему нас учили. Сохранились у меня воспоминания лишь о трех учителях: Александре Александровиче Комарове (друге Белинского), Сорокине и Е.А.Петерсоне.

Петерсон... был новатор и прогрессист, усердно старавшийся пересаживать нам европейские понятия и порядки. Впоследствии только ему мы были обязаны тем, что у нас читалась политическая экономия, изгнанная в то время из университетов. Политическая экономия называлась у нас официально "Энциклопедией камеральных наук". Читал ее Шмальц Герман - доктор философии Кенигсбергского университета, член ученого комитета Министерства государственных имуществ...

Комаров и Сорокин были учителями русского языка и, как мне помнится, грамматикой нас не обременяли. Тот и другой любили читать нам стихи и очень часто свои собственные... Оба они читали превосходно и уж, разумеется, благодаря им мы полюбили книги.

Я, как теперь, помню, с каким волнением Комаров рассказывал о дуэли и смерти Пушкина (урок был как раз утром, в день похорон), и мы, оглядываясь, смотрели в окна на Петербург, точно чувствуя себя живыми участниками этого события и похоронной процессии, которая в тот момент совершалась...

В штатские времена институт носил печать патриархально-немецкого управления графа Канкринина, и об этом времени я сохранил какие-то сказочные, темные воспоминания. Все было у нас просто, по-домашнему; не знали мы ни строгостей, ни казенщины, и если бы не инспектор классов (из семинаристов), который сек по субботам, то, кажется, никакое облачко не омрачало бы нашей простой и свободной жизни.

При Канкрине было очень много свободного времени: перед обедом, и после обеда, и вечером, и летом, и зимой. Свободное время посвя-

щалось играм, несколько спартанским (лапта, бары, жгуты, чехарда), которых я описывать не буду. К числу зимних отдыхов принадлежали вечерние рассказы. Был у нас один воспитанник из Сибири (Ветцель), около которого всегда стоял огромный кружок слушателей. Чуть ли не две зимы Ветцель рассказывал разбойные похождения Ринальдо-Ринальдини. И я ужасно завидовал Ветцелю, что он читал такие хорошие книги. Вообще у нас господствовал "романтизм" и Жуковский, его "Двенадцать спящих дев", "Унди-на", "Светлана", поэмы Козлова, романы Радклиф оставались не без влияния: мы верили в привидения и боялись их. Когда вышла "Черная женщина" Греча, у нас прошел слух, что она ходит ночью по комнатам, и я, ложась спать, крепко закутывался одеялом и жмурил глаза, чтобы ее не видеть.

Раз мы сделали большую шалость. У нас был воспитанник Зобов, скромный, тихий и очень религиозный (в 1868 г. Н.М.Зобов составил первую популярную книжку для народа "Беседы о природе", удостоенную премии Комитета по грамотности. Книжка эта, действительно, очень хороша). Зная религиозные настроения Зобова, мы проделали с ним вот что: в глиняные банки из-под помады налили спирту, зажгли его, укутались с головами в простыни и ночью, подняв кровать со спящим Зобовым, понесли ее с пением "со святыми упокой". Зобов, увидев вокруг могильные синеватые огни и белые фигуры, в ужасе стал кричать, и мы бросили кровать, загасили банки и разбежались. К счастью, эта шутка не имела для Зобова никаких последствий.

Прежде у нас был директор очень добродушный немец Брейтенбах, который никогда почти к нам не заходил, а мы гораздо лучше знали его огород, из которого таскали кольраби, чем его.

Прежде наши выпускники вели дружбу с медицинскими студентами, вероятно, по причинам географическим, потому что и наш институт и Медицинская академия помещались на Выборгской стороне. Дружба поддерживалась преимущественно трактиром "Урваном" (Шелгунов, 1923).

- IV -

**Санкт-Петербургский лесной и межевой институт
(1837-1864 гг.)**

4. 1. Лесное хозяйство России в период 1837-1864 гг.

Для казенного лесного хозяйства России в период с 1837 по 1864 г. характерен переход от становления к интенсивному развитию и совершенствованию в рамках Министерства государственных имуществ. Если в предыдущие почти два десятилетия опекуном не только Лесного института, но и лесного хозяйства был министр финансов граф Е.Ф.Канкрин, то с образованием в 1837 г. на базе Департамента в составе Министерства финансов самостоятельного Министерства государственных имуществ новым шефом лесного образования и лесного хозяйства стал также крупнейший государственный деятель и прогрессивный реформатор генерал-адъютант П.Д.Киселев. Именно по его инициативе и представлению в 1837 г. было образовано данное министерство. Он же стал министром, основателем и первым шефом Корпуса лесничих (1839). При нем уже в составе нового министерства в 1843 г. воссоздан Лесной департамент, при нем началось и успешно развивалось степное лесоразведение на юге России на казенных землях. Количество казенных лесничеств в России сразу же было увеличено со 119 до 401, а к концу деятельности Киселева на посту министра к 1856 г. их было уже более 800. По Положению от 30 января 1839 г. Корпус лесничих получил военное устройство. Первоначально штат его состоял из 726 чел.: 4 генералов, 12 полковников, 33 подполковников, 41 майора, 69 капитанов и 99 штабс-капитанов, 115 поручиков, 145 подпоручиков и 216 прапорщиков. В том числе по Лесному и межевому институту числилось 32 офицера, из них 1 генерал (директор), 2 полковника (инспектор классов и батальонный командир), 3 капитана, 2 штабс-капитана, 5 поручиков, 5 подпоручиков и 14 прапорщиков. Согласно Табел

о рангах, высший классный чин - IV (действительный статский советник) в Корпусе лесничих имел его шеф - инспектор: до 1843 г. - министр государственных имуществ П.Д.Киселев, а с 1843 г. - директор Лесного департамента. Вице-инспектора, а с 1843 г. - вице-директора Лесного департамента имели классный чин V - статского советника, лесничие - VI-VIII, помощники лесничих - IX-XII.

В 1842 г. в "Своде уставов казенного управления" был опубликован "Устав лесной" - 1716 статей с 12 приложениями. С 1841 г. в России началось планомерное лесоустройство, в первую очередь корабельных лесов, уже описанных ранее. Организатором и руководителем их был с 1843 г. начальник отдела Лесного департамента Е.А.Петерсон, выпускник Лесного института 1828 г. Уже в 1845 г. Ф.К.Арнольд разработал первую "Инструкцию для таксационных работ в лесных дачах, избираемых для правильного лесного хозяйства". Во всех устраиваемых казенных лесничествах с 1849 г. закладывались постоянные лесные питомники, началось планомерное искусственное лесовосстановление на вырубках, для чего была составлена "Инструкция по созданию лесных культур", а в середине 50-х годов - "Инструкция по сбору и пересылке лесных семян".

Лесной департамент в 1843-1851 гг. возглавлял Н.М. Ламсдорф, бывший директор Лесного и межевого института в 1838 - 1843 гг.

В эти же годы активную работу по приведению лесов в известность, описанию и выделу корабельных лесов проводил Департамент корабельных лесов под руководством Ф.П.Врангеля (в 1836-1849 гг.) и адмирала П.Ф.Анжу (в 1849 - 1859 гг.). Уже к 1847 г. в европейской ча

сти России было выделено 926 корабельных рощ общей площадью 1,7 млн. га, а к 1859 г. - соответственно 1 240 и 4,2 млн.

В ноябре 1842 г. "для рассмотрения предложений господ вице-инспекторов и с целью дать предпринимаемым для лесоустройства мерам более единства и успешное движение" (РГИА, ф. 387, оп. 602) был создан Специальный лесной комитет. Первым его председателем был старший вице-инспектор, флигель-адъютант граф Н.М.Ламсдорф. Этот комитет рассматривал все лесоустроительные отчеты, проекты лесоустроительных работ, инструкций, уставов лесных обществ, ходатайства о премировании за лесоразведение и многие другие дела, при разрешении которых требовались "по технической части соображения".

Менялись руководители и состав Специального лесного комитета (он определял всю техническую политику Лесного департамента), однако функции его оставались неизменными. Все важнейшие решения Лесного департамента предварительно обговаривались в этом комитете. Возглавляли комитет в разное время наиболее авторитетные лесоводы - Ф.К.Арнольд, В.Т.Собичевский, М.М.Орлов и другие. С 1843 по 1900 г. комитет, согласно журналу описи, рассмотрел 3 152 дела.

С 1843 г. за успехи в лесном хозяйстве Лесной департамент присуждал премии. К числу достижений, достойных награды, относились разведение лесов в степи, на пожарищах, выращивание посадочного материала в питомниках, закрепление и облесение песков, осушение болот, таксация леса, улучшение сплавных путей, научные и технические разработки, лучшие планы лесоустройства и пр.

Значительно обогатилась в этот период лесоводственная научная и учебная литература, появился ряд новых специальных руководств и инструкций, регламентировавших широкий круг лесохозяйственных работ. Работало Санкт-Петербургское общество поощрения лесного хозяйства, активными членами которого, а также авторами статей в "Лесном журнале" 1833-1851 гг. были директор и преподаватели Лесного и межевого института. После смерти Е.Ф.Канкрин в 1845 г. Общество поощрения лесного хозяйства объединили с Вольным экономическим обществом.

После прекращения издания "Лесного журнала" в 1851 г. в течение нескольких лет в Рос-

сии не было специального лесного периодического издания. В 1855-1859 гг. этот пробел восполнила "Газета лесоводства и охоты", публиковавшая статьи на самые различные темы, связанные с лесом. Особенно плодотворными были первые три года, когда редактором и автором многих статей был Ф.К.Арнольд.

В 1845-1848 гг. Лесной департамент издал "Памятную книгу для чинов губернского лесного управления" в 3-х частях и 4-х книгах, "дабы выпускаемые из института офицеры и при поступлении их на службу могли постоянно руководствоваться приобретенными ими познаниями и для ближайшего ознакомления их со служебными их обязанностями, а также дабы дать возможность и офицерам Корпуса лесничих, не получившим специального по лесной части образования, приобрести необходимые для точного исполнения их обязанностей сведения".

Это издание должно было служить, как видно, не только руководством для уже работающих лесных офицеров, но и учебным пособием для воспитанников Лесного и межевого института. В первой части (427 с.) изложено полное наставление всем чинам лесного управления в губерниях в виде извлечений из существующих узаконений и постановлений по лесной части. Во второй части (586 с.) изложены руководства, составленные: по съемке лесов - капитаном Серебренниковым, по таксации лесов и лесоохранению - подполковником В.С.Семеновым, по лесовозращению - майором А.А.Длотовским и лесной технологии - А.К.Бодде. В приложении ко второй части помещены упоминавшиеся выше инструкции для таксационных работ (составитель Ф.К.Арнольд) и для производства культур. Третья часть (132 с.) посвящена следственным и уголовным делам по лесным преступлениям.

Важнейшим событием было издание Департаментом корабельных лесов Морского министерства в 1843 г. трехтомного "Лесного словаря", составленного А.Никольским (он же редактор), В.В.Врангелем и учеными лесничими Е.Нольде и А.Кленке. Это настоящая лесная энциклопедия того времени, хотя касалась она преимущественно корабельных лесов и составлена была с использованием не только различных русских изданий, в особенности материалов "Лесного журнала", но и аналогичных изданий Бодрильера (Франция, 1823-1825), Георга и Теодора Гартигов (Германия, 1836), а также новей-

ших на то время сочинений германских лесоводов и натуралистов (Пфейля, Котта, Гундесгагена, Белена, Кенига, Ф.Ведекинда, Реймса, Рацебурга). Заимствованные из зарубежных изданий статьи содержали изменения и дополнения соответственно состоянию лесов в России. Целью издания трехтомника общим объемом 2230 с. было содействие правильному лесоводству России.

В 1845 г. была впервые составлена и опубликована карта лесов России. Автор ее - Ф.К.Арнольд удостоился получения за нее золотой медали С.-Петербургского общества поощрения лесного хозяйства.

Знаменательным было и издание ряда книг и руководств преподавателями лесных наук в лесных классах Митавской гимназии. В 1830-1850-х гг. выходят книги и руководства преподавателя Лесного и межевого института барона А.К. Боде: "Руководство к разведению лесов. Вспомогательная книга для сельских хозяев" (1833), "Ручная книга для обращения с лесами" (руководство для частных владельцев лесов и для заведывающих лесами, 1843), "Лесная технология" (1846), "Карманная книга для русского лесничего" (1854).

Кроме того, в библиотеке Лесотехнической академии хранится его же рукопись "Лекций по лесоводству", читанных им в Лесном и межевом институте во второй половине 50-х годов.

Двумя изданиями Вольного экономического общества в 1848 и 1850 гг. вышло руководство А.Е.Теплохова "Устройство лесов в помещичьих лесах". Также дважды - в 1854 и 1856 гг. было издано "Руководство к лесоводству" Ф.К.Арнольда, а также его "Лесная таксация" (1858) и "Лесоводство. Наставление к хозяйственному уходу за лесом" (1860).

В 1856 г. издано "Лесоводство", а в 1857 г. - "История лесного законодательства" питомца Лесного и межевого института (выпуска 1841 г.) Н.В. Шелгунова.

Впервые в России Н.И. Анненковым был издан "Лесной учебник" (1851) для земледельческих училищ. Его же перу принадлежат и книги "Простонародные названия русских растений" (1858) и "Ботанический словарь" (1859).

Все вышеперечисленное дает полное основание сделать вывод, что в рассматриваемый период 1837-1864 гг. появились отечественные научные и учебные издания для ведения правильного лесного хозяйства в лесах России и для более фундаментальной подготовки специалистов лесного хозяйства. И создано это все было преимущественно воспитанниками Санкт-Петербургского лесного и межевого института.

4. 2. Лесное

В эти годы продолжалась планировка, осушение и благоустройство принадлежащих институту земель. Всего к 1844 г. в оброчно-чиншевое владение на условиях аренды было передано 59, к 1851 г. - 146, а к 1864 г. - 186 участков общей площадью 114 десятин 146,6 кв. саженей, что составляло около 75% всей нагорной части. Получаемый доход (в 1864 г. 12 427 руб. чиншевых взносов и 1 037 руб. дорожных денег) использовался институтом на покрытие хозяйственных расходов.

Продолжалось устройство парка и ботанического (дендрологического) сада в нем. В 1841 г. в парке был заложен питомник на 3,5 десятинах. Предусматривалось не только иметь объект для практического обучения воспитанников института посевам и посадкам леса, для наблюдений за ходом роста деревьев, но иметь и собственный посадочный материал для развития и укра-

шения парка, а впоследствии - и для извлечения дохода. На "Плане дачи Лесного и межевого института" 50-х годов были видны уже существенные изменения парка. В западной части в связи с появившимся на месте огородов древесным питомником было изменено направление старой дороги на бывшую ферму. Она превращалась в одну из аллей, лучеобразно сходящихся к площадке над прудом под крутым склоном. Вся местность питомника была разбита на правильные продолговатые прямоугольники. Границами его были: на севере - старая дорога (позже "Комсомольская аллея"), на востоке - аллея, ей перпендикулярная, на юго-западе - новая аллея, устроенная вместо старой дороги на ферму. Эта аллея называлась "Министерской" (теперь "Кайгородовская"), так как вела на дачу Безобразова (затем Евреиновой), на которой летом жили министры.

Подгорная часть также была уже обустроена. Вокруг пруда проведены дорожки и сделаны посадки деревьев. Впоследствии установился обычай в престольный праздник институтской церкви устраивать крестные ходы на этот пруд, для



Пруд у древесного питомника

чего на нем была выстроена беседка "Иордань", просуществовавшая до 1924 г. Местность к северу от питомника была занята сосновым молдняком.

На этом же плане видно, что дендрологический сад уже был довольно благоустроенным, как и английские сады, с цветником рядом с ним (*Исторический очерк, 1903*).

По описи парка 1862 г. видно, что он был уже засажен разными лиственными и хвойными деревьями, между которыми проложены для гуляющих садовые дорожки. Площадь парка - 7 дес. 1209 кв. саженей. Сад перед главным зданием общей площадью 2 дес. 112 кв. саженей имел прекрасно обработанные цветочные грядки, грунтовые и орнаментные растения. Множество клумб засажено разнообразными деревьями и кустарниками. Среди них красный дуб, вислосучный ясень, американская липа, лопастнолистная береза и др.

Перед домом директора также имелся сад площадью 1250 кв. саженей с отменно обработанными цветочными грядами и многими клумбами и с замечательной аллеей из лиственных деревьев. В одном краю сад был засажен яблонями, имелась оранжерея и четыре парника с клубничными грядами.

К концу периода 1837-1864 гг. усадьба института значительно разрослась и вытянулась в сторону нынешней Новороссийской улицы, достигнув современных границ.

4.3. Лисинское учебное лесничество

Лисинское лесничество (в статусе учебного) весной 1838 г. впервые приняло на учебную практику воспитанников Лесного института, выпуск которых не состоялся в 1837 г. в связи с реорганизацией института. Об этом событии так вспоминал Ф.К. Арнольд: "На Фоминой неделе весь наш выпуск отправился в Лисинское учебное лесничество на тройках, прокативших нас по Московскому шоссе до яма Тосны, а там, свернув в сторону, едва притащили по сырой грунтовой дороге до Лисинского лесничества; в то время еще не было ни московской чугунки, ни Лисинского шоссе.

Кроме 11 практикантов, послали на практику в Лисино, без производства в чины, еще 5 человек из 5 класса Лесного института, оказавших там слабые успехи в науках. Этих лиц продержали в Лисино 2 года, после чего их произвели в гражданские чины.

Прибыли к нам в Лисино еще и из Горного института трое: Раунер, Цитович и Иванов. Они, окончив одновременно с нами учение в Лисино, поступили лесниками в Уральский горный округ.

Директором в Лисино был Балтазар Балтазарович ФРЕЙРЕЙС, которого простой народ называл Иваном Ивановичем, а ученым лесником числился еще, назначенный туда в 1835 г., Егор Андреевич Петерсон, который, однако, по болезни, был откомандирован за границу, а затем назначен ученым лесником при 3-м Департаменте Министерства государственных имуществ. Вместо него определен был ученым лесником в Лисино, и прибыл туда в июне месяце, Михаил Богданович Бульмеринг.

Б. Б. Фрейрейс был прежде лесником, а после - губернским лесником в Екатеринославской губернии*, его очень уважал граф Канкрин, а по

*Арнольд ошибается, Фрейрейс до службы в Лисино был Воронежским губернским лесником.

тому он, задумав устроить учебное лесничество в Лисинской даче, вызвал в Петербург Фрейрейса, по совещанию с которым был выработан весь проект нового заведения, с помещением при нем и низшего Егерского училища с 2-годичным курсом. Фрейрейсу было поручено построить и все необходимые здания и организовать в даче лесное хозяйство, а в 1835 г. он назначен туда директором.

владельцев казенных горных заводов и нескольких помещиков средней полосы России; для надобностей же казенного лесного управления тогда еще не воспитывались там молодые люди на казенный счет.

За отсутствием ученого лесничего сам Фрейрейс лично повел наши практические занятия. Он поочередно брал с собой в лес человек по 5, по 6 и сообщал на месте много поучительных



Парк Лесного института (аллея летом)



Парк Лесного института (аллея зимой)

Фрейрейс был отличным практиком, человек простой и приветливый, относящийся весьма внимательно к своим обязанностям, но научная его подготовка была слаба. По назначении же к нему в помощь высокообразованного ученого лесничего Е.А. Петерсона они совместно подготовили все, что на первое время нужно было для порядочного ведения практических занятий с выпускаемыми из Лесного института молодыми людьми и для обучения в Егерском училище поступавших туда, на счет землевладельцев, крепостных людей.

В мое время в Егерском училище были только пансионеры крупных частных лиц, заводо-

практических сведений; кроме этих очередных прогулок по лесу, на каждого практиканта возложены были особые обязанности: каждому отведен был довольно значительный участок леса, состоящий из 2-3 кварталов; этот участок должен был быть каждым снят на план и подробно описан; тот же участок леса отдан был под надзор того же практиканта, который и отводил назначенные там для рубки лесосеки и наблюдал за правильною заготовкою там леса, клеймил деревья строевые и поделочные, вел счет и принимал разработанный материал; присматривал за всеми производившимися работами: по рытью канав, устройству дорог, разведе-



Красный дом училища в пос. Лисино, в котором помещались кондукторы (практиканты)

нию леса и проч., о всем же производившемся в течении дня в порученном участке подавался дневной отчет. Работы проверялись в назначенные дни или лесничими, или самим Фрейрейсом, а позже ученым лесничим.

Лисинская дача в то время разделена была на 2 лесничества - Северное и Южное. В Северном лесничестве производилась заготовка леса хозяйственным способом, для удовлетворения надобностей Павловского и Царскосельского дворцов, пользовавшихся прежде сервитутным правом на отпуск леса; впоследствии вместо сервитутного отпуска были ассигнованы названным дворцам денежные суммы на покупку нужного лесного материала от частных подрядчиков. Но пока шла хозяйственная заготовка леса, практикантам было в Северном лесничестве много работы.

Для изучения канцелярского порядка нас поочередно прикомандировывали к канцелярии од-

ного из лесничеств. Сверх того, нас занимал еще пчеловод Ветвицкий, известный своими сочинениями по пчеловодству, который был послан в Лисино для устройства пчельника и для обучения и нас своему искусству. В производстве правильных охот нас наставлял обер-егерь Рейс.

Вообще пребывание наше в Лисинском учебном лесничестве оказало нам много пользы: там вполне выяснилось нам значение многих преподаваемых в Лесном институте теоретических правил и мы приобрели некоторые навыки в исполнении предстоящих работ.

Приехавший к нам в июне новый ученый лесничий М.Б.Бульмеринг обладал широкими научными сведениями по естествознанию, но практически не был знаком с лесоводством. Он получил медицинское образование, состоял несколько лет врачом по ведомству путей сообщения, затем поехал за границу, где в Нейштадт-Эберсвальде его заинтересовал лесоводством Пфейль, а энтомо-

логией Ратцебург. По возвращении в Россию он поступил на службу по лесной части и его тотчас назначили в Лисинское учебное лесничество. Практиканты с большим вниманием слушали его теоретические объяснения и он оказал нам некоторую пользу сообщением нескольких новых для нас взглядов науки на многие явления в природе; но мы скоро смекнули, что наш ученый лесничий практически мало знаком с лесным делом, и поэтому продолжали обращаться к Фрейрейсу по всем вопросам практического свойства. После года пребывания в Лисино, лучших по успехам в науке (меня, Бекмана, Машукова, Муравьева, Макушева и Ошмана) перевели в офицерский класс Лесного и межевого института. Вместе с нами перевели в офицерский класс, по просьбе и собственному желанию, еще одного, остававшегося в Лисино, в качестве учителя Егерского училища, Неклюдова, выпущенного из института в 1838 г. Таким образом, в офицерском классе нас было 7 человек.

В офицерском классе читался только один совершенно новый для нас предмет - политическая экономия и притом читался по-немецки профессором Шмальцем, не знавшим русского языка; прочие предметы, специально лесоводственные, преподавались нам только по несколько расширенной программе, против кадетского курса" (*Арнольд, 1893*).

А вот что вспоминал о первом приезде воспитанников института на практику в Лисино в 1838 г. старый лесничий А.Малышев - однокурсник Ф.К. Арнольда:

"3 апреля 1838 г. состоялся первый выпуск из вновь образованного Министерством Г.И. [государственных имуществ] Лесного института; выпущено было 11 человек. Прощаясь с директором института, графом Ламсдорфом, мы получили от него приказание собраться 12 апреля в институте со своими пожитками, чтобы затем быть отправленными на один год в Лисинское учебное лесничество для практических занятий. Для первого обзаведения всем необходимым каждому из нас выдано было при этом по 100 рублей.

12 апреля все мы собрались, как было приказано. В институтской церкви привели нас к присяге и после напутственного молебна направили в канцелярию института, где собралось все наше начальство и некоторые из преподавателей. Здесь нам предложен был завтрак, после которо-

го мы попарно разместились в почтовые тележки и при дружных прощальных пожеланиях воспитанников нашей роты, выбежавших проводить нас, покинули дорогой нам Лесной институт.

Путь наш лежал к Московской заставе по Загородному проспекту, и когда мы проезжали мимо Царскосельской железной дороги, то увидели у дебаркадера массу стоявших там генералов, между которыми молодые глаза наши различили и нашего министра, выделявшегося среди других, красавца графа Киселева. Он также увидел нас и в ответ на наши поклоны махнул рукой, призывая нас к себе. Соскочить с тележек и окружить графа было для нас, конечно, делом одной минуты. Узнав, куда мы едем, граф пожелал нам всего хорошего и приказал продолжать наш путь, когда кто-то из наших обратился к нему с просьбой посетить нас в Лисино. Граф улыбнулся и обещал просьбу нашу исполнить.

Поздним вечером того же дня добрались мы и до Лисино. На парадном подъезде встретил нас старик директор Фрейрейс и со словами "добро пожаловать, жданные гости" вручил нам обычные русские хлеб и соль.

"Спальни ваши наверху,- продолжал он после своей доброй встречи,- располагайтесь там, где кому нравится, а я прикажу подать вам ужинать, отчего вы, конечно, не откажетесь после дороги. Завтра в 9 часов утра приду познакомиться, и предупреждаю, что здесь ни мундиров, ни эполет не надевать - сюда вы приехали работать. С огнем прошу быть поосторожней". Затем он спросил нас, почему нас только 11 человек, когда Департамент предписал ему заготовить все на 20 человек и где остальные 9 человек. В ответ на это мы вручили ему привезенное из Лесного института предписание об отправке нас в Лисино с приложением именного списка отправляемых и направились в свое новое помещение.

Утром на следующий день все мы собрались в просторную залу нижнего этажа, где стоял стол и дюжины две-три стульев. Сюда же скоро пришел и директор. Спросив фамилию каждого из нас, он сел во главе стола и пригласил каждого из нас занять остальные места.

"Теперь, - сказал он, - я считаю обязанностью познакомить вас с собой, чтоб, не пускаясь в догадки, вы сразу видели, с кем имеете дело и что можете от меня требовать и ожидать, а вместе с тем я коротенько сообщу вам и интересную историю основания Лисинского учебного лесничества.

Занимаемого мною теперь места я не только никогда не искал, но и даже быть на нем вовсе не желал, потому что, зная цель основания Учебного лесничества, я не находил себя достаточно пригодным служить для нее.

Воспитывался я в бывшем Лесном училище, находившемся в г. Козельске Тамбовской губернии; учился там древесянию и посадке дерев, распознаванию и способам собирания и сохранения полезных трав, немного землемерию и, кроме того, настойчиво предавался истреблению волков и медведей*.

В настоящее время тридцать лет прошло уже с тех пор, как я расстался с Лесным училищем; лесная часть с того времени сильно шагнула вперед. Лесное училище, в котором я воспитывался, давно уже не существует; заменившая его ферма-институт в свою очередь дважды потерпела коренное преобразование и наконец была заменена нынешним Лесным институтом.

Как не теоретик, я с новыми лесничими ни в какие прения не вступаю, но как практик, много лет и в разных местах собственноручно поработавший, я лесное дело практически знаю твердо.

Таксация мне вовсе неизвестна, но по навыку я почти без ошибки определяю кубическое содержание всякого дерева, какой бы породы оно ни было; очень близко определяю количество древесной массы на площадях как растущих, так и валежных лесов.

В молодости я был послан в Оренбургский край, где безуспешно работал над укреплением летучих песков. Вслед затем мне очень удачно удалось укрепить часть берегов реки Белой в Уфимской губернии, после чего подобные же работы с успехом были произведены мною в разных местах на Волге.

Затем получил я место форстмейстера в Воронежской губернии, где около Богучар** на песках развел 700 десятин леса, потрудившись над этим почти 10 лет. За это время я удостоился назначения обер-форстмейстером в той же

губернии и в последней должности состоял около пяти лет, пока в 1833-м году не был вызван в Петербург.

Граф Канкрин со времени назначения его министром финансов принял самое горячее участие в улучшении лесной части, и его горячее пожелание о последней не ослабевало не только во все время, пока лесная часть была в ведении Министерства финансов, но продолжается еще и по сие время, когда лесная часть перешла в ведение другого министерства. Форст-институт, находившийся прежде в городе, граф признал необходимым перевести в другое место, и в 1826 году была куплена та дача, где теперь находится Лесной институт, с целью практического научения воспитанниками лесного дела на месте. Во вновь купленной лесной даче, носившей до того название Мавританской фермы, на возвышенном месте произведены были для института обширные постройки, куда воспитанники и были в 1830 г. переведены из города. В следующем 1831 году здесь же поселился на лето и сам граф Канкрин и лично подробно осмотрел принадлежащую институту дачу, которая тянулась тогда почти сплошь от настоящих Московских казарм вплоть до Поклонной горы. Московских казарм тогда еще не было и место под постройку их уступлено Лесным институтом. Граф Канкрин задался мыслью устроить на вновь купленном месте образцовую лесную дачу, разделить ее на участки и вырубить последние по мере зрелости. Вырубленные участки предназначено было вновь засеять и засаживать и, оставляя их созревать, продолжать таким образом дело в раз намеченной последовательности, совершая все это на глазах воспитанников и при их непосредственном участии, чтоб дать им возможность вполне изучить лесное дело и сродниться с ним.

Но широкой идее графа не представлялось возможности осуществиться, так как дача оказалась для этого неудобною как по своей близости к столице, так и по крайне дурному лесонасаждению, значительную площадь которого занимало низкое и болотистое место. Неудача эта не изменила, однако, стремлений графа иметь образцовую дачу, где воспитанники, приготавливаясь к будущему поприщу, могли бы наглядно и практически знакомиться с лесным хозяйством. Приказано было приискать в окрестностях Петербурга продающееся имение с хорошей

* В "Историческом очерке..." (1903) в списках воспитанников, окончивших Козельский лесной институт, Фрейрейс не значится, нет его и в списке за 1813 г. среди воспитанников, переведенных в Санкт-Петербург, однако его имя находится в списке окончивших Санкт-Петербургский лесной институт в 1815 г.

** В сноске на с. 286 Ф.К. Арнольд добавляет: "Кажется ошибается: Фрейрейс развел шелюгу на 700 десятинах и сосну в Павлоградском уезде Екатеринославской губернии".

лесной дачей. Подходящих предложений было сделано чрезвычайно много и в течение двух лет тщательно осматривались разнообразие предлагавшиеся в продажу имения, пока наконец в 1834 г. не остановились на Лисинской даче, которая и была куплена* у барона Штегельмана, а вместе с тем были приобретены и соседние с этой дачей, купленные** у генеральши Гаюс и помещика Струбинского. Дача эта далеко не удовлетворяла требований, намеченных графом, но он был уверен, что болота можно осушить и развести на них лес, причем за пример он берет Нидерланды и самый Петербург. Я лично не совсем согласен с этим, если, конечно, исполнение всего этого не отодвинуть в далекое будущее, когда и просвещение, вообще, и лесная часть, в частности, далеко подвинулись вперед от своего настоящего положения.

В 1833 г. граф Канкрин лично подробно объяснял мне свои планы относительно образования учебного лесничества и устройства образцовой лесной дороги от села Тосно и к постройке настоящего здания, равно как и двух домов для лесничих и четырех для стражи. В помощь мне был дан бывший воспитанник института Даниель; для большой и сложной переписки я пригласил Павленкова и, наконец, на случай болезни кого-либо из нас или из большого числа разных рабочих я нанял подлекаря Носкова. Слишком три года тяжелого неутомимого труда положили мы на поставленное нами дело и вот наконец в глухом лесу, меж смрадных болот, в безлюдной местности возникло все то, что вы теперь тут видите. Надо много пожить и иметь достаточный запас опыта, чтоб вполне уяснить себе все то, что нам пришлось здесь исправить и вынести.

Граф неусыпно пекся об этом деле и так сильно интересовался им, что приказал мне доставлять ему каждую неделю отчет обо всем сделанном и, кроме того, я ежемесячно был обязан являться к нему с подробным докладом. Не могу при этом пройти умолчанием тот факт, что граф не останавливался ни перед какими затратами, которые в общей сложности были громадны. В минувшем году, когда образовалось Министерство Г.И. [государственных иму-

ществ], куда отошла и лесная часть, я отправился к графу Канкрину узнать о судьбе Лисина и услышал от него следующее: "Работайте по-прежнему и исполняйте в точности все мною назначенное: Лисинское учебное лесничество - это любимое мое детище, о котором я буду заботиться до конца моей жизни, в каком бы ведении оно ни состояло".

В минувшем году, когда все постройки были окончательно готовы, я отправился к графу с докладом об этом. "Спасибо, - сказал он, - сегодня я свижусь с графом Киселевым, а завтра вы явитесь к нему". Являсь к графу Киселеву, я был обласкан им не менее, чем и своим патроном графом Канкриным. Усадив меня, граф Киселев расспрашивал меня обо всем до мельчайших подробностей, с большим вниманием рассматривал привезенные мною планы как лесной дачи, так и усадьбы со строениями. В заключение он объявил, что я назначаюсь директором вновь учреждаемого заведения, на что я отвечал, что глубоко благодарю Его Сиятельство за делаемую мне честь и в то же время пояснил, что я не чувствую себя способным занять этот пост, так как я слишком мало учен и обладаю слишком скудными теоретическими сведениями. На это граф отвечал: "Я дам Вам в помощь ученого лесничего* и все, что нужно. Предупреждаю: что все представления и требования Ваши будут удовлетворяться беспрекословно и отказа от меня Вам никогда и ни в чем не будет. Вы мне слишком хорошо рекомендованы графом Егором Францевичем, к которому я питаю высокое уважение. Пока до свидания, господин директор, - прибавил граф Киселев, прощаясь со мною. - Здешняя дача разделена на два лесничества и в обоих хозяйствуют очень хорошие лица, с которыми Вам придется познакомиться, потому что во всем, что будет касаться Ваших занятий, Вы должны будете обращаться к тому из них, в районе которого придется работать. Вам следует по возможности подробнее посмотреть здешнюю дачу и по своему усмотрению каждому выбрать себе по участку для производства таксационных и других работ. Но требовать этого пока от Вас я не могу: Вы такие чистенькие, платье с иголочки, а необходимого для работы у Вас нет. Без длинных сапог и парусиновых сюртуков ид-

* Лисинская дача всегда была казенная, в соседстве с дачей Штегельмана.

** "Никогда не купленные: до сих пор остаются частными" (Арнольд, 1893).

* Ученый лесничий был уже с 1836 г. назначен, после ухода которого в начале 1838 г. на эту должность был определен в июне 1838 г. Бульмеринг (Мальшев, 1888).

ти в лес нельзя, а также надо запастись и сетками от комаров. Я отправил уже сегодня нарочного за мастерами, которые скоро сделают Вам все необходимое и тогда с Богом ступайте в лес. По распоряжению Департамента здесь заготовлена масса пней и разных корней для производства Вами сидки дегтя, гонки смолы и других продуктов, а также много разных пород дров для выжигания угля как в кострах, так и в печах, устройство которых по присланным планам

сколько охотничьих ружей разного калибра. Их здесь довольно много и часть, кроме того, найдется еще у некоторых из здешних служащих. Ружья эти были взяты русскими войсками в 1831 г. во время польского восстания и по ходатайству графа Канкрин уступлены Военным министерством Лисину. Пороху и свинцу здесь тоже довольно, а за всем необходимым по этой части обращайтесь к обер-егерю Рейсу. В шкафах Вы увидите несколько чучел зверей и птиц



Церковь Животворящего Креста в пос. Лисино

должно быть произведено непременно под личным Вашим наблюдением. А пока мастерские будут шить все для Вас необходимое, я приглашаю вас заняться разборкою доставленных сюда Департаментом нескольких ящиков с древесными образцами, присланных лесничими разных губерний, а также разборкою Лесного журнала и других книг, которые вы найдете в ящиках". Говоря это, директор указал на соседнюю просторную залу, уставленную кругом почти пустыми шкафами, в которых и нужно было разместить все находящееся в ящиках. "В одном из шкафов, - продолжал директор, - Вы увидите не-

- все они бывшие обитатели этой дачи, убитые разными служащими и препарированные мною, чем я охотно занимаюсь, и если кому из вас удастся убить какой-либо недостающий в нашей коллекции экземпляр или что-либо особо замечательное, - пожертвуйте для здешнего кабинета, а я с удовольствием сделаю чучело. Если кому-либо из вас встретится надобность отлучиться за пределы Лисина, то вы должны предупредить меня, причем вперед заявляю, чтоб казенных лошадей никто никогда не просил, так как их очень мало, а работы им очень много". Уходя, директор еще раз напомнил нам относи-

тельно осторожности при обращении с огнем" (Мальшев, 1888).

А вот как выглядела усадьба Лисинского учебного лесничества уже в 1838 г., по описанию Мальшева.

Усадьба Лисинского учебного лесничества, хотя и казалась в то время довольно миниатюрною, но в действительности была очень вместительной. При выезде с Тосненского шоссе стоял длинный двухэтажный дом с парадным подъездом с боку. При входе в просторную светлую переднюю справа находилась квартира директора из 5 комнат для его большого семейства. Слева от передней было помещение учащихся, внизу три просторные залы: первая - для кабинета, вторая - для занятий и третья - столовая; сбоку буфет, а потом опять большая передняя, из которой лестница вела наверх. Там находились две просторные комнаты-спальни, комната со шкафами вокруг для гардероба и просторная комната для курения. Тут же размещалась аптека и комната для больных.

По обе стороны большого дома стояли двухэтажные флигели с квартирами для служащих и канцелярией лесничества. Позади большого дома располагались хозяйственные постройки, в которых находились обширная кухня и просторная служительская; несколько далее стояли роскошная баня, прачечная, изба для чернорабочих, конюшни и другие службы, между которыми особенно выделялось оригинальное помещение для охотничьих собак. Все постройки были деревянными, крытые железом. Невдалеке расположен был пчельник с небольшим количеством ульев. Здесь были высажены липы и посеяна гречиха. Позади всех построек тянулся огород, а кругом мызы лес был вырублен на расстоянии около ста сажень. В ближайшем лесу находилось довольно много хороших строевых деревьев, но не было ни одного пенька, что свидетельствовало о заботе строителя Фрейрейса беречь соседний лес. На расстоянии около четверти версты от учебного лесничества была деревня Русская Лустовка, состоявшая не более как из 10 дворов, а против нее за рекою располагалась чухонская Лустовка (Неникуль). В русской деревне была мелочная лавка с разным товаром, куда практиканты наведывались довольно часто.

Вскоре в Лисино прибыли еще 3 воспитанника 4-го класса института, имевшие уже лет по семнадцати,- Вишняков, Соколов и Насакин.

Они были присланы на один год, после чего должны быть отправлены в Закавказье для разведения там тутовых деревьев для кормления шелкопрядных червей. Вслед за тем приехали четыре воспитанника Горного института: Раунер, Иванов, Цитович и Заварковский тоже на один год для практических занятий, после чего они должны были отправиться на Урал для лесной службы на казенных горных заводах. Спустя некоторое время в Лисино прибыл и прапорщик Юханцев, выпускник Лесного института 1831 г. Он был послан в Дерптский университет для изучения курса энтомологии. Однако, спустя год, за какую-то провинность был отправлен в министерство, а из него - в Лисино. Будучи старше всех по возрасту он сделался общим любимцем всех практикантов, его даже прозвали "дядей".

Уже через месяц пребывания в Лисино практиканты пришли к единогласному убеждению, что директор - безукоризненно справедливый, прямой, простой и высоко честный человек. Он постоянно каждый день брал с собой в лес человек по 5 практикантов и объяснял все работы просто и практично. Б.Б.Фрейрейс был человек в высшей степени сдержанный и никогда ни с кем не возвышал голоса. Неудовольствие его чем-либо выражалось обычно лишь хмурением бровей. Прибывший же в Лисино через несколько месяцев ученый лесничий Бульмеринг (медик по образованию) "опротивел нам окончательно", как вспоминал Мальшев, так что даже немцы крепко его невзлюбили.

По распоряжению Департамента офицеров-практикантов поочередно прикрепляли к местным лисинским лесничим для ознакомления с канцелярским порядком, производством следствий и т.п. В другие же дни они практически занимались в лесу по указанию директора учебного лесничества.

В конце июня 1838 г. Лисино посетил министр Государственных имуществ граф Киселев. Заметив отсутствие в здании учебного лесничества портрета графа Канкрин, он сказал: "Это большой пробел, Лисинское учебное лесничество основано по инициативе графа его неутомимыми заботами и твердыми настояниями. Граф Егор Францевич много лично трудился и ничего не жалел для достижения наглядного и практического образования молодых людей для лесной службы и потому глубочайшая признательность

и благодарная память об основателе Лисина графе Канкрине должна жить здесь вечно. Я близко знаю и высоко чту этого государственного деятеля, портрет которого и пришлю сюда, на что, я надеюсь, многоуважаемый граф даст мне свое согласие. Я его на днях увижу и сообщу о моей сюда поездке и о всем том, что мне здесь удалось видеть" (*Малышев, 1888, с. 279*).



Граф П. А. Киселев,
министр государственных имуществ

Обращаясь к новому ученому лесничему Бреду в присутствии всех практикантов, министр сказал: "По институту они тебе родня - одну кашу ели, так ты, брат, их не обижай, их головы порохом начинены - огонь надо держать подалше" (*Там же*). Выдающимся лицом на встрече министра с практикантами стал лесничий Кастенского лесничества Кузнецов, родившийся и выросший в Германии и по рекомендации принца Ольденбургского назначенный сюда лесничим. Прибыв в Россию менее года тому назад, он почти не говорил по-русски и на вопросы обратившегося к нему министра ничего не смог ответить. Удивленный граф спросил Фрейрейса, что это значит? Тот объяснил, и граф, нахохотавшись от души, сказал, что он за-

втра же поблагодарит принца за этот сюрприз. "Кузнецов, - сказал граф, - всякий услышав эту фамилию будет убежден, что носящий ее - чистокровный русский, между тем как в действительности он чистый немец. Раунер - так в ушах и звучит, что он чистый немец, а в сущности он русский богатырь. Таких диковинок в другом месте не встретишь". Обращаясь к практикантам, министр рекомендовал им заняться с этим русским немцем, а Фрейрейсу сказал, чтоб тот не позволял Кузнецову жениться, пока тот не обрусееет (*Там же*).

Несколькими днями раньше "сильный и видный" Раунер силою ударил Бульмеринга, который сделал практикантам какое-то замечание. Узнав об этом и увидев Раунера, министр сказал: "Да ты, любезный, не из наших. Расспрашивать тебя я ни о чем не буду - я знаю уже все. Ты еще не офицер, тебя можно бы и посечь, да уж больно ты велик, а отдать под суд - пожалуй еще в солдаты угодишь. Так я придумал вот что: пошлем тебя на горные заводы, да только не на Урал, а на Кавказ - там ты наверное остепенишься". Практиканты попросили министра пощадить их товарища, который и сам скорбит за свою горячность. "Хорошо, - сказал граф, - я думал завтра же его отправить, но по вашей и Фрейрейса просьбе соглашаюсь, чтоб Раунер оставался здесь до окончания года, как и вы" (*Там же*).

Остальную часть лета практиканты занимались тем, что кому было поручено. Каждый из них выбирал участок с наибольшим количеством валежника для заготовки дров по окончании крестьянами полевых работ. В сентябре приступили к заготовке и окончив ее к ноябрю подали отчет, который Фрейрейс проверил на месте с педантичной точностью. С наступлением зимы Фрейрейс ввел обязательные еженедельные беседы, на которых один из практикантов по взаимному соглашению читал или рассказывал что-либо из своих наблюдений, впечатлений или случаев из лесной практики. На таких беседах, длившихся часа по два и сопровождавшихся возражениями и прениями, постоянно присутствовали Фрейрейс, Бредо, а иногда и другие служащие. Зимой были две больших охоты на лосей и медведей, а на зайца и белку многие ходили очень часто.

Фрейрейс был дельный и страстный охотник, к чему старался склонить и практикантов, гово-

ря, что лесник, не любящий охоты, не вполне лесник. Сам он хорошо стрелял, отлично ходил на лыжах и хорошо делал чучела. Будучи чрезвычайно деятельным, он и в других не терпел праздности. Решительно все журналы лесоводства и охоты, а также и большинство книг и брошюр, выходящих по этой части в Германии, поступали в Лисино, не говоря уже о русских. Бредо прочитывал все немецкие сочинения по лесной части, а Фрейрейс - по части охоты, и затем все это пересказывалось практикантам.

В Лисино в 1838-1839 гг. работал землемер Мелькау и при нем помощник Тизенгаузен, выпускник Лесного института 1835 г. Он выбирал подходящие для съемки участки, а саму съемку выполняли практиканты астролябией и мензулой, при этом болотистые места вблизи рек нивелировались. Планы этих работ составлялись и отделялись зимою.

Бывал в Лисино еще и преподаватель пчеловодства - практик-пчеловод Ветвицкий, разорившийся помещик западных губерний, издавший книгу о пчеловодстве. Он являлся к практикантам с предложением рассказывать об этом предмете, но кроме 3-4 чел. охотников слушать его не нашлось.

Раза три приезжал со своей канцелярией к практикантам в Лисино лесничий Тосненского уезда Вишняков, досконально знавший свою службу. Он на практике показывал и объяснял практикантам ведение шнуровых книг, составление разных отчетов, показывал порядок освидетельствования всякого рода вырубок, лесных пожаров и вообще старался объяснить все входящее в круг обязанностей и занятий лесничего.

В исходе марта Департамент предписал всех практикантов отправить в Петербург, и они "душевно простившись с прямым и честным Фрейрейсом и симпатичным Бредо, покинули навсегда Лисино... где без всякого горя провели почти год, вынося оттуда немало полезного для дела и для жизни" (*Там же, с. 281*).

Период 1837-1864 гг. для Лисинского учебного лесничества был одним из самых плодотворных и знаменательных за всю историю его существования. Многие из того, что осуществлялось в Лисино, делалось впервые не только в самом учебном лесничестве, но и в лесном хозяйстве России.

В 1841 г. было осуществлено первое полное лесоустройство с составлением плана правиль-

ного лесного хозяйства не только на ревизионный период, но и на период оборота рубки насаждений. Лесоустройство было произведено под руководством члена Специального лесного комитета Е.А.Петерсона с привлечением большого коллектива - 13 топографов, 28 прапорщиков-практикантов и 60 чел. нижних чинов образцовой роты Лесного и межевого института. Местный надзор осуществлял ученый лесничий Вейхенталь, которого вскоре заменил И.Г.Войнюков. Лесоустройство проведено по специально и впервые в России разработанной инструкции А.А. Длотовским и М.Б. Бульмерингом. Впервые полное геоботаническое описание Лисинского учебного лесничества в 1841 г. выполнил прапорщик В. Е. фон Графф.

Уже в 1851 г. под руководством Ф.К. Арнольда, И.Г. Войнюкова и А.А. Длотовского проведена первая ревизия лесоустройства. Результаты ревизии были признаны недостаточными, несмотря на большой объем выполненных после 1841 г. лесохозяйственных работ, был допущен переруб на площади 189 га с массой древесины 130 тыс. м³ против расчетной лесосеки. Имелись и отступления от плана очередности рубок. Решено было провести очередное переустройство Лисинской дачи с пустошами. Утверждая такое решение Лесного комитета, министр Государственных имуществ П.Д. Киселев распорядился: "Внушить г. Бекману [директору Лисинского учебного лесничества] ожидаемое от его познаний и усердия полное и рациональное лесоустройство лисинского заведения, которое, быв образцовое, должно влиянием своим прямо действовать на устройство лесной части в России. Практиканты, видев беспорядки в учреждении главного нашего практического заведения, вынесут с собой неправильное понятие о требованиях начальства и будут более вредны, чем полезны в исполнении служебных своих обязанностей. Я надеюсь и ожидаю, что все замеченные неустройства будут исправлены и что мы будем иметь право радоваться и гордиться этим важным учреждением" (*Байтин, 1931*).

Очередная таксация и переустройство Лисинской дачи были закончены в 1856 г. Ревизия 1859 г. вновь установила отступления от плана рубок, неправильности в съемке 1856 г., поэтому в 1860 г. было произведено очередное переустройство дачи.

Особенно широко были развернуты в период 1841-1864 гг. лесохозяйственные мероприятия. За 10 лет (1841-1851) по лесничеству было прорыто 267 км осушительных канав, расчищены русла рек, ручьев и старых канав на протяжении 50 км, проложено 58 км грунтовых дорог, организовано охотничье хозяйство и создан зверинец для царских охот, прочищено 179 га молодняков.

хранение лесных семян, регулярное получение их со многих лесничеств Европейской России, созданы временные и постоянные лесные питомники, а лесные культуры посевом и посадкой были созданы на площади 1459 га, что составляет 30% общей площади за 200 лет существования Лисино как казенного и учебного лесничества. При этом для учебных и опытных целей создавались культуры дуба, клена, липы, ли-



Императорский охотничий дом в пос. Лисино. В настоящее время одно из зданий Лесотехнической академии.

В следующем десятилетии объемы лесохозяйственных работ еще более возросли. За период 1852-1860 гг. вновь прорыто 278 км новых канав, прочищено рек, ручьев и старых канав 139 км. Впервые были осушены и облесены лесные болота Суланда и Хейновское по проекту капитана Корпуса лесничих И.Г. Войнюкова. Произведены весьма крупные строительные работы. К 1860 г. уже имелось 25 км шоссежных дорог и 200 км грунтовых, были возведены Охотничий дворец, Красный дом училища, церковь и другие кирпичные сооружения (архитектор Н.Л. Бенуа).

Особое внимание обращалось на искусственное лесовосстановление на вырубках и осушенных болотах. Организованы сбор, переработка и

ственницы, кедра, пихты. В 1847 г. был заложен в Лисино дендрологический сад.

Руководили всеми этими работами директора учебного лесничества Густав Гарф (1841-1851), выпускник 1810 г., старейший из четырех поколений Гарфов - воспитанников Лесного института, ученые лесничие И.Г. Войнюков (1841-1845), К.Б. Бекман (1846-1851), Н.В. Шелгунов (1858), В. Гребен (1859-1860), А. Эрдман (1860-1862) и Н.М. Зобов (с 1860 г.)

Лисинское учебное лесничество действительно было образцовым для того времени. После публикации Э. Голицыным во французском журнале статьи с описанием Лисинской дачи и учебного лесничества (сентябрь 1846 г.) в том же журнале появилась статья

Монитера, в которой говорилось, что "хотя Россия во многих отраслях знаний берет пример с нас (Франции. - Г.Р.), хотя во многих местах обширной империи леса пропадают на корню, сгнивают по недостатку ухода, уничто-

всегда своими учениками, они постоянно на практике изучают свой предмет. Этим преимуществ, конечно, нет ни в Нанси, ни в богатой гостинной господина директора королевской школы. Итак, русская лесоводческая школа не-



Завод сухой перегонки древесины в пос. Лисино

жаются злоупотреблениями, однако надобно согласиться, что Россия опередила нас в употреблении возобновления, сохранении и устройстве лесов, подчиненных правильному лесному хозяйству, основанному на мудром опыте. Главная практическая лесоводческая школа России находится в казенной Лисинской даче, посреди самого леса, имея все средства на опыт, на деле и во всякое время изучать все явления растительности и применять теорию к действительности. Чиновники, входящие в состав лисинской школы, помещены в отведенных им домах на опушке леса. Окруженные

сравненно превосходнее нашей; желательно, чтоб в этом случае мы взяли Россию за образец, стараясь, если можно, сделать лучше" (*Лесной журнал.* - 1846. - № 23. - С. 187).

Следует отметить, что и министры финансов Е.Ф. Канкрин (1838-1845) и государственных имуществ - П.Д. Киселев (1838-1856), В.А. Шереметьев (1856-1857), М.Н. Муравьев (1857-1861), А.А. Зеленой (1862-1872) и директора Лесного департамента - Н.М. Ламсдорф (1843-1851), Е.Н. Норов (1851-1858), А.А. Неверовский (1858-1864) неусыпно помогали развитию Лисинского учебного лесничества.

4. 4. Деятельность института

Ф.К. Арнольд в своих воспоминаниях, ссылаясь на архивные материалы, высказал одну из версий, послуживших основанием для преобразования Лесного института и смены его руко-

водства в 1837 г. Эту версию считали правдоподобной, очевидно, только кадеты. "Известно, что в головах молодых людей легко разыгрывается фантазия, и они, в случае какой-либо ре-

формы, основанной на соображениях, строго обдуманых людьми опытными, всегда отыскивают какую-либо ближайшую внешнюю причину.

Почтенный директор Лесного института Брейтенбах был одним из особенных поклонников розги и большей частью лично присутствовал при пользительной операции, выкрикивая громко по-немецки счет ударов, но пока он доходил до десяти, грешное тело провинившегося испещрялось иногда сотней ударов, так как Брейтенбах отвлекался, заметив во время счета где-нибудь в углу комнаты паутину или какую нечистоту, и отдавал экзекутору замечание, а затем счет продолжался. Такому наказанию подвергали только воспитанников первых 3-х классов. Однако осенью 1836 г. Брейтенбах задумал подвергнуть наказанию розгами одного довольно взрослого воспитанника 4 класса за то, что тот играл с другими в чехарду. 5 и 6 классы стали на защиту и не дали осуществить это наказание, а затем всеми классами 25 ноября пошли в Департамент государственных имуществ и устно пожаловались заместителю директора Департамента государственных имуществ, кроме неуместного наказания, и на плохую одежду, плохую пищу и пр. Тот доложил директору - сенатору Дубенскому, последний - министру государственных имуществ, а министр - царю" (*Арнольд, 1893*).

Официальный след этого происшествия Ф.К.Арнольд нашел 30 лет спустя после выпуска в архивном деле № 1177 Министерства государственных имуществ в докладе сенатора Дубенского министру финансов от 25 ноября 1836 г. за № 3291. В нем отмечено, что 19 ноября в 11 часу воспитанники 6 и 5 классов Лесного института приходили с жалобой на дурной стиль, худую одежду и невнимание начальника института к их жалобам. 20 ноября Дубенский приехал в институт и нашел там всех воспитанников в полном повиновении, но одетых крайне неопрятно; стол не довольно сытный, а припасы свежие. Всех жаловавшихся он приказал оставить в этот день без обеда. И далее: "В таковой, хотя и ребяческий, но неприличный поступок вовлечены воспитанники, как кажется, за недостатком надзора начальника института; одежда не почиивается как бы следовало, воспитанники одеты крайне неопрятно, острижены безобразно, стол, как слышно, бывает нехорош,

спальные комнаты в 1-м часу по полудни не были еще убраны, у многих кроватей нет надписей, некоторые комнатные надзиратели не совсем благонадежны, дурной запах от нужных мест распространяется по всем комнатам...

По надлежащем внушении воспитанникам о неприличности поступка их и гибельных его последствий, они чистосердечно раскаялись...

Приемля в уважение такое раскаяние воспитанников, я (т.е. Дубенский) полагал бы, по молодым их летам, достаточным для исправления их наказанием: не отпускать их в воскресные и праздничные дни из института, пока они примерным поведением и прилежанием к наукам не заслужат совершенного прощения, а как в числе их находятся 5 человек, получивших за отличие нашивки на мундиры, то до того же времени лишить их и сих нашивок...

Комнатному надзирателю Юнкману сделать строгий выговор. Г. начальнику института, поставив все оное в строжайшее замечание, подтвердить о немедленном приведении оказавшего неустройства в лучший порядок, и о деятельнейшем исполнении возложенных на него обязанностей" (*Там же, с. 224-225*).

Граф Канкрин написал на докладе: "Согласен". А 27 ноября 1836 г. последовало по этому поводу предписание начальнику института: "Впредь, в случае, если воспитанник за проступок будет подлежать телесному наказанию, то оное было бы делаемо в присутствии всех чинов комитета и полицмейстера".

Вот это-то чрезвычайное происшествие, по мнению кадетов конца 30-х годов, послужило ближайшею причиною к преобразованию института в военный кадетский корпус. Говорили кадеты, что когда государь Николай Павлович узнал о походе воспитанников с жалобой на начальника института, то спросил графа Канкринна, как он распорядился, а когда министр финансов доложил о последствиях, будто бы его величество изволил отозваться: "С барана двух шкур не дерут; раз наказание приведено в исполнение, остается только подумать о мерах, чтобы впредь не повторялось такое безобразие. В руках военных подобного быть не могло" (*Там же, с. 225-226*).

Ф.К.Арнольд писал, было ли все это так или вовсе не было ничего подобного - неизвестно, но кадеты были уверены, что все это так было.

На второй день, 25 ноября 1836 г., кадеты заметили, что никогда не подымавшийся с постели ранее 10 часов Брейтенбах, "...прибежал, точно ужаленный, в 7 часов утра. Не струсил ли какая беда? Не ждет ли он кого-нибудь из имеющих власть задать ему головомойку? В полдень приехал генерал-адъютант инспектор над межевою ротой при V отделении Его Императорского величества Канцелярии барон Деллинсгаузен в сопровождении флигель-адъютанта графа Ламсдорфа" (Там же).

Разобравшись в случившемся, они наказали кадетов 5 и 6 классов лишением обеда и очередных отпусков в выходные дни, а с отличников сняли серебряные нашивки. Комнатному надзирателю Юнкману сделан строгий выговор, а директору института - строжайшее замечание. Они же объявили, что государь император решил дать Лесному институту военное устройство. Многих кадетов эта весть обрадовала, особенно избавление от Брейтенбаха, которого очень недолюбливали, а также вероятная смена эконома, которого считали виновником дурной пищи и плохой одежды, и что будет положен конец царившей в институте свободе.



Граф П. А. Валуев,
министр государственных имуществ

27 ноября 1836 г. было высочайше повелено Лесной институт вместе с входившей в его состав школой межевщиков временно, до особого распоряжения, подчинить заведыванию генерал-адъютанта Деллинсгаузена и дела по управлению института передать из Департамента государственных имуществ в V отделение собственной его императорского величества Канцелярии. Это было преддверием передачи Лесного института в ведение будущего Министерства государственных имуществ, которое было уже в виду у графа Киселева как будущего министра государственных имуществ.

В том же 1837 г. была произведена подробная ревизия состояния Лесного института сенатором Болгарским и генерал-адъютантом бароном Деллинсгаузенем. Общий вывод проверяющих сводился к тому, что преподавание в институте "особо малоуспешно, за недостатком учителей", о чем и было доложено царю рапортом от 7 марта 1837 г.

Уже в марте 1837 г. последовало радикальное преобразование Лесного института, коснувшееся учебного процесса и внутреннего устройства. По докладу графа Киселева 22 марта 1837 г. о соединении Лесного института и межевых рот гражданских топографов и об учреждении в общем составе Института лесничих и гражданских топографов с выделением во внутреннем устройстве военного порядка по примеру военных учебных заведений, 26 апреля 1837 г. высочайше повелено:

"1) Институт лесничих и гражданских топографов учредить всего на 480 воспитанников с разделением на 4 роты: 1 роты лесничих и 3 рот топографов;

2) внутреннее устройство учредить по примеру кондукторских рот морского экипажа;

3) в институте составить образцовую роту лесной стражи;

4) общий расход на содержание института определить в 220 тыс. руб."

17 мая 1837 г. высочайшим повелением он получил наименование Лесного и межевого института.

Такие распоряжения были лишь подготовительными к выработанному уже тогда проекту полного преобразования института и устройства его по примеру кадетских корпусов.

Еще до официального учреждения Министерства государственных имуществ фактически все государственные имущества, в том числе и леса, были переданы в ведение начальника V отделения собственной его императорского величества Канцелярии графа Киселева - будущего первого министра государственных имуществ. Он приступил к организации Управления государственными имуществами, предполагая дать составу лесничих чинов военное устройство в виде Корпуса лесничих. При этом он был озабочен и контингентом для пополнения образуемого Корпуса лицами, обладающими не только специальными знаниями, но и знакомыми с характером военной службы и дисциплины, способными с честью носить военный мундир. К этому же побуждала и новая организация лесной стражи - из военных отставных и бессрочно отпущенных нижних чинов и из чинов образцовой лесной стражи при институте. Все это возможно было только при военной организации Корпуса лесничих и, как следствие, при существовании учебного заведения, призванного подготавливать лесничих - непосредственных начальников лесной стражи.

Военное устройство Лесного института, по мнению авторов *"Исторического очерка..."* (1903), было обусловлено и тогдашним отношением населения России к лесам. На лес большая часть населения смотрела как на нечто, доступное свободному безвозмездному пользованию. Искусственно созданных лесов практически не было, все леса явились помимо забот и труда человека, а поэтому преобладало мнение, что лес не есть такая собственность, как другие объекты народного хозяйства. Лесничим приходилось бороться с таким предрассудком, вселять уважение к лесной собственности и защищать ее от правонарушений. В глазах народа лесничий должен быть властью, которая олицетворялась больше военным мундиром, чем гражданским. Сохранявшееся длительное время в сельской местности понятие лесничего, как барина, как раз и было следствием отличия этого чиновника в военном мундире.

7 июня 1837 г. было утверждено "Положение об устройстве Лесного и межевого института". Проект этого Положения был подготовлен начальником V отделения собственной его императорского величества Канцелярии генерал-адъ-

ютантом Киселевым, генерал-адъютантом бароном Деллинсгаузенем, действительными статскими советниками Никитиным и Корневым, а также статским советником Клоковым.

Новое Положение регламентировало всю деятельность и внутреннее устройство реорганизованного института. Оно включало 9 глав и 106 параграфов. К нему прилагалось и новое штатное расписание.

Глава 1 определяла предназначение и состав института. Правила приема воспитанников в институт регламентировала глава 2. Устройство учебной части института, а также перечень преподаваемых дисциплин излагались в главе 3. Выпуск и права воспитанников содержала глава 4. Военское устройство, статусы офицерского отделения и образцовой роты лесной стражи представлены в главах 5, 6 и 7. Управление институтом и деятельность учрежденной хозяйственной части регламентировались в главах 8 и 9.

Главнейшими положениями, устанавливавшими лесоводственное образование и организацию института, были следующие.

1. Лесной и межевой институт имеет целью образование чиновников для лесной службы и гражданских топографов для хозяйственного размежевания и производства оценки казенных земель.

2. В соответствии с этой целью институт состоит из трех отделений: лесного, межевого и офицерского. Кроме того, при институте находится образцовая рота лесной стражи. В состав лесного отделения включен бывший Санкт-Петербургский лесной институт, а в состав межевого - находящаяся и состоящая при V отделении собственной его императорского величества Канцелярии межевая рота.

3. Институт образуется по примеру военно-учебных заведений, воспитанники лесного и межевого отделений составляют один учебный батальон из 4-х рот - одной лесной и трех межевых.

4. В каждой роте полагается по 120 казенных воспитанников. Содержание их определяется штатом и табелями.

5. Институт имеет церковь греко-российского вероисповедания с священником и церковными служителями по штату.

6. Институт состоит в непосредственном ведении управляющего Корпусом лесничих, которому вместе с этой обязанностью поручается и главное управление институтом по всем его частям.

7. Ближайшее местное управление института с зависимостью от управляющего Корпусом поручается директору.

8. В помощь директору назначаются два помощника - инспектор классов, заведывающий учебной частью, и батальонный командир, которому поручается нравственное и физическое образование воспитанников, а также надзор за приличным их содержанием.

9. При инспекторе классов находятся два репетитора, из которых один является помощником инспектора. Подчиненными и содействующими деятельности батальонного командира являются ротные и прочие офицеры.

10. Число и звание прочих чинов института определяются штатом.

11. Преподающие в институте классные чиновники считаются в действительной службе и по производству в чины и относительно пенсий пользуются правами, определенными Положением о службе по учебной части при военно-

учебных заведениях сухопутного ведомства от 27 мая 1836 г.

12. Все классные чиновники института, как и преподающие, носят мундир ведомства Управления государственными имуществами.

13. В число штатных воспитанников лесной роты принимаются преимущественно дети штатных чиновников, служащих по лесному ведомству или в Департаменте государственных имуществ. При приеме преимущество отдается детям, лишившимся отцов, а прочие кандидаты принимаются по старшинству поступивших просьб.

14. При наличии вакансий принимаются дети чиновников и других ведомств не ниже обер-офицерского звания и преимущественно сироты.

15. При возможности помещений могут быть принимаемы в лесную роту и своекоштные пансионеры из детей дворян и обер-офицеров с платой за каждого по 700 руб. в год.

16. В лесную роту принимаются дети не моложе 12 и не старше 15 лет, здорового телосло-



Церковь Лесного института

жения и без недостатков, препятствующих дальнейшему умственному их образованию и впоследствии несению лесной службы.

17. Поступающие в институт должны уметь читать и писать по-русски и знать, по крайней мере, четыре правила арифметики.

18. О каждом желающем поступить в число кандидатов или пансионеров института должны быть предоставлены управляющему Корпусом лесничих от родителей или воспитателей при надлежащем прошении документы о рождении и звании, а также свидетельство медицинского чиновника о здоровом телосложении и о прививке оспы.

19. Определение кандидатов в число казенных воспитанников производится по представлению управляющего Корпусом лесничих, главным начальником Управления государственными имуществами. Пансионеров принимают с утверждения управляющего Корпусом.

20. Своекоштные пансионеры, если они состоят в числе кандидатов на должность штатных воспитанников, пользуются преимущественным правом на заполнение открывающихся вакансий на казенное содержание по старшинству своего поступления в институт.

21. Кандидаты на вакансии штатных воспитанников, если не будут представлены в институт в течении апреля, будучи предварительно извещенными о принятии их, лишаются своего права до следующего года или вовсе, если в следующем году они будут старше определенных лет к поступлению в институт.

22. Перед поступлением в институт кандидаты и пансионеры экзаменуются инспектором классов по предметам согласно §17 и осматриваются директором института. Неспособным по физическим недостаткам или не имеющим предназначенных познаний отказывается в приеме.

23. Принятые в институт воспитанники зачисляются в один из первых двух низших классов, в зависимости от степени познаний.

24. В лесной роте устанавливать шестилетний срок обучения, по числу которых учреждаются 6 годичных классов.

25. Воспитанники, состоящие в этих классах, называются кадетами.

26. Устанавливаются обязательными следующие предметы учения:

Закон Божий;
языки - русский, немецкий и французский;
география общая и российская;
история общая и российская;
арифметика;
алгебра до уравнения второй степени включительно;
геометрия;
тригонометрия;
геодезия;
физика и начала химии;
ботаника общая и лесная;
зоология и лесная энтомология;
горо- и почвообразование;
лесоводство;
лесоохранение;
лесная таксация;
лесная технология;
лесное правоведение;
лесное счетоводство, письмоводство и канцелярский порядок;
практическое судопроизводство;
егерское искусство;
начальные основания архитектуры и морского строительного искусства;
чистописание;
рисование;
черчение планов и ситуаций.

Сверх того, воспитанники обучаются стрельбе и гимнастике. Естественные науки преподаются в виде кратких курсов, примененных к пользе в общежитии и к основательному изучению лесных наук.

27. Занятия в классах начинаются в апреле. Июль воспитанники проводят в лагере для практических упражнений применительно к лесным потребностям, а именно - для геодезических съемок, нивелирования, таксации лесов, стрельбы в цель, охоты и т.п.

28. Подробное распределение всех предметов преподавания по классам устанавливается управляющим Корпусом лесничих с утверждением главного начальника Управления государственными имуществами.

29. Для всех учебных предметов должны быть назначены особые руководства, которые и употреблять в классах, не вводя никаких других без особого на то разрешения главного начальства. Если приличных учебных книг по какому-либо предмету не имеется, то преподающий со-

ставляет по нему краткие записки, которые предварительно рассматриваются в Ученом комитете по лесной части и кадастрации.

30. Изменения в общем курсе обучения, которые впредь будут признаны полезными, делаются только с высочайшего разрешения.

31. Годичное обычное испытание воспитанников производится в марте во всех классах и по всем предметам с возможною строгостью и разборчивостью особыми испытательными комиссиями, составленными из старших преподавателей, нескольких ученых лесничих или землемеров. При испытаниях в двух высших классах

зали во всех предметах, преподаваемых в классе, отличные успехи, ко второму - хорошие, а к третьему - посредственные.

33. Воспитанники третьего разряда в лесной роте первых пяти классов оставляются еще на год в том же классе; но если и затем не исправятся, то, по распоряжению высшего начальства, возвращаются к родителям или родственникам; в случае же неимения их, размещаются по усмотрению тех ведомств, из которых они поступили, если, впрочем, со времени принятия их в институт минуло не более двух лет; если же прошло более этого времени, то распоряжение о



Горнист образцовой роты лесной стражи (слева), нестросвой (справа)



Унтер-офицер межевой роты (слева), обер-офицер межевой роты (справа)

лесной роты сверх того присутствуют в комиссии члены Ученого комитета по лесной части и кадастрации. Во всех случаях при испытаниях непременно должен присутствовать высший представитель того предмета, по которому делается экзамен.

32. По уровню знаний, показанных при годичном испытании, воспитанники разделяются на три разряда: к первому причисляются воспитанники, которые при хорошем поведении пока-

них, как и о тех, которые зачислены в институт по прошениям, делается главным начальником Управления государственными имуществами.

34. Воспитанники, сделавшиеся по болезни или иным случаям неспособными к продолжению учения, возвращаются родственникам, а в случае неимения их, принимаются на попечение правительства.

35. Воспитанники, оказавшиеся нерадивыми или с худыми наклонностями, исправляют-

ся мерами, предусмотренными в наставлении для Лесного и межевого института. Если же все эти меры окажутся недейственными и не предвидится никакой дальнейшей надежды к исправлению, то такие воспитанники исключаются из института и возвращаются родственникам. Провинившиеся в более важных проступках также исключаются из института, если моложе 16 лет, а если старше, то выписываются с высочайшего утверждения в рядовые на определенный срок, после которого, смотря по их поведению, могут быть уволены или произведены в чины.

учебном лесничестве определяются на службу; воспитанники же 3-го разряда выпускаются простыми практикантами и по выходе из Лисинского учебного лесничества зачисляются на должность помощников окружных лесничих и, если окажутся достойными, через два года представляются к производству в чин прапорщика.

38. Выпускники 1-го разряда, поступившие в офицерское отделение, по срокам производства в чины пользуются правами воспитанников учебных заведений 1-го разряда; выпущенные же 2-м и 3-м разрядом имеют права воспитанников учебных заведений второго разряда.



Воспитанник межевой роты (слева), обер-офицер образцовой роты лесной стражи (справа)



Воспитанник межевой роты (слева), топограф межевой роты (справа)

36. По окончании полного курса учения воспитанники лесной роты поступают на один год для практики в Лисинское учебное лесничество.

37. При выпуске из института воспитанники производятся: 1-го разряда - в прапорщики с зачислением после годичных практических занятий в офицерское отделение; 2-го разряда - в прапорщики и после пребывания их в Лисинском

39. Всем выпускникам выдаются аттестаты о степени их успехов в науках и о причислении их к тому или иному разряду.

40. Выпущенные с обер-офицерскими чинами воспитанники считаются между собой старшинством по успехам, оказанным на последнем экзамене.

41. Все штатные воспитанники со дня получения обер-офицерского чина обязаны прослужить по лесной части не менее 10 лет, а свое-

коштные пансионеры при желании воспользоваться преимуществами штатных воспитанников - не менее 6 лет. Время пребывания в Лисинском учебном лесничестве засчитывается в действительную службу.

42. Увольнение прежде указанных сроков может быть разрешено только главным начальником Управления государственными имуществами по причинам, особенно уважительным, или по совершенному расстройству здоровья, удостоверенному законным свидетельством двух медиков и местного лесного начальства.

43. Лесная рота имеет полную аммуницию и ружья.

44. Фронтное обучение производится с умеренностью в свободное от классов время в виде гимнастических упражнений и так, чтобы оно не отвлекало воспитанников от занятий науками.

45. В каждой роте полагается из числа самих воспитанников один фельдфебель и по одному унтер-офицеру на каждых 10 воспитанников.

46. В лесной роте полагается: ротный командир, 4 обер-офицера, 120 кадет, в том числе один фельдфебель, 12 унтер-офицеров и 12 ефрейторов; 1 каптенармус, 2 барабанщика и 3 горниста.

47. Лесная рота делится на 4 отделения, каждым из которых заведывает офицер.

48. Числящиеся в институте офицеры носят военный мундир и получают назначенные по штату оклады.

49. Офицерское отделение предназначается для подготовки отличных воспитанников лесной роты по должностям профессоров, учителей по лесным предметам в институте и ученых лесничих для высших должностей по лесной службе.

50. Офицерское отделение поручается особому надзору батальонного командира.

51. Предметы учения в офицерском отделении: лесоуправление;

лесная география и статистика;

энциклопедия лесных и камеральных наук;

государственное лесное хозяйство;

лесная химия;

объяснение в лесном музее;

упражнения в таксации лесов;

черчение.

52. Обучающиеся офицеры помещаются в зданиях института, но отдельно от прочих воспитанников, и получают жалованье по 600 руб. в год.

53. Стол дается им от института наравне с другими воспитанниками, обмундирование же и прочие расходы производятся за счет назначенного жалованья, либо собственным каждого попечением, либо в виде общей артели, по ближайшему усмотрению. Сверх того, офицеры эти пользуются от института всеми учебными припасами и пособиями, а в случае болезни - лечением в институтском лазарете, где отделяется для них особая комната.

54. Обучающимся офицерам присваивается общая офицерская форма обмундирования Корпуса лесничих.

55. Офицеры эти за проступки неважные наказываются домашним арестом или на городской гауптвахте; за вины же более важные и за нерадение исключаются из института и определяются в низшие должности лесничих по губерниям с лишением прежнего старшинства службы; за преступления же предаются военному суду.

56. Для пребывания в офицерском отделении назначается один год. Офицеры, окончившие этот курс с надлежащим успехом и по сдаче экзамена производятся в подпоручики и распределяются по усмотрению управляющего Корпусом лесничих.

57. Главное управление институтом во всех частях вверяется управляющему Корпусом лесничих на следующих основаниях:

а) он имеет бдительный надзор за институтом и отвечает за его благосостояние, распоряжается по нему непосредственно, о действиях своих докладывает главному начальнику Управления государственными имуществами и в важных случаях спрашивает его разрешения;

б) он наблюдает, чтобы все чиновники исполняли свои обязанности, чтобы между воспитанниками сохранялись порядок и дисциплина, чтобы содержание воспитанников и нижних чинов, а равно и содержание зданий, были в надлежащей исправности, чтобы учение и воинское приготовление происходило в установленном порядке;

в) с утверждения главного начальника Управления государственными имуществами он назначает жалованье преподавателям из положенной по штату суммы, по мере их достоинства и важности преподаваемого предмета;

г) управляющий Корпусом лесничих распоряжается всеми суммами института и разрешает

расходы до пяти тысяч рублей, а о расходах свыше этой суммы представляет на разрешение главного начальника Управления государственными имуществами;

д) он распоряжается посторонними доходами института, как то: чиншевые и от продажи участков из принадлежащих институту земли и заботится об увеличении этих доходов, представляя свои соображения по этому вопросу на утверждение главного начальника Управления государственными имуществами;

е) управляющий Корпусом лесничих по окончании каждого года представляет главному начальнику Управления государственными имуществами общий годовой отчет о состоянии института по всем частям с приложением замечаний относительно служения всех чинов института.

58. Директор института подчинен непосредственно управляющему Корпусом лесничих и является ближайшим местным начальником института и всех его служащих. Он непосредственно отвечает за внутреннее благоустройство и порядок института, о всех нужных распоряжениях представляет управляющему Корпусом и по получении разрешения приводит их в действие. Ему поручаются распоряжения по внутренним делам института и надлежащая по нему переписка. В случае болезни или отсутствия директора должность его исполняет один из помощников по назначению управляющего Корпусом.

59. Распоряжения хозяйственными делами по всем частям института производятся в хозяйственном комитете, который учреждается под председательством директора из инспекторов, батальонного и двух ротных командиров по назначению управляющего Корпусом. Сверх того, призывается полицмейстер, эконоом и архитектор для надлежащих по их частям объяснений.

Тогда же, 7 июля 1837 г., высочайше утвержден штат Лесного и межевого института, а директором назначен флигель-адъютант, полковник граф Николай Матвеевич Ламсдорф. В этой должности он оставался по 27 октября 1841 г., когда был назначен вице-инспектором Корпуса лесничих с оставлением в звании флигель-адъютанта. Именно на плечи деятельного Н.М.Ламсдорфа легли все заботы по реорганизации Лесного института в Лесной и межевой институт и его военное устройство.

В штате Лесного и межевого института преподавателями специальных лесных предметов состояли: А.А. Гильдеман, В.С. Семенов и А.А. Длотовский. А.А.Гильдеман преподавал лесную технологию, лесную таксацию и лесоустройство, В.С. Семенов - лесоохранение, егерское искусство, лесные законы и естественную историю, А.А. Длотовский - лесоводство. Общую и лесную ботанику, зоологию, энтомологию и орнитологию преподавал Ярошевский, а впоследствии - доктор Яновский.

В офицерском классе лесную географию и лесную статистику преподавал В.С.Семенов, государственное лесоуправление - А.А.Гильдеман, курс лесовозобновления и лесоразведения - А.А.Длотовский.

Для усиления первоначальных выпусков воспитанников из лесной роты 7 декабря 1838 г. было разрешено пригласить своекоштных студентов, окончивших университетский курс, на службу по лесной части на следующих основаниях:

а) прослушать годовой курс в высшем классе Лесного и межевого института;

б) принимать по желанию на казенный счет;

в) по окончании курса производить их в прапорщики, а после годичной практики и одного года в офицерском классе - в подпоручики.

Мера эта оказалась малоуспешной. 11 ноября 1840 г. было разрешено принимать в Лесной и межевой институт без экзамена в 5 класс лесной роты окончивших гимназический курс, а не окончивших же курса, но имеющих хорошие аттестаты, - в 4 класс. Из имеющихся ежегодно вакансий разрешено одну половину предоставить детям чиновников Министерства государственных имуществ, а другую - для студентов и гимназистов. Эта мера была преддверием к осуществлению созревшего уже тогда у министра графа Киселева плана преобразования института из 6 классов в 3-классное заведение, в которое могли поступать прошедшие только 4 класса гимназии.

В 1841 г. товарищ министра государственных имуществ Гамалея по совету директора Нейштадт-Эберсвальдской академии Пфейля предлагал производить воспитанников института в офицеры и деление их по успехам на разряды не до, а после годичной практики их в Лесинском учебном лесничестве, имея ввиду, что "для лесничего важнее практические познания, нежели теоретические". Министр с этим пред-

ложением тогда не согласился, однако высочайшим повелением 13 апреля 1842 г. оно было узаконено, о чем внесено соответствующее изменение в §52 Положения 7 июня 1837 г. Кроме того, министр приказал посылать для усовершенствования и подготовки к профессорским занятиям не в Тарандт, как это было до тех пор, а в Нейштадт-Эберсвальд и посылать при этом тех, которые окончили институт по первому разряду, прослужили не менее двух лет и на службе проявили себя с лучшей стороны.

В 1842 г. решением Ученого комитета Министерства государственных имуществ был установлен порядок назначения учителей специальных предметов. Претенденты (в *Историческом очерке, 1903* они названы "аспирантами") должны были в присутствии инспектора, старших учителей и члена Ученого комитета прочесть лекцию на заданную тему и ответить на задаваемые вопросы.

4. 5. Посещение института императором Николаем I

Период 1837-1864 гг. для Лесного и межевого института знаменателен двукратным посещением его императором Николаем I. Впечатления кадетов от этих событий запечатлелись в их памяти надолго и превратились в легенды.

20 марта 1840 г. император "осчастливил институт своим посещением... Многие подробности о царском посещении передавались долгое время от одного выпуска к другому. Государь приехал неожиданно для начальства института. Пока начальствующие лица успели прибежать, Государь был уже в рекреационном зале (ныне Большой читальный зал в Главном здании. - *Г.Р.*), окруженный кадетами. Вскоре прибыло начальство, и в то время, пока Государь обходил помещения, кадеты вытянулись строем в зале. В зале, на стене у входа, висели две витрины из карельской березы с вредными и полезными насекомыми. Левый фланг (самые малые ростом кадеты) приходился под этими витринами. Его Императорское Величество, обходя фронт, остановился у витрины с насекомыми и, улыбаясь, обратился к близ стоящему кадету с вопросом, какое насекомое наиболее вредное для лесов. Кадет тот не вкусил еще мудрости ни лесоохранения, ни лесной энтомологии и смущенный стоял, не отвечая. "Ты не знаешь,- изволил сказать

В 1844 г. для подготовки министерству хороших писарей при Лесном и межевом институте была учреждена школа писарей на 60 чел. из детей курьеров, сторожей и из воспитанников воспитательных домов. С институтом школа писарей имела связь только потому, что находилась в здании института и под главным начальством директора института. При институте с 1837 г. находилась и образцовая рота лесной стражи, выпускавшая стрелков в помощь лесничим для надзора за лесами. В 1847 г. с открытием по ведомству Лесного департамента егерских училищ образцовая рота лесной стражи была упразднена.

Межевое отделение, образованное в 1840 г. на основе существовавшей с 1832 г. школы межевщиков для подготовки гражданских инженеров, в 1847 г. было реорганизовано в особую роту Лесного и межевого института под названием инженер-топографской.

Государь,- так я тебе скажу: самое вредное для лесов насекомое называется лесничий". Рассказ об этом часто повторялся среди кадетов почти каждый раз при начале изучения вредных насекомых" (*Исторический очерк, 1903, с. 78-80*).

Рассказывали, что в то же посещение царь остался недоволен, узнав, что из назначенной по смете на содержание института суммы оказался за прошлый 1839 год остаток, так называемая экономия, образовать которую считалось среди некоторых отличием. "Это экономия на кадетских желудках",- изволил заметить его величество и приказал всю "экономия" израсходовать на улучшение пищи кадетов. Это вызвало "чувство восторга и благодарности кадетов, видевших такую заботу о них монарха" (*Там же*).

А вот как вспоминал в 1893 г. посещение императором Николаем I в 1840 г. Лесного и межевого института Ф.К.Арнольд, обучавшийся тогда в офицерском классе:

"Незадолго до экзаменов в конце марта 1840 года Государь Император Николай Павлович осчастливил Лесной и межевой институт своим посещением.

О дне и часе прибытия Императора дано было накануне знать по начальству. Поэтому сделано было распоряжение, чтобы к полудню сле-

дующего дня явились в институт в парадных мундирах все живущие в институтских зданиях преподаватели и строевые офицеры, равно и прапорщики офицерского класса.



Император Николай I

Лесная и межевая роты были выстроены каждая в своей рекреационной зале. Лесная рота под ружьем. Всех преподавателей и офицерский класс поставили в одной из комнат между двумя рекреационными залами, именно в той, в которую был вход прямо с парадной лестницы. Нынешнее расположение комнат внутри здания института совершенно изменилось против того, какое существовало в 1840 г. В то время между двумя огромными залами находились в одном

ряду три комнаты (те, которые ныне заняты помещением для заседаний Совета, канцелярией и кабинетом технологии, все такой ширины, как ныне канцелярия). Эти комнаты отделяли лесную роту от межевой. (Рекреационный зал лесной роты начинался там, где ныне конец комнаты, занятой Советом, а зал межевой роты начинался от стены кабинета технологии). Оба зала имели окна с двух сторон - в сад и во двор. В первой комнате поставлены были в две шеренги прапорщики офицерского класса и преподаватели.

Государь Император подъехал к большому крыльцу вместе с министром государственных имуществ. У подъезда их встретил директор граф Ламсдорф и приехавший несколько ранее генерал-адъютант Деллинсгаузен, бывший в то время директором 3-го Департамента государственных имуществ, в заведывании которого состоял институт.

Его Величество, пройдя в первую комнату, остановился, прежде всего, перед нашей группой прапорщиков, а затем перед преподавателями. Граф Ламсдорф докладывал, что наша группа - учащиеся в офицерском классе, а другая - преподаватели. Тут же П.Д. Киселев о чем-то говорил Государю, но я до того был растерян и смущен, что ничего не разобрал. От нас Государь проследовал в залу лесной роты. При вступлении его туда кадеты по команде взяли ружье на караул. Мы с места не сходили, так что не видели, что происходило в зале, а только слышали громкую команду на караул, и через несколько времени крик кадетов: "Здравия желаем Вашему Императорскому Величеству!" Рота дефилировала пред Государем, сперва взводами, а потом, кажется, по три в ряд вокруг залы. Затем Государь прошел мимо нас в залу межевой роты, осмотрел классные комнаты, спустился затем в нижний этаж в спальные помещения и оттуда, пройдя к главному подъезду, сел в экипаж вместе с П.Д. Киселевым. После этого нас распустили по домам.

Его Величество Николай Павлович посетил Лесной институт во второй раз 2 сентября 1846 г., но уже совершенно неожиданно, без всякого предварения. Приехал он в 12,5 часов дня, отозвался весьма милостиво о чистоте и порядке, найденных в заведении, равно и о правильной выправке воспитанников, а при отъезде своем Высочайше повелел уволить воспитанников в отпуск на 3 дня" (*Арнольд, 1893, с. 220-222*).

О вторичном посещении института императором в "Историческом очерке развития Санкт-Петербургского лесного института (1803-1903)" никаких сведений не приведено.

Для памяти потомков и в ознаменование выдающегося для института события в рекреационном зале лесной роты (сегодня это Большой читальный зал Главного здания) на стене была укреплен мраморная доска со следующей надписью золотыми буквами:

1840 года, марта 20 дня

Его Императорское Высочество

Государь Император

Николай Павлович

осчастливил первым посещением

Лесной и межевой институт

Эта доска с надписью очевидно была снята и утеряна в первые годы советской власти.

Выпускник офицерского класса Лесного и межевого института 1843 г. Н.В.Шелгунов так описал посещение Николаем I института:

"Раз Николай приехал в корпус, где я воспитывался, и приказал построиться для учения. Николай стоял перед фронтом и выдавался настолько выше всех ростом и своим величественным видом, что я одного его только и видел. В памяти у меня огромный зал - мы, кадеты "фронтом", грозная фигура Николая, да жалкий, испуганный с опущенною головою штабс-капитан фон-дер-Ноне стоял в середине фронта, в общем строе, между двумя ротами и при одной команде сделал ошибку полусаблей.

Николай взглянул на него так, что он побледнел, задрожал, и у него вывалилась из рук полусабля" (Шелгунов, 1923, с. 26).

4. 6. Положение о Лесном и межевом институте 1847 г.

С Положением 1837 г. и некоторыми его изменениями и дополнениями Лесной и межевой институт просуществовал до 1847 г., когда последовало новое довольно радикальное изменение как во внутреннем его строе, так и в рамках преподавания. Последний выпуск специалистов из Лесного и межевого института с шестилетним сроком обучения и устройством его по образцу кадетских корпусов был в 1847 г.

Уже в 1839 г. последовало распоряжение министра государственных имуществ по 3-му Департаменту государственных имуществ - составить к 1 января 1840 г. соображение о тех изменениях и дополнениях, какие оказывается нужным внести в "Положение о Лесном и межевом институте" и о Корпусе гражданских топографов. Директор института полковник Н.М. Ламсдорф в своих предложениях ограничился указаниями на необходимость увеличить сумму на содержание института на 90 288 руб. 62 коп. в дополнение к штату 1837 г. Из приложенной справки следовало, что на наем профессоров и учителей расходовалось лишь 47 тыс. руб. против 60 тыс. - в 1-м и 2-м кадетских корпусах и 70 тыс. - в корпусе горных инженеров.

Несмотря на усиленно повторявшиеся требования министра о скорейшем составлении соображений об изменении "Положения о Лесном и межевом институте" 1837 г., проект нового По-

ложения окончательно был разработан лишь в 1847 г. До "Высочайшего благоусмотрения" этот проект подвергся обсуждению в Ученом комитете Лесного и межевого института в следующем составе: председатель - директор института полковник Е.П.Швенгельм, члены - полковник Люце, подполковник В.С.Семенов, надворный советник К.Будзынский, майор А.А.Длотовский, майор Нагель, А.Боде, коллежские асессоры Грахов и Григорьев, капитаны Серебренников, Власовский и Андреев, коллежский асессор Толмачев, титулярный советник Квасков и губернский секретарь Роспини. Как видно, в рассмотрении проекта нового Положения кроме директора института приняли участие и преподаватели В.С.Семенов, А.А.Длотовский, С.А. Григорьев, Грахов, Серебренников.

Из всеподданейшего доклада министра государственных имуществ графа П.Д.Киселева царю вытекало, что после 9-летнего опыта Положение 1837 г. со всеми изменениями и дополнениями требовало существенных изменений.

Опыт показал необходимость выпускаемых институтом неклассных топографов заменить простыми межевщиками из крестьянских мальчиков и питомцев воспитательных домов, не выводя их из крестьянского звания и обучая их межевому делу практически, на самых съемках, с целью сокращения расходов на межевую часть,

с одной стороны, и закрыть путь к выходу в классные чины сословиям, не имеющим по рождению на то права, с другой. При этом существенно сокращалось межевое отделение института. Более того, для сокращения расходов предполагалось вовсе упразднить в обоих отделениях института низшие или приготовительные классы, ограничив преподавание преимущественно специальных дисциплин по лесной, межевой и инженерной частям. Появлялась возможность снизить количество казенных воспитанников наполовину без уменьшения числа выпускаемых на службу.

Новое "Положение о Лесном и межевом институте" было высочайше утверждено 10 марта 1847 г. с вводом его в действие с 1 мая 1847 г. Главнейшие его отличия от Положения 1837 г. заключались в следующем.

Прежде всего, несколько изменена цель института. Согласно § 1, Лесной и межевой институт должен был готовить офицеров для лесной службы и инженеров-топографов для Корпуса межевщиков и для должностей гражданских инженеров по Министерству государственных имуществ. В соответствии с этим в институте действуют два отделения, которые по примеру военно-учебных заведений образуют один учебный батальон из двух рот: лесной и инженерной (§ 2) по 50 кадетов - казенных воспитанников в каждой (§ 3).

Институт по-прежнему состоит в ведомстве Министерства государственных имуществ, однако в непосредственном подчинении Департаменту сельского хозяйства. Ранее институт был подчинен управляющему Корпусом лесничих. Преподаватели как классные чиновники считаются на действительной службе и пользуются правами согласно "Положения о службе по учебной части при военно-учебных заведениях сухопутного ведомства" 1836 г. (§ 9). При этом они разделяются на старших и младших. Предоставленное генералам штаба и обер-офицерам военно-учебных заведений право на получение добавочных окладов за 5- и 10-летнюю службу распространяется и на военных чинов Лесного и межевого института (§ 10).

Казенные воспитанники института, "смотря по открывающимся у них наклонностям и соображениям начальства", могут переходить из одного отделения в другое или в Горы-Горецкую земледельческую школу (§ 13).

В Лесной и межевой институт как и прежде могли поступать и своекоштные, и пансионеры, имеющие право поступления на гражданскую службу. В лесной роте было разрешено иметь 40 пансионеров, а в инженерной - 50 с платой по 200 руб. серебром в год. Поступающие должны быть не моложе 15 и не старше 18 лет, а в третий класс разрешалось принимать до 20-летнего возраста. Все поступающие в институт подвергались испытаниям перед Ученым комитетом и по уровню знаний могли быть зачислены в любой класс, кроме офицерского. Минимум знаний должен был соответствовать первым четырем классам гимназий. Сиротам и детям малообеспеченных чиновников министерства для подготовки в гимназиях к поступлению в институт установлены были стипендии. Непригодным по физическим недостаткам поступающим по осмотру медиком института в присутствии директора и инспектора классов отказывали в приеме.

Преподавание в обоих отделениях института предусматривало получение преимущественно специального образования по лесной или межевой и инженерной частям. Срок обучения устанавливался трехлетний, соответственно учреждались 3 класса в каждом отделении. В отделении лесничих преподавались: Закон Божий православного, лютеранского и римско-католического вероисповеданий, история, алгебра, геометрия и тригонометрия, геодезия, физика и химия, энциклопедия естественных наук (в частности, ботаника, орнитология, энтомология и минералогия), сельское хозяйство, лесоводство, лесоохранение, лесная таксация, включая и лесоустройство, лесопотребление, лесные законы, лесное счетоводство и письмоводство, практическое судопроизводство, архитектура, егерское искусство, рисование и черчение планов и ситуаций (§ 28).

Учебный год как и прежде начинался в апреле. В течение 6 недель воспитанники выводились в лагерь и направлялись на практические занятия по ботанике, на геодезическую съемку, лесные экскурсии, а также на осмотр строительных работ, фабрик, заводов и т. п. (§ 30).

Общеобразовательные предметы преподавались в 1 классе, а специальные преимущественно в 3-м. Экзаменовались воспитанники в марте особыми комиссиями, которые во 2 и 3 классах дополнялись членами Ученого комитета по вы-

бору председателя. Плохо успевающие воспитанники первых двух классов могли быть оставлены на второй год обучения, а 3-го класса - исключались или же, как и казеннокоштные, определялись в лесное ведомство чертежниками, если были к тому способны. В действительности эта крутая мера никогда не применялась. Плохо обучившихся воспитанников переводили в егерские училища, после окончания которых они получали должности кондукторов. Прослужив определенное число лет в этом звании, они могли получать чины и места лесничих.

После окончания полного курса обучения выпускники института получали звание кондукторов и направлялись на один год практики в Лисинское учебное лесничество. Далее по уровню проявленных в институте и в Лисино знаний кондукторы вместо прежних разрядов делились на три отделения. Причисленные к 1-му отделению производились в прапорщики и после летних практических занятий на лесоустроительных работах поступали в офицерский класс. Лесные кондукторы 2 отделения тоже получали звание прапорщиков и назначались на действительную службу местными лесничими. Кондукторы 3 отделения оставались еще на год в учебном лесничестве и если по успехам не удавались 2 отделения, то назначались на службу в чертежники или канцелярские чиновники. И это правило впоследствии применялось с некоторыми изменениями: кондукторы 3 отделения после годичной службы получали затем все права своих коллег 2 отделения.

Офицерский класс предназначался для подготовки отличных воспитанников в преподаватели разных специальных предметов в институте или к занятию высших должностей по лесной части Министерства государственных имуществ. По Положению 1847 г. в офицерском классе преподавали немецкий и французский языки, математику (повторно), лесоводство вообще, энциклопедию лесных наук, физику, анатомию и физиологию растений, геогнозию, энциклопедию камеральных наук, статистику. Впоследствии в разное время в курс офицерского класса были введены тригонометрия, государственное лесное хозяйство, метеорология (взамен физики) и геодезия. Энциклопедия камеральных наук была заменена политической экономией и сельским хозяйством, а языки немецкий и французский были отменены.

Срок обучения в офицерском классе всегда равнялся одному году. Выдержавшие экзамен прапорщики производились в подпоручики Корпуса лесничих. Именно выпускники офицерского класса составили костяк плеяды выпускников лесоводов, заложивших основы отечественного лесоводства во второй половине XIX в.

Преобразованный по Положению 1847 г. Лесной и межевой институт остался, по-прежнему, на военном устройстве. Лесная рота имела полную аммуницию и ружье. В инженерной роте полагались особого рода тесаки - клинок, заостренный с одной стороны, а с другой имел вид пилы. Тесаки же лесной роты представляли собой ножи, пристегиваемые к ружьям, как штуцеры, заменявшие в таком виде штыки. Фронтальные учения, согласно § 50 Положения, как и прежде производились "с умеренностью, в свободное от классов время, в виде гимнастических упражнений, так, чтобы не отвлекало воспитанников от занятий науками". Фактически, гимнастике обучали особо, для чего имелся и особый учитель, а на фронтное учение обращалось серьезное внимание. Кадеты лесной роты отбывали лагерную жизнь тут же в бараках, построенных в парке института, участвовали в парадах, к которым готовились весьма усердно, но всегда во внеклассное время. На парадах лесная рота вместе со школою гвардейских прапорщиков и с пажами составляли особый батальон под командой большей частью командира пажеского корпуса. На репетиции парада всегда ходили в 1-й кадетский корпус, расположенный на Васильевском острове. Как и все другие, лесная рота Лесного и межевого института проходила церемониальным маршем перед его императорским величеством и гордилась тем, что всегда заслуживала царскую милость, выражавшуюся словами монарха: "Славно, лешие!" Для разводов от лесной роты отряжался ординарец, всегда один из самых малых по росту кадетов, специально к этому подготавливающихся и твердо заучивавших установленную формулу: "К Вашему Императорскому Величеству от лесной роты Лесного и межевого института для посылок прислан" (*Исторический очерк, 1903*).

В роте полагались из лучших воспитанников 3-го класса 1 фельдфебель, 4 капральных унтер-офицера, младшие офицеры (один на 10 воспитанников) и ефрейторы. Для получения звания фельдфебеля и унтер-офицера требовались хо-

рошее поведение и военная выправка, успехи в науках при этом в расчет не принимались. Были даже случаи, когда фельдфебель не удостоивался производства в прапорщики, а выпускался на службу кондуктором. Согласно § 52 Положения в лесной роте полагались: ротный командир, 3 ротных офицера, каптенармус, 2 барабанщика и 3 горниста. В институте имелся батальонный командир.

Порядок управления институтом и хозяйственная его часть особых изменений не претерпели. Из ведения управляющего Корпусом лесных институт перешел в ведение Департамента сельского хозяйства, в котором было сосредоточено заведывание всеми учебными заведениями Министерства государственных имуществ, кроме егерских училищ. Директором этого департамента в 40-50-е годы был А.И.Левшин, бывший одесский градоначальник, отличившийся в начале 30-х годов успехами по лесоразведению.

При переходе со 2 в 3 класс кадеты на 5-6 недель, а иногда только на месяц, взамен пребывания в лагерях уезжали в лес, чаще в Долговскую дачу Царскосельского уезда или же в Лисинскую дачу и под руководством преподавателя и репетитора выполняли лесотаксационные работы, знакомились с лесом. В отдельные годы к таким поездкам присоединялись преподаватели естественных наук, и тогда практика носила комплексный характер. По Положению 1847 г. штат преподавателей значительно сократился по сравнению со штатом 1837 г., так как уменьшилось число классов и воспитанников. Сумма ежегодных расходов для Лесного и межевого института была определена по штату 1847 г. в 86 тыс. руб., в том числе собственно на учебную часть - 25 тыс. руб. На эти же средства содержался и не предусмотренный штатом ансамбль музыкантов, под игру которого кадеты маршировали во время фронтовых упражнений и танцевали по праздникам друг с другом, а иногда и на роскошных балах, которые устраивались в залах института и охотно посещались лучшим петербургским обществом.

Ликвидация первых трех подготовительных или низших классов с сокращением срока обучения и прием только окончивших 4 класса гимназии негативно была встречена в семьях лесного мира, так как ставила их в более тяжелое положение при подготовке детей для поступления в Лесной и межевой институт.

Вот эти правила.

1. С уничтожением в Лесном и межевом институте нижних классов взамен воспитания, которое получали в них сироты и дети чиновников Министерства государственных имуществ, для недостаточных из числа их устанавливаются стипендии, имеющие целью дать им возможность приготавливаться в гимназиях к поступлению в институт.

2. На получение стипендии имеют право сироты чиновников, умерших на службе по ведомству Министерства государственных имуществ, и дети чиновников, состоящих на службе по своему ведомству не менее 10 лет.

3. Стипендии разделяются на 2 степени: первая 100 руб., а вторая 75 руб. в год на каждого малолетнего.

4. На стипендии первой степени имеют право дети чиновников, умерших на службе, а также дети недостаточных чиновников, имеющих по службе своей постоянное место жительства в городах, где нет гимназий; стипендии второй степени назначаются детям недостаточных чиновников, живущих постоянно в городах губернских или таких уездных, где есть гимназии.

5. Малолетние должны быть предварительно зачислены в кандидаты, о назначении же стипендий должны быть: а) для сирот - особые прошения матери, опекунов или посторонних, у которых они состоят на воспитании, с приложением свидетельства гражданского губернатора и губернского предводителя дворянства о недостаточности состояния, б) для детей, состоящих на службе чиновников,- представления начальства с верным засвидетельствованием о недостаточном состоянии, об усердии к службе, способностях и пользе, приносимой чиновником. В обоих случаях должно быть означено, в какой именно гимназии будет обучаться малолетний.

6. Стипендия назначается с разрешения министра государственных имуществ по представлению Департамента сельского хозяйства из суммы, по штату на этот предмет назначенной.

7. Стипендия назначается не ранее 12-летнего возраста и производится не более как в течение 4-х лет по числу 4-х классов гимназии, которые они должны пройти для приготовления их к поступлению в институт. Она отпускается вперед за полгода через местную палату государственных имуществ, которая обязана наблюдать,

действительно ли малолетний находится в гимназии; в случае же выбытия его немедленно доложить о том Департаменту сельского хозяйства для распоряжения о прекращении стипендии.

8. Если в семействе, которому уже производится стипендия на одного сына, будет другой сын, который также достигнет 12-летнего возраста и будет иметь право на получение стипендии, то таковая может быть назначена ему только в половинном количестве; более же двух родных братьев в одно время не могут получать стипендии.

9. Прием стипендиата в институт на казенное содержание производится по достижении им узаконенных лет и очереди по кандидатскому списку; по сделанному Департаментом сельского хозяйства объявлению и по достижении очереди родителям, опекунам и т. д. дозволяется оставить малолетнего в гимназии еще на один год, если он еще недостаточно приготовился для поступления в институт, но они обязаны об этом заблаговременно уведомить Департамент сельского хозяйства; если же этого не будет исполнено и малолетний не прибудет в институт к назначенному сроку или если прибудет, но не выдержит экзамен для поступления в первый класс, то ему хотя и предоставляется право поступить в институт при будущих приемах по экзамену, но уже не на правах детей чиновников Министерства государственных имуществ, а как постороннему, т. е. в том случае, когда за помещением кандидатов из детей чиновников этого министерства будут оставаться вакансии и если он не вышел еще из лет.

Вскоре после 1847 г. по ходатайству Департамента сельского хозяйства в учебный план была введена самостоятельная дисциплина "Теория добывания торфа", ранее кратко преподававшаяся в курсе "Лесная технология". Такой курс несколько лет в порядке опыта по решению комитета читал преподаватель Боде по собственному его курсу "Anleitung zum Torfbefriebe in Russland" с практическими занятиями на участке примерно в 454 м² (100 кв. саженей) на институтской земле - в подгорной части и на боровом месте по новой объездной дороге.

В 1851 г. впервые был разрешен прием в Лесной и межевой институт финляндских пансионеров. По окончании курса обучения они возвращались в Финляндию, не получая тех прав, которые присваивались русским. Правила при-

ема финляндских пансионеров, утвержденные 10 января 1851 г., состояли в следующем.

1. Пансионеров содержать 10 с платою за каждого по 200 руб. в год.

2. Кандидатов избирать на вакансии финляндскому начальству при окончательном утверждении генерал-губернатора; в институте производилась проверка знаний и освидетельствование физического состояния кандидатов.

3. При приемном экзамене не требовать основательных познаний русского языка.

4. Допускать пансионеров в высшие отделения и даже в офицерский класс, смотря по достоинству, но без предоставления им при выпуске чинов или других прав службы по российским губерниям, так как они предназначаются исключительно на службу в финляндские управления, где иерархия определяется не чинами, а местами, действительно каждым занимаемыми; означать в аттестатах, из какого отделения или класса они выпущены, чтобы финляндское начальство могло по этим аттестатам судить о их познаниях и сообразно с тем определять их к должностям.

5. Отдавать преимущество кандидатам, знающим русский и немецкий языки, перед теми, кто имеет свидетельство в освоении только русского языка, а при недостаточном знании языка требовать, чтобы знали язык немецкий, имеющих же познания недостаточные и в том и в другом языке в кандидаты не принимать.

Сколько было принято в институт и подготовлено специалистов для Финляндии, сведений не имеется. Достоверно известно, что в 1856 г. Лесной и межевой институт окончили 3 финляндских пансионера: Адольф Цвейберг, Эдуард Гадолин и Эдуард Гешвенд, в 1857 - один, Виктор Винберг, в 1858 г. - двое, Эдуард Блюменталь и Андрей Моринг. Институт лесоводства в Финляндии (Evo Forestry Institute) был учрежден в 1862 г., закрыт в 1866 г., а в 1874 г. вновь был открыт под названием Императорского университета (имени имп. Александра I) для подготовки лесных специалистов.

15 октября 1852 г. последовало высочайшее повеление: воспитанников Лесного и межевого института, исключаемых за слабые успехи в науках, в случае неприятия их родственниками на свое попечение переводить в учреждаемые при Министерстве государственных имуществ егерские училища с тем, чтобы затем выпус-

кать их на службу кондукторами и производить в офицеры не ранее 3-х лет службы с экзаменом по специальной программе и только в таком случае, когда они будут достойны того по примерному поведению и усердию к службе.

По спискам выпускников института видно, что эта мера была применена лишь один раз. А именно, в 1852 г. переведены были из института в Лисинское егерское училище Н. и П. Краковские, П. Иванов и Н. Коробов.

4.7. Изменения в Положении об институте 1858 г.

5 июня 1857 г. Лесной и жеговой институт был передан из ведения Департамента сельского хозяйства в ведение Лесного департамента. Вскоре, а именно уже в 1858 г., для разработки некоторых изменений в Положении 1847 г. был образован особый комитет под председательством помощника главного директора жегового корпуса генерал-майора Гедеонова.

В состав комитета вошли лесоводы: исполнявший должность директора Лесного и жегового института генерал-майор В.С.Семенов, статский советник Е.А.Петерсон и директор Лисинского учебного лесничества полковник К.Б.Бекман. Уже 21 июля 1858 г. по всеподданнейшему докладу министра государственных имуществ выработанные комитетом изменения были высочайше утверждены. Они касались перенесения некоторых предметов из кадетских классов в офицерские, а также практических занятий всех кадетов в Лисинское учебное лесничество.

Самые существенные изменения заключались в следующем.

1. Воспитанников, которые по всем предметам 3-го класса лесной роты и учебно-практического курса в Лисино и по поведению получают полное число баллов, производить, в виде особого отличия и поощрения в будущей службе, в чин подпоручика, как это принято при выпуске воспитанников из Константиновского жегового института (Москва).

Получивших на экзаменах не менее 4/5 баллов, как в сумме по всем предметам, так и порознь по каждому специальному при полном числе баллов в поведении, производить в прапорщики. Кондукторов же, аттестованных на экзаменах 3/5 числа баллов в общей сложности и порознь по каждому специальному предмету при 3/4 баллов в поведении, выпускать помощниками лесничих с чином XIV класса. Остальных кондукторов, не удовлетворяющих изло-

женным выше условиям, отправлять на действительную службу со званием лесных кондукторов без чина.

2. Выпущенных из Лисинского учебного лесничества подпоручиков и прапорщиков также, как и помощников лесничих с чином XIV класса и кондукторов, в течение первых двух лет службы не назначать к отдельным должностям, кроме особо уважительных случаев по усмотрению министра государственных имуществ, а посылать в летнее время для производства разных учебно-технических лесных работ, а на зиму прикомандировывать к палатам государственных имуществ под особое наблюдение и распоряжение управляющих палатами и более опытных образованных губернских лесничих с тем, чтобы лица эти употребили всевозможное старание к ознакомлению молодых людей с действиями круга обязанностей лесничего.

3. Поскольку офицерский класс лесничих не имеет самостоятельного направления образования, ограничен по объему курса и приему в него молодых людей, мало знакомых с лесом, и поэтому не вполне достигает цели своего назначения, существующий годичный курс изменить на двухлетний.

4. В офицерский класс принимать подпоручиков и прапорщиков, выпущенных из Лисинского учебного лесничества и проработавших не менее одного года на действительной службе, при условии, однако, чтобы те и другие при одобрительной аттестации местного начальства в служебной и нравственной благонадежности знали бы достаточно один из иностранных языков, преимущественно же немецкий, и выдержали бы перед поступлением в офицерский класс общее испытание в специальных предметах и приобретенных ими практических сведениях. Составление подробных правил и порядка преподавания предоставить министру государственных имуществ.



5. Обучающимся в офицерском классе предоставить: казенное помещение в зданиях института, стол наравне с прочими воспитанниками, пользование от института всеми учебными припасами и пособиями, а в случае болезни - и лечение в институтском лазарете, и, кроме того, сохранение полных окладов денежного содержания, присвоенных званию запасных лесничих.

6. Получивших при окончании офицерского курса не менее 4/5 баллов по всем предметам и аттестованных отлично в поведении награждать следующими чинами и, по усмотрению министра государственных имуществ, распределять в разные должности.

7. Офицеры, не поступившие в офицерский класс, равно как и помощники лесничих с чином XIV класса, при одобрительных отзывах местного начальства могут быть через 2 года после выпуска из Лисино, определяемы к отдельным должностям, по усмотрению министра государственных имуществ. Выпущенные же со званием лесных кондукторов представляются, после трехлетнего срока, к производству в чин XIV класса, если только со стороны местного начальства последует одобрительная аттестация в их служебной и нравственной благонадежности.

8. Офицеров Корпуса лесничих, бывших в офицерских классах, равно как и прямо поступивших на службу, за дурную их нравственность и вообще служебную неблагонадежность переименовывать, по усмотрению министра государственных имуществ, в соответствующие гражданские чины.

Тот же комитет выработал и ниже изложенную программу, или Положение, для летних занятий воспитанников 1-го и 2-го классов Лесного и межевого института, утвержденную министром государственных имуществ 11 июня 1858 г.

1. По окончании годовичного экзамена в лесной роте Лесного и межевого института воспитанники всех трех классов отправляются в Лисинское учебное лесничество, а именно: 1 и 2 классы - на летние месяцы для практических занятий, а 3 класс, в звании кондукторов, - на один год для изучения практического лесоводства и упражнения в съемочных работах.

2. Главная цель практических летних занятий воспитанников в Лисино должна между прочим заключаться и в том, чтобы ознакомить их с лесом, развить любовь к нему и приучить переносить

физический труд с добросовестным исполнением обязанностей каждого лесничего.

3. Воспитанники отправляются в Лисино под начальством ротного командира и двух дежурных офицеров при достаточном числе прислуги. Сверх того, по распоряжению начальства командирован для руководства воспитанников в практических занятиях необходимое число офицеров Корпуса лесничих и топографов.

4. Ротный командир состоит под непосредственным начальством директора лесничества и в качестве начальника лагеря заведывает нравственной и хозяйственной частью в нем, а также наблюдает за точным и совершенным выполнением воспитанниками расписаний занятий.

5. Для наблюдения за общим порядком и чистотою в лагере учреждается постоянное суточное дежурство из одного ротного офицера и двух воспитанников.

6. Как ротные офицеры и воспитанники, так и господа преподаватели во всем должны строго следовать правилам, существующим в Лисино в отношении общего порядка по заведению, охоте и пр.

7. Отпуск воспитанников в столицу во время пребывания в Лисино дозволяется с разрешения директора его только в случаях крайней необходимости.

8. Чтобы возможно было следить за прилежанием и усердием воспитанников, а равно для большего успеха в занятиях, каждый класс делится на несколько партий, из которых каждая должна заключать в себе не более 8 человек. Состав партий относительно успехов воспитанников должен быть по возможности равномерен. В каждую партию назначается в качестве старшего воспитанник, получивший как на последнем экзамене в институте, так и по поведению отличные баллы. На его ответственности должен лежать ближайший надзор за добросовестным и непререкаемым выполнением товарищами возложенных на них занятий, а также и за сохранностью инструментов, употребляемых на практике. Таким образом, все экскурсии, работы по съемке и нивелировке, вычисление пробных частей леса производятся отдельными партиями, каждая под руководством особого наставника или под надзором старшего воспитанника.

9. Воспитанники встают в 6 часов утра, одеваются, молятся Богу и завтракают. В 7 часов отправляются на практические занятия. Если такие



производятся ими в недалеком от лагеря расстоянии, то к 12 часам возвращаются обратно, обедают в 1 час пополудни и вновь выходят на работы в 15 часов 30 минут, с которых возвращаются в 19 часов 30 минут. Ужин в 20 часов. Если занятия воспитанников производятся в нескольких верстах от лесничества, то им следует давать с собою в лес завтрак, а по возвращении домой к ужину усилить его блюдами, следовавшими к обеду. В 23 часа воспитанники ложатся спать. Таким образом в течение суток воспитанники употребляют на сон 7, на занятия - 9, на одевание, завтрак, обед, ужин и отдых - 8 часов.

Как во время отдыха в лесу, так и в лагере воспитанники используют часть времени для разбора и определения собранных растений и насекомых и записывания разных сведений в дневник.

10. Смотря по успехам работ, директор лесничества еженедельно делает расписание занятиям, которые должны заключаться в следующем.

По прибытии в Лисинское учебное лесничество воспитанники должны начаться работы в семяносушильне и в постоянном питомнике.

В первой им показывается способ добывания семян из шишек хвойных пород и определение их годности; в питомнике они займутся посевом этих семян, а равно и семян других древесных и кустарниковых пород, и пересадкою разного возраста саженцев и затем примут участие в производстве культур на лесосеках и осушаемых болотах в Лисинской даче. Занятия эти соединяются с ботаническими экскурсиями и ознакомлением молодых людей с лесонасаждениями в Лисинской даче и продолжаются по 10 июня.

По окончании ознакомления с культурными породами воспитанниками производится обзор наиболее замечательных частей Лисинской дачи, а равно и близлежащих помещичьих и крестьянских лесов, с целью усвоить себе характер растительности лесонасаждений при различных местных условиях, при этом обращается особое внимание на обсеменение вырубленных лесосек, обсуждаются условия, заставившие предпочесть разного рода рубки и возобновление, выгоды и недостатки их в данной местности. В то же время осматриваются болота Лисинской дачи, причем объясняется воспитанникам происхождение их и обстоятельства, благоприятствующие им, способы осушения болот и добывания торфа.

Попеременно с этими экскурсиями и работами воспитанники для изошрения глазомера в определении размера и объема единичных деревьев и запаса целых насаждений должны в особенности заняться вычислением пробных частей леса в участках разных пород и возрастов, а для основательного практического изучения переугливания леса с первых же дней приезда в Лисино начать работы в лесотехническом заведении складкою костров, чтобы иметь время изучить последовательность работ в этой важной отрасли лесной технологии. Занятия эти продолжают до 1 июля. Затем, по достаточному ознакомлению с лесом, воспитанники приступают к производству съёмочных работ. Воспитанники 1-го класса займутся топографической съёмкой и нивелированием окрестностей лесничества и по возможности должны быть ознакомлены с лесной съёмкой; воспитанники 2-го класса производят съёмку, описание, таксацию и нивелировку данной части Лисинской дачи, согласно правилам инструкции для устройства лесов.

Занятия по съёмке должны быть окончены к 15 августа, а с этого времени по день отправления воспитанников в институт они будут заниматься исключительно в лесотехническом заведении добыванием смолы, скипидара, гарниуса, дегтя, угля и сбором приспевающих к тому времени семян кустарниковых и древесных пород.

11. Для отчетности и наблюдения за работами и прилежанием воспитанников учреждаются два рода журнала: классный и партионный. В классном преподаватель аттестует баллами тех воспитанников, работы которых он осматривал, отмечает воспитанников, по каким-нибудь причинам не бывших на работах или в чем-либо провинившихся. Журнал этот хранится у ротного командира, который ежедневно представляется директору лесничества. Партионные журналы выдаются в каждую партию, в которых начальники обязаны отмечать, чем их партия занималась в течение дня, кто именно из воспитанников производил работу и не было ли отсутствующих.

Кроме того, в этом журнале должна быть оставлена графа для отметки начальства, посещающего партии. Журналы эти по окончании летних занятий представляются начальству института. Сверх того, каждый воспитанник обязан вести дневник, в который подробно вносить все виденное и объясняемое преподавателями во

время съемки, лесоводственных и биологических экскурсий. Каждый из воспитанников обязан ежедневно проверять занятия подлежащих ему партий; ежели же по какому-нибудь случаю не успел бы этого сделать, то непременно обязан осмотреть исполненные воспитанниками работы по приходе в лагерь.

12. Ежедневно воспитанники упражняются в стрельбе по цели под руководством состоящего при лесничестве обер-егеря в присутствии ротного командира. 1 августа в день, назначенный для призовой стрельбы егерей, они принимают в ней также участие. Для большего соревнования в стрельбе и при значительном числе состязающихся число до этого назначавшихся призов следует удвоить.

13. В дождливые дни воспитанники занимаются повторением наиболее важных предметов теории, пройденной в институте, составлением гербария, работами с микроскопом, приведением в порядок дневников и т. п.

14. Занятия воспитанников должны быть по возможности часто проверяемы в лесу и на дому комиссиею из директора лесничества и состоящих при нем двух лесничих, в обязанности которых входит и главное руководство летних практических занятий воспитанников. Цель комиссии должна заключаться преимущественно в том, чтобы убедиться, действительно ли каждый из воспитанников в должной мере принимает участие в занятиях. Для проверки служат черновые планшеты, дневники воспитанников, партионные и классные журналы и подробные объяснения произведенных работ на самом месте в лесу.

15. По окончании летних занятий в Лисино каждый воспитанник аттестуется по успехам и усердию в занятиях, а равно и по поведению, директором лесничества с господами наставниками. Аттестация составляется в двух экземплярах: один представляется в Лесной департамент, а другой сообщается начальству института.

Мы намеренно полностью воспроизвели программу летних учебных практик воспитанников Лесного и межевого института после 1858 г. Такой же насыщенной она была и во все последующие не только годы, но и десятилетия, несмотря на вносившиеся с течением времени изменения. Такая практика в летние месяцы в течение трех лет обеспечивала высокий уровень подготовки лесных специалистов в Лисинском учеб-

ном лесничестве. Многие из воспитанников института с благодарностью вспоминали время учебы в Лисино.

Лесной и межевой институт в такой организации и при такой структуре учебного процесса в 50-е годов XIX в., по мнению авторов *"Исторического очерка"* (1903), представлял собой органическое сочетание собственно двух учебных заведений под общим управлением и в общем строе: среднего, курс которого оканчивался лисинскою практикою, и высшего с курсом офицерского класса. Окончившие курс в первом замещали должности лесничих, что вполне соответствовало тогдашнему положению лесного хозяйства и представляемым им требованиям к технике. Выпускники офицерского класса назначались исключительно на лесоустроительные работы. Лесоустройство, закладывающее основу рациональному хозяйству, почиталось настолько важным и серьезным делом, настолько ставилось высоко в цикле лесохозяйственных работ, что к нему даже не допускались не прослушавшие курса в офицерских классах. К сожалению, впоследствии, да и в наше время, как известно, такое направление радикально изменилось.

О быте, нравах и муштровке кадров в первые годы Лесного и межевого института (1838-1843 гг.) свое видение оставил нам Н.В.Шелгунов в своих *"Воспоминаниях"*:

"За институтом, в так называемых "третьих кустах", был пруд, в котором нам запрещалось купаться, потому что в нем были ключи. Но смельчаки на запрещения не обращали внимание. Один из таких смельчаков был раз пойман на месте преступления и приговорен к розгам. Против розог протеста никакого быть не могло: за ним было гражданское и обычное право, но протест мог явиться против "количества". Приговоренный к розгам Ильин объявил товарищам, что если ему дадут более пятидесяти ударов, то он ударит инспектора. Когда Ильина потребовали наверх (мы уже знали, что это значит), нами овладело тревожно-лихорадочное чувство. Ильин не возвращался, и ожидание стало еще напряженнее. Но вот разносится слух, что Ильин посажен в карцер. Несколько дней инспектор не показывался в классах. Наступило какое-то томительное напряженное состояние, чего-то мы ждали, чего-то боялись. Опять новый слух: Ильин увезен в солдаты. Затем, через

несколько дней, приехал в институт офицер в инженерной форме, построил нас в зале во фронт и так на нас кричал, так он нас бранил, что ни прежде, ни после мне уже не случалось слышать ничего подобного. Присланный офицер оказался капитаном Каменским, лично государем назначенный к нам в ротные командиры. Мы превратились из штатских в военные. Вместе с Каменским явились солдаты, барабанщики, горнисты, дежурные офицеры, и наши прежние мирные надзиратели, штатские служащие, и весь наш мирный быт, может быть и своевольный, но тихий и простой, в котором нам жилось хорошо и спокойно, исчез также внезапно, как меняются декорации в театре. Исчезли и Комаров и Сорокин...

Окончился героический период нашей жизни. Наши игры и рассказы в зимние вечера - все это кончилось, и исчезла вся поэзия детской жизни. Теперь как-то вдруг мы стали взрослыми и серьезными. Нас причесали, одели; в залах и спальнях завелся паркет, в классах явилась лакированная ясеневая мебель, и в свободное время, когда мы прежде играли и рассказывали сказки, нас учили маршировке, ружейным приемам, гимнастике и танцам. Даже маленькие теперь уже не возились, а только прогуливались кругом по паркетному залу и огромному манежному коридору, с серьезным видом, точно большие...

Теперь все это (дружба со студентами медицинской академии) кончилось, и нам даже запрещали бегать и возиться. Прежде казового конца у нас не было: какими мы были, такими и были. Теперь же, когда кончались классы, мы должны были приводить себя в порядок. "Порядок" считался весьма существенной частью "поведения" и в воспитательной программе капитана Каменского занимал видное место. Вся его программа состояла из трех пунктов: "поведение, учение, фронт". Каменский до того часто повторял нам эту "формулу прогресса", что мы знали ее наизусть. Оставляя классы, мы вступали в область "поведения и фронта", которые требовали особенного внимания и осмотрительности; запачканные куртки или неприглаженные волосы вызывали иногда целую бурю. Каменский наказывал за каждую мелочь и особенно преследовал за "волосы" (длинные волосы считались в то время признаком своеволия и непокорности).

Впрочем, военная цивилизация имела и свои светлые стороны: Каменский и дежурные офи-

церы старались развивать в нас чувство рыцарства и товарищества; жалоб друг на друга не допускалось, и начальство на этот счет держалось правила той капитанской жены, которая говорила: рассуди, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи. Раз был такой случай. Каменский приходит к нам в один класс (это был последний, выпускной класс) и объявляет, что один из наших товарищей - шпион и доносит ему, что такие-то и такие-то воспитанники посещают по субботам известные дома. Сделав этим воспитанникам замечание, Каменский отдал шпиона на наш суд. Как раз в это же время шпион был уличен и в краже (украл у товарищей часы). Класс порешил шпиона исключить, и его исключили.

В классах мы делали много глупостей; и для этого в нашем распоряжении были два часа: час вечером и час утром, когда мы должны были готовить уроки. Этих глупостей в штатные времена у нас не бывало. Умственный уровень был тогда выше: старшие воспитанники действительно были старшими и держали себя солидно. Теперь же Каменский кричал на всех без разбора, а Ламсдорф сек, торжественно, при фронте, сопровождаемый большой свитой. Какая же эта школа для достоинства? И вот, запершись в классе, мы передразнивали наше начальство, пели пародии на молитвы, служили обедни и молебны, пели солдатские непристойные песни в барковском стиле (из какой казармы они к нам попали - не знаю), декламировали трагедии Баркова. Подобные молебны, в которых я хотя и не принимал прямого участия, но при которых всегда присутствовал и даже подтягивал в хоре, несколько не помешали мне потом плакать над Библией и мечтать сделаться проповедником. Фоблас и барковщина тоже ничему не помешали. Должно быть этот промежуток в нашей жизни был вроде каменного периода, его создавали улица и казарма, к которой нас теперь привязали. И разве Каменский, Ламсдорф и их военный режим могли создать какое-нибудь направление, кроме казарменного и кроме обучения с барабанщиками и горнистами, посвящавшими нас в тайну бытия?

Наука нам тоже не давала направления, потому что у нее и самой его не было. Да и какое направление могли дать такие механические знания, как орнитология, энтомология, дендрология, технология и другие специальные предметы

в их тогдашнем мертвящем преподавании, требовавшем только зубрения? Комарова и Сорокина теперь уже не было, и режим, проводимый Каменским, мог сделать из нас только барабанщиков. И вот мы росли, как растут жеребята, - "естественно". Официально нас не воспитывали, а дрессировали; официальная наука была уже дрессировкой, а между тем живой душе нужен выход, и мы нашли его в нашей классной жизни, когда мы пользовались полной свободой. В этом, конечно, были хорошая сторона военного воспитания, требовавшего видимой, формальной дисциплины и не заглядывавшего в душу. А какая бы ни была наша детская душа, она все-таки была живая душа, чтобы развиваться сама по себе; нутро же оставляли целым, точно ни для высокого, ни для классного начальства его не существовало.

В нашем, выпускном, классе к нам влилась новая свежая струя в виде поступивших шести или восьми поляков. На 30 воспитанников класса это был хороший процент. Поляки были на целую голову выше нас. Они уже думали, а мы только шалили, они кое-что видели, а мы только маршировали.

С поступлением поляков наши интересы облагородились и расширились. Начались политические разговоры. Это случилось, конечно, не сразу и даже не в первый год, а уже после выпуска в первом офицерском классе. Тут у нас было больше досуга для разговоров и суждений.

... Другая особенность старой военно-политической системы заключалась в том, что она не давала ни одной свободной минуты для передышки. Все время было занято, и для бесед и чтений досуга уже не оставалось. В "штатские" времена мы много читали: 9-10-летним ребенком я читал гораздо больше, чем потом почти взрослым. Наше военное начальство книг не признавало (вообще оно было необразованно, а Каменский даже говорил неправильно, за что мы и прозвали его "жидом") и мы их не видели, да, правда, и времени не было, чтобы читать. Входило ли такое многозачтение в программу воспитания, чтобы мы меньше думали, я этого не знаю, но я знаю, что результат получался тот, что мы жили исключительно инстинктами (хорошими или худыми, какие у кого были), а умственно чахли и суживались все больше и больше на тесной специальности и механическом мышлении. Что для нас было закрыто чте-

ние, это, конечно, предохраняло нас от "идей", но в то же время постоянно подавляемое чувство свободы и жизнь под мелочными запрещениями вызывало в нас самую опасную идею - неповиновение, а с нею будили и инстинкт разрушения. Связь, которою держался наш порядок, была чисто внешней. Стоило ей только как-нибудь ослабнуть, чтобы все отдельные интересы распались и запротестовали. Каменский, конечно, ничего этого не понимал и ни о чем подобном никогда не думал; то же, вероятно, повторялось и с людьми, которые стояли повыше его. Во всяком случае, и у них не было силы создать лучший порядок; тот же, который они созидали, сам в себе заключал и начало распада ...

В сущности мы росли в привычках неповиновения и отрицания. Дорожить нас не приучили ни чем, уважать мы тоже ничего не уважали; но зато начальство, и особенно Каменский, старательно водворяли в нас чувство страха...

На таких примерах (имеется в виду растерянность и страх штабс-капитана фон-дер-Ноне перед царем Николаем I) и проникались спасительным страхом, и мне думается, что этому много помогало фронтовое учение. Бывало стоишь на солнцепеке, на Царицыном лугу в майский парад, в полной амуниции (а у нас она была черная, лакированная), и держишь на "караул" больше часа, и не шевельнешь ни одним пальцем, только замрешь; а музыка, трубы, барабаны гудят, трещат, пищат, производя одуряющий гам и грохот, - не чувствуешь даже, как сердце бьется, замирая, и хорошо и страшно: хорошо оттого, что много шума, а страшно - не знаешь отчего. Затем, как эхо, передается команда за командой, и начинается церемониальный марш. Памятен мне один подобный церемониальный марш. Ночью шел проливной дождь и на Царицыном лугу образовались большие лужи; я был унтер-офицером и шел в замке - значит, на виду. Подходя к месту, где стоял император с огромной блестящей свитой, когда хор наших музыкантов перешел в сторону и это значило, что мы приближаемся к грозному судилищу, я совсем застыл, перестал понимать и видеть; я чувствовал только, что на меня устремлены сотни глаз, и, вытягивая носки, отбивал ногами по всем лужам, твердо помня только, что я должен смотреть в чей-то затылок, чтобы не потерять прямой линии. Вообще мы росли в ка-

ком-то бессознательном страхе перед властью, и вполне я освободился от этого чувства только очень поздно...

Тогда даже детей секли, как солдат. У нас в корпусе был воспитанник, которого секли 18 раз. Моему товарищу, мальчику 12 лет, дали 250 солдатских ударов двухаршинными розгами. Это была картина возмутительная, не только по ненужной жестокости, но и по ее торжественной тупости. Нас выстроили в зале фронтом. Потом солдаты принесли скамейку и огромный пук розг, длинных, тонких, рассчитанных на боль. Затем фронту скомандовали "смирно", и среди воцарившейся мертвой тишины - директор (Н.М.Ламсдорф) с блестящей свитой. Мне даже как будто помнится, что свига была в мундире, точно она пришла на праздник. "Климш",- выкрикнул директор, и несчастный Климш выступил из фронта. Директор сказал назидательную речь, которая к нам относилась, пожалуй, боль-

ше, чем к Климшу (и секли его, как видно, только в назидание нам), и закончил ее приказанием: "Ложитесь". Началась возмутительная сцена насилия над 12-летним ребенком. Несмотря на всю строгость военной дисциплины, весь фронт повернул головы в сторону. Во все время наказания Климш не издал ни одного стога, но встал бледный, как полотно. Через полгода его исключили, потому что он бросил учиться и не ставил начальство ни во что...

Когда, бывало, измученные, мы маршировали не прямою линией, вогнутою, середина западала, а фланги выдавались вперед, или еще того хуже, шли линией ломаной, точно вразброд, а ружья едва держали в отекавших руках, тут-то Каменский на нас и набрасывался: "Бабы, чепчики на вас надеть, метлы вам в руки..." - закричит он громовым голосом, и каждый из нас боялся, что вот-вот его сейчас Каменский вытащит из фронта ..." (*Шелгунов, 1923, с. 247*).

4. 8. Директора и преподаватели Лесного и межевого института

Реорганизация Лесного института в Лесной и межевой, разработка и воплощение в жизнь нового Положения о нем 1837 г., переустройство на военный лад по примеру кадетских корпусов, окончание строительства главного учебного корпуса - все это пало на плечи энергичного нового директора Николая Матвеевича ЛАМСДОРФА (1804-1877). В 1837 г. в Лесном институте в 6 классах учились 132 чел. и 72 - в школе межевщиков. В высшем 6 классе имелось всего 9 воспитанников. Нехватало преподавателей. Многие из них были слабо подготовленными для педагогической работы. Среди воспитанников наблюдалась вольница. Случались в институте пьянство и драки, даже среди учителей. Об одной из них сообщалось в переписке института Министерства государственных имуществ. Подрались явно после крутого кутежа ученый лесничий преподаватель Зоренфрем с полицеймейстером института Фишенбахом.

Н.М. Ламсдорф происходил из семьи, приближенной к императорскому двору. Отец его, М.И.Ламсдорф, с 1800 г. был воспитателем сыновей-царевичей Павла I - Николая и Михаила. Его щедро награждали за усердную службу. Милости, оказанные отцу, очевидно способст-



вовали продвижению по службе и его сына, названного в честь царственного воспитанника тоже Николаем.

В 1818 г. Ламсдорф окончил Пажеский корпус и был пожалован в камер-пажи, хотя и служил в лейб-гвардии Преображенского полка. В 1823 г. он - адъютант батальона, в 1826 г. - флигель-адъютант, в 1829 г. отличился в боях с турками, затем умирал восставших поляков. В 1832 г. Ламсдорф перешел уже в штаб по управлению Пажеским и всеми другими кадетскими корпусами.

Возможно, помня с детства сурового, но справедливого старого Ламсдорфа и, конечно, зная его сына, царь и назначил последнего директором Лесного и межевого института. Вскоре был расширен и укомплектован преподавательский состав института. Кончилась и студенческая вольность. Вставать и ложиться лесникам с приходом нового директора пришлось под звуки боевой трубы и грохот военных барабанов. За короткий период Лесной и межевой институт оказался на уровне хороших кадетских корпусов Петербурга. В 1843 г., когда в Министерстве государственных имуществ был возрожден Лесной департамент, директором его был назначен Ламсдорф, освобожденный от должности директора института с производством в генерал-майоры. С 1852 г. он - член Совета Министерства государственных имуществ. Уже находящегося в отставке (с 1857 г.), его в 1861 г. назначают опекуном Гатчинского сиротского института, в котором воспитывались дети гражданских и военных чиновников. Его выпускники, как правило, направлялись для продолжения учебы и в Лесной институт - в отдельные годы в нем находилось до 40 "гатчинцев".

Уже упоминавшийся выше выпускник Лесного и межевого института (1843) Н.В. Шелгунов дает следующую характеристику Ламсдорфу:

"Самым же большим человеком был директор полковник Ламсдорф... Граф говорил певучим голосом... Голос его слышался уже издали, затем становился все громче и громче, потом в стеклянных дверях мелькала стройная фигура графа Ламсдорфа, а за нею его свита...

Обыкновенно граф Ламсдорф в классы не заглядывал. Он ведал только общее благоустройство и благочиние и старался воспитывать в нас хорошие манеры. Для этого он приходил иногда на уроки танцев и даже сам показывал, как в пя-

той фигуре французской кадрили следует делать грациозное соло. Но случалось, что, проходя мимо класса, граф Ламсдорф сам отворял дверь и звучным, громким голосом произносил чью-либо фамилию. Что затем происходило, пожалуй, даже не поддается описанию. Расскажу один случай. В классах стояли у нас очень широкие шкапы с ящиками. У каждого воспитанника был свой ящик, в котором держались книги, бумага, тетради, перья. Ниже ящиков было большое свободное дно, очень удобное для спанья. Кто не знал урока, обыкновенно ложился на это дно, шкаф запирался, и если учитель вызывал спрятавшегося воспитанника, мы отвечали: "Болен". Вот таким больным сделался раз Белопольский, самый высокий из нашего класса и, если я не ошибаюсь, то и самый ленивый. Граф Ламсдорф, проходя по коридору и подойдя к нашему классу, отворил дверь, звучным картавым тенором произнес: "Белопольский" и прошел дальше. Белопольский выскочил из шкапа, совершенно растерянный и бледный, как положено: забыл он тут и класс, и учителя, удивленного внезапным появлением Белопольского из шкапа, и, обращая то к тому, то к другому из товарищей, дрожащим голосом выкрикивал: "Дай мне ножик, дай мне ножик". - Зачем тебе ножик? - Я обрежу палец". Ножика Белопольскому, конечно никто не дал, и он в паническом страхе ушел на расправу.

Мои воспоминания о графе Ламсдорфе неполны. Я только и помню, что его "кавалькады" с блестящей свитой по классному коридору; помню его громкий, звучный тенор; помню, как на одном из танцевальных уроков он учил, как делать грациозное соло; помню случай с Белопольским; наконец, помню, как мы стояли в зале, выстроенные фронтом, как нам скомандовали "смирно", и мы притаили дыхание, как затем пришел граф Ламсдорф с большой блестящей свитой, и за блестящей свитой солдаты внесли скамейку и розги; конечно, помню, что граф Ламсдорф после блестящей речи, с которой он к нам обратился, произвел жестокую экзекуцию над двенадцатилетним воспитанником. Я графа Ламсдорфа очень боялся и, сравнительно с Каменским, он мне представлялся олицетворением ужаса. Холодная, головная жесткость графа Ламсдорфа была его личной чертой... мы чувствовали, что между нами и графом Ламсдорфом лежит целая, непроходимая ледяная пустыня,

мы не хотели ни в чем походить на него и, наперекор ему, даже соло не хотели танцевать грациозно" (*Шелгунов, 1923, с. 251*).

В 1843-1858 гг. директором Лесного и межевого института (до 1846 г. - исполняющим обязанность) был сугубо военный человек - Егор Петрович ШВЕНГЕЛЬМ, батальонный командир, подполковник, с 1846 г. - полковник, с 1858 г. - генерал-майор. Следует отметить, что деятельность Лесного и межевого института в период,

туда был назначен специалист по межевому делу, старший член межевой канцелярии, межевой инспектор, полковник Александр Алексеевич ЛЮТИНОВ. Вскоре (6 июля 1860 г.), однако, он по болезни ушел в отставку в чине генерал-майора. На его место 14 октября 1860 г. назначен полковник генерального штаба Пажон де Монсе с переводом в Корпус лесничих. Наверное и он был уже пожилым человеком, так как спустя два года в 1862 г. умер.



Е. П. Швенгельм,
директор Лесного института (1843-1858)

когда директором был Е.П. Швенгельм, находилась под неусыпным патронажем не только управляющего Корпусом лесничих Н.М.Ламсдорфа, министра государственных имуществ графа П.Д. Киселева, но и самого императора.

После смерти Е.П. Швенгельма в 1858 г. временное исполнение обязанностей директора Лесного и межевого института было поручено уже известному преподавателю, лесоводу, инспектору института, первому генерал-майору Корпуса лесничих Виктору Семеновичу Семенову. Однако в связи с назначением его на новую должность вице-инспектора Корпуса лесничих, с 23 сентября 1858 г. директором инсти-



А. А. Логтинов,
директор Лесного института (1858-1860)

В том же году новым директором Лесного и межевого института стал Иван Гаврилович ВОЙНЮКОВ, один из известных выпускников Лесного института, можно сказать, заслуженный деятель лесного дела России XIX в. и первый директор-лесовод Лесного и межевого института.

Родился И.Г. Войнюков в 1817 г. в Тульской губернии в семье младшего лесничего титулярного советника Г. А. Войнюкова. После одного класса гимназии он окончил в 1836 г. Лесной институт. В течение 3-х лет стажировался в Тарандской лесной академии. По свидетельству графа Толстого, "наши молодые лесоводы Войнюков и Вигте при недавнем еще пребывании

своим в Тарандте успехами уже заслужили одобрительные отзывы профессоров".

При этом Войнюков проявил столько любознательности и усердия, что русский посланник Шредер рекомендовал оставить его на стажировке до весны 1841 г., поскольку "он самолюбив и не захочет себя уронить в предоставленной ему возможности хорошо узнать зарубежное лесное дело" (РГИА, ф. 398, оп. 83, № 155, 1837-1841).



И. Г. Войнюков,
директор Лесного института (1862-1864)

После теоретического курса он объехал многие лесничества Саксонии и Богемии.

В 1841-1846 гг. И.Г. Войнюков - ученый лесничий Лисинского учебного лесничества. При нем осушены первые лесные болота, в том числе знаменитая своим первоклассным лесом Суланда. Он же был автором проекта осушения Хейновского болота.

В 1846 г. его переводят в Лесной и межевой институт, в котором он работал долгое время преподавателем, а с 1858 г. - инспектором и наставником-наблюдателем. Возглавлял институт И.Г. Войнюков в 1862-1864 гг., когда он был Лесным и межевым и когда был преобразован в Лесную академию. Генерал-майор Корпуса лесничих (с 1864 г.) И.Г. Войнюков с 1869 г. - исполняющий обязанности, а затем, в 1871-1875 гг. - директор Лесного департамента.

Во второй половине периода существования Лесного и межевого института с военным устройством Закон Божий преподавал священник Быстроумов, историю - Белоха, геодезию - Андреев и Шварев, ботанику и физиологию растений - известный ученый-доктор Мерклин. Специальные лесные дисциплины читали лучшие выпускники Лесного института, прошедшие, как правило, научные стажировки в Германии, имевшие уже стаж практической работы, авторы первых книг по лесоводству. Так, в разное время орнитологию и лесоохранение преподавал В.С.Семенов, энтомологию, лесоохранение, лесные законы в кадетских классах и курс лесовозобновления и лесоразведения в офицерском классе - А.А.Длотовский. Лесоводство читали Ф.К.Арнольд и А.К. Боде, лесную таксацию с лесоустройством - В.С.Семенов, Ф.К. Арнольд и А.К. Боде, лесные законы - Ф.К. Арнольд, он же читал и лесопотребление после Серебрянникова и Боде, егерскому искусству учили Пундт и Боде.

В офицерском классе лесоводство, государственное лесное хозяйство и энциклопедию лесных наук читали А.К. Боде и Ф.К. Арнольд, а анатомию и физиологию растений - доктор Мерклин.

Инспекторами классов до 1840 г. был Немани, его сменил надворный советник Люце - впоследствии вице-инспектор Корпуса лесничих и вице-директор Лесного департамента. С 5 января 1846 г. место инспектора занял бывший до того преподавателем и наставником-наблюдателем В.С.Семенов, а после него - И.Г. Войнюков.

4. 9. Выпускники института

В 1840 г. в Лесном и межевом институте установился обычай заносить на мраморную доску, укрепленную в рекреационном зале, имена офицеров, окончивших курс в офицерском классе первыми в успехах по выпуску при полных баллах поведения. Эта доска почета существовала еще и в 1903 г., когда торжественно отмечалось столетие Лесного института.

На доске были начертаны имена с датами выпуска института Константина Бекмана и Дмитрия Машукова (1840), Егора Гримме (1842), Антона Гржегоржевского (1847), Людвига Гржегоржевского (1848), Петра Казицына (1850), Василия Ненсберга (1852).

На доске выпускников инженерно-топографической роты значились: Иван Барашев (1844), Петр Севастьянов, Феликс Полухтович (1845), Антон Кубацкий (1846), Николай Стоцкий, Петр Елсаков, Александр Михельсон, Иван Григорьев, Изидор Рацевич (1846), Фаддей Шипило (1848), Сергей Лукашевич (1850) и Стефан Заневский (1853).

Всего за время существования Лесного и межевого института с устройством его по образцу военно-учебных заведений в нем получили специальное лесное образование 854 чел. При этом, согласно "Списку...", прием и выпуски были регулярными, ежегодными. Только в 1845 г. не было выпуска из-за продления практики в Лисино на один год. Ежегодно выпускалось в период 1838-1864 гг. от 10 (1839) до 67 (1862) лесных специалистов, в том числе из офицерского класса - 43 подпоручика, из кадетских классов по первому разряду с чином прапорщиков - 373 чел., а лесными кондукторами - лишь 12 чел. Остальные были выпущены по второму разряду.

Из выпускников Лесного и межевого института некоторые оставили глубокий след в истории отечественного лесоводства.

Прежде всего стоит назвать Федора Карловича АРНОЛЬДА (1819-1901) - выпускника 1838 г. Многие поколения лесоводов называют его творцом русского лесоустройства, дедушкой русского леса. Уже в 1845 г. за составление первой карты лесов Европейской России Арнольд был удостоен Обществом поощрения лесного хозяйства золотой медали. Профессор Лесного и межевого института, заведующий одной из са-

мых первых кафедр Земледельческого института - кафедрой лесоводства, редактор "Газеты лесоводства и охоты", автор трехтомного энциклопедического труда "Русский лес" (1890-1891), "Истории лесоводства в России, Франции и Германии" (1895), целого ряда учебников, он обогатил нашу отечественную лесную литературу капитальными трудами едва ли не по всем отраслям лесоводственной науки.



Проф. Ф. К. Арнольд,
преподаватель Лесного института

Константин Богданович БЕКМАН - выпускник 1838 г. Очень многое сделал для становления и развития первого в России Лисинского учебного лесничества. Это в его бытность в качестве ученого лесничего (1846-1849) и в должности директора (1849-1863) этого учебного практического заведения были проведены первые ревизии полного лесоустройства 1841 г., осушения лесных болот - Суланды и Хейновского, почти на 1,5 тыс. га вырубок и осушенных земель были созданы посевом и посадкой культуры сосны, ели, лиственницы, дуба, липы и

других древесных пород, в 1847 г. заложен сохранившийся до наших дней дендрологический сад. Это при Бекмане в Лисино построены Охотничий дворец для царя, здание Егерского училища, церковь (архитектор Л.Н.Бенуа). Благодаря своим практическим знаниям лесного дела,



К. Б. Бекман,
директор Лисинского учебного лесничества

обширному знакомству с иностранной литературой и лесной практикой Бекман умело осущал для воспитанников Лесного института на практике не всегда ясно понимавшиеся теоретические истины и этим заслужил авторитет практикантов института.

Виктор Егорович фон-ГРАФФ (1820-1867) - выпускник Лесного и межевого института 1841 г., основоположник лесоразведения в южно-русских степях. Итальянец по матери, немец по отцу, русский по воспитанию и православный по вероисповеданию, он отдал свою жизнь и жизнь своих близких на благо русской лесной науки, отечественного лесоводства. В течение 23 лет, заведя основанным им в Донецкой степи Екатеринославской губернии Великоанадольским образцовым степным лесничеством, фон-Графф создал 270 га массивных лесных насаждений в извечно безлесной степи, испытал около 100

древесных и кустарниковых пород и десятки агротехнических приемов для степного лесоразведения, подготовил в школе сельских лесников 170 специалистов, построил первую в России лесную обсерваторию, в течение 23 лет вел непрерывные фенологические и метеорологические наблюдения, курировал все степное лесоразведение на юге России. Он же был и первым профессором кафедры лесоводства в Петровской земледельческой и лесной академии (Редько, 1994). На деньги лесничих фон-Граффу в 1911 г. в центре Великоанадольского леса поставлен памятник - обелиск.

Несомненно выдающимся выпускником Лесного и межевого института (1841) стал Николай Васильевич ШЕЛГУНОВ (1824-1891) - прапорщик, а после офицерского класса - поручик. Как ученый-лесовод известность он приобрел за свою первоначальную лесную почти 20-летнюю деятельность (1843-1862): от поручика до полковника Корпуса лесничих, от таксатора Лесного департамента (1843-1849) до лесного ревизора сначала Самарской, а затем С.-Петербургской губернии, ученый лесничий Лисинского учебного лесничества (1856-1857), начальник IV отделения Лесного департамента (1858-



Проф. Н. В. Шелгунов,
преподаватель Лесного института

1859), профессор Лесного и межевого института (1859-1862). Кроме нескольких десятков статей по самым различным вопросам лесоводства - от разработки торфа и осушения болот (1848) до объяснительной записки к проекту лесного устава и материалов лесного законодательства (1861), Шелгунов успел написать и издать книги, которые и сегодня, спустя почти 150 лет, не потеряли своей ценности: "Лесоводство. Руководство для лесовладельцев" (1856), "История русского лесного законодательства" (издание одобрено Специальным лесным комитетом Лесного департамента (1857), "Лесная технология" (в соавторстве с Вс. Греве, 1858) и "Порядок управления казенными лесами" (1860). Последнее руководство подготовлено совместно с первыми слушателями специального курса лесоводства для выпускников университетов Е.С.Писаревым, Н.Е.Поповым, А.Н.Фронцевичем, Д.Д.Шиловым и Н.В.Шошиным. Это руководство также было одобрено Специальным лесным комитетом, а его авторы удостоены денежных премий.

В период своей лесной службы Шелгунов дважды был в заграничных командировках - в 1858 и 1859 гг. О том, в каких странах он знакомился с лесным хозяйством, свидетельствуют его "Письма русского лесничего..." на страницах "Газеты лесоводства и охоты": Германия (1856 г., № 6, 17, 21, 22, 23, 25, 38, 46 и 47; 1857 г., № 1-2); Франция (1858 г., № 34-41); Швеция (1858 г., № 43-46), Пруссия (1858 г., № 47-51); Саксония (1858 г., № 52; 1859, № 5); Бельгия (1859 г., № 7), Франция (1859 г., № 9-12 и 15); Бавария (1859 г., № 18-20), Австрия (1859 г., № 33 и 34), Польша (1859 г., № 36 и 37).

Несколько месяцев в 1856-1857 гг. Шелгунов был ученым лесничим Лисинского учебного лесничества - фактическим профессором всех лесных наук, а в конце 1857 г. он уже начальник IV отделения Лесного департамента (вместо перешедшего в институт на открывшуюся вакансию проф. Ф.К.Арнольда). В 1859-1862 гг. Шелгунов в качестве профессора читал слушателям Лесного и межевого института специальный курс лесоводства - "Лесное законодательство России".

За публикацию прокламаций "К молодому поколению" и "К солдатам" Шелгунов в апреле 1863 г. был арестован и в течение 20 месяцев находился в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости. После освобождения в 1864 г.

(суд фактически оправдал его, все на себя взял и был осужден его товарищ - Михайлов) Шелгунову предложили уйти из Лесного института для продолжения службы в Астрахани. Он подал в отставку, которая была принята без права ношения мундира и без пенсии. С этого времени Шелгунов целиком отдается общественной публицистической и журналистской деятельности. Как соратник Н.Г. Чернышевского, за свою революционно-демократическую деятельность он приобрел видное место в истории русской публицистики, литературной критики и журналистики 60-80-х годов XIX в. Разносторонне развитый и талантливый человек, Шелгунов стал "учителем молодежи". Его избранные сочинения в 3-х томах трижды издавались в России. В них включены были статьи исторические, педагогические, критические и чисто публицистические. Оставил Шелгунов и свои воспоминания, в том числе об учебе в Лесном и межевом институте. Особенно страстно и открыто он критиковал недостатки лесного дела в крепостнической России и бескомпромиссно выступал против слепого подражания заграничным инструкциям и авторитетам: "Германские ученые были первыми нашими наставниками в науке лесоводства, они внесли к нам основания своего лесного хозяйства. В то время, время младенчества лесной науки, мы не знали ни наших лесов, ни наших потребностей; мы взяли дитя Германии, надели на него русский кафтан и, довольные собою, пустились рассуждать о проходных порубках, процентах пользования из лесов... русский кафтан совершенно не в пору нашему гостю... Нам кажется, что в настоящее время, более, чем когда-нибудь, настала пора подумать о лесном хозяйстве; потому что, кроме недостатка лесов, вызывающего эту потребность, и самая наука лесоводства стряхнула уже с себя влияние германского лесоводства и настолько выработалась из русских начал, что может уже предложить правила, вполне испытанные у нас... нынче... лесоводство России не германец в русском кафтане, а наука русская, вполне применимая в России и действительно для нас полезная..." (Шелгунов, 1923).

С такими патриотическими чувствами и так страстно обращался Шелгунов к лесовладельцам во введении своего курса "Лесоводство" (1856). В свои лекции он вкладывал глубокое социальное содержание, стремясь привить слу-

шателям высокие идеалы служения Родине, народу, считал необходимым "раскрыть глаза юношам, показать им... что они такое... на что они должны себя готовить и как должен создаваться лесничий, чтобы быть человеком и гражданином..." (Шелгунова, 1901). В одном из писем к своей жене он писал: "Я счастлив, что буду читать такую невозможную вещь, как лесные законы, счастлив, потому что будет наибольшая возможность коснуться всех наших научных и других нелепостей и тупоумия русско-немецкого лесоводства" (Там же). Профессор в процессе воспитания студенчества обязан сам быть примером для молодежи во всем, считал Шелгунов. Учить надо не одними лекциями, личность профессора как человека играет огромную роль в воспитании молодежи: "... нелегко обмануть учеников внешностью, блестящей формой; поэтому профессор со слабомыслящей головой, с отсутствием способности читать в сердцах своих учеников и при познаниях, не окупающих недостаток этих способностей, может драпироваться как ему угодно, сохранять постоянно очень глубокомысленный вид, любви он не встретит и принесет не много пользы" (Шелгунов, 1857). Если учесть, что среди чиновников Лесного департамента и Министерства государственных имуществ в составе преподавателей института было много немцев, да и директорами его были, как правило, немцы, естественно, что демократические принципы преподавания, сугубо критическое отношение к существующей постановке лесного образования не находили поддержки и у всесильных представителей официальной лесной науки. Может быть поэтому Шелгунов не был упомянут, с одной стороны, как выдающийся выпускник Лесного института в "Историческом очерке..." (1903), а с другой, был всячески восхваляем в советский период, преимущественно за свою революционно-демократическую, публицистическую деятельность, прямо призывавший к неповиновению правительству и свержению царского режима. Кстати, по содержанию его прокламации "К молодому поколению" и "К солдатам" созвучны и нашему времени.

Граф Альфонс Романович ВАРГАС ДЕ БЕДЕМАР (1816-1902) - датчанин по рождению, испанец по отцу, выпускник Тарандской лесной академии. В 1841 г. был зачислен в Лесной и межевой институт обычным кадетом "для узнания

порядка фронтовой службы, изучения русского языка и приспособления к преподаваемому в этом заведении курсу лесных наук" - такова была резолюция министра государственных имуществ П.Д. Киселева на заявлении 25-летнего Варгаса де Бедемара с просьбой о принятии в институт. Уже через 4 месяца ему был присвоен чин прапорщика, а после окончания офицерского класса - чин подпоручика и звание запасного лесничего. Россия стала второй родиной Варгаса де Бедемара.



Граф А. Д. Варгас де Бедемар,
почетный член Лесного института

Его таблицы запаса и прироста древесины для Санкт-Петербургской, Тульской, Самарской и др. губерний приобрели европейскую известность. По ним в течение многих десятилетий таксаторы и лесоустроители вычисляли запасы и приросты древесины, ход роста лесонасаждений. Он первым устроил леса будущей опытной лесной дачи Петровской земледельческой и лесной академии. Полковник Корпуса лесничих, полный кавалер орденов Святой Анны и Святого Станислава, кавалер ордена Владимира 2-й степени, обладатель бриллиантового перстня и золотой медали, тайный советник - так он был оценен за заслуги в России. Даже Датское коро-

левство наградило русского поданного командирским крестом ордена Денеброга.

Федор Тихонович ТИХОНОВ - выпускник Лесного и межевого института 1852 г. Основатель степного лесоразведения в степях Войска Донского, учредитель Донского опытного лесничества. Неутомимым длительным трудом разработал и испытал различные приемы степного лесоразведения.

Александр Филицианович РУДЗКИЙ (1838-1901) - выпускник института 1858 г. После почти 20-летней работы лесничим он стал профессором лесоустройства, 25 лет заведывал соответствующей кафедрой в Лесном институте. Рудзкий - лесовод-энциклопедист. Он обогатил русскую лесоводственную литературу своими трудами по лесной таксации и лесоустройству. Ему принадлежит первая и очень удачная попытка популяризации лесоводственных знаний в изданных им "Лесных беседах".

Перечень выдающихся лесоводов - выпускников Лесного и межевого института можно продолжить.

Выпускник 1853 г. А.Ф.БУДИЦЕВ (1830-1868) прожил всего 38 лет. Однако он вошел в историю отечественного лесоводства как первый исследователь приамурских лесов. Он составил замечательное подробное описание их, внес значительный вклад в изучение природы и географии бассейна р. Амур.

Не меньшая заслуга и Владислава БОРОВСКОГО - выпускника 1850 г., первого лесовода, посетившего Печорский край. Описание лесов края, составленное Боровским, дало первый толчок развитию лесной промышленности, хотя попытка Крузенштерна везти лес с Печоры за границу и оказалась неудачной.

Некоторые из выпускников Лесного и межевого института достигли высокого положения в

служебной иерархии. Так, Юлий Иванович БЛЮМЕНТАЛЬ (выпускник 1858 г.) после работы лесничим и управляющим палатой государственных имуществ в Казанской губернии был председателем С.-Петербургского лесного общества, занимал должность вице-инспектора Корпуса лесничих, а в 1879-1881 гг. - директора Лесного департамента.

Павел Анжелович КАМПИОНИ (выпускник 1854 г.) также прошел путь от лесничего Рогачевского лесничества в Могилевской губернии и губернского лесничего Пензенской и Костромской губерний до директора Лесного департамента в 1882-1886 гг.

Николай Семенович ШАФРАНОВ (выпускник 1863 г.) в течении 12 лет (1887-1899) был директором Санкт-Петербургского лесного института.

Некоторые воспитанники Лесного и межевого института, как это всегда бывает, изменили своему знамени и искали хлеба, а может быть и карьеры, на других полях деятельности. Но большинство шло по тому пути, к которому подготовила их Alma mater. В лесной глуши, часто лишённые соседства интеллигенции, бывшие воспитанники Лесного и межевого института сеяли и сажали деревья, создавая для грядущих поколений ценные насаждения, приводили леса в известность, составляли планы правильного лесного хозяйства, вели борьбу с хищничеством и невежеством, делали общественное и профессиональное дело, не заботясь прославиться и сохранить в потомстве свое имя, а следуя зову предков:

Да возвеличится Россия
И гибнут наши имена.

(Исторический очерк, 1903, с. 105-106).

